

Текст взят с психологического сайта <http://www.myword.ru>

На данный момент в библиотеке MyWord.ru опубликовано более 2500 книг по психологии.

Библиотека постоянно пополняется. Учитесь учиться.

Удачи! Да и пребудет с Вами.... :)

Сайт www.MyWord.ru является помещением библиотеки и, на основании Федерального закона Российской Федерации "Об авторском и смежных правах" (в ред. Федеральных законов от 19.07.1995 N 110-ФЗ, от 20.07.2004 N 72-ФЗ), копирование, сохранение на жестком диске или иной способ сохранения произведений размещенных в данной библиотеке, в архивированном виде, категорически запрещен.

Данный файл взят из открытых источников. Вы обязаны были получить разрешение на скачивание данного файла у правообладателей данного файла или их представителей. И, если вы не сделали этого, Вы несете всю ответственность, согласно действующему законодательству РФ. Администрация сайта не несет никакой ответственности за Ваши действия./

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Н. А. Логинова

ОПЫТ ЧЕЛОВЕКОВЕДЕНИЯ
ИСТОРИЯ КОМПЛЕКСНОГО ПОДХОДА
В ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ШКОЛАХ
В.М.БЕХТЕРЕВА И Б.Г.АНАНЬЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

2005

ББК 88.1

Л69

Рецензенты: проф. Л. А. Головей (С.-Петерб. гос. ун-т), проф. Е. В. Левченко (Пермский гос. ун-т)

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета факультета психологии
С.-Петербургского государственного университета*

Логинова Н. А.

Л69 Опыт человекознания: История комплексного подхода в психологических школах В. М. Бехтерева и Б. Г. Ананьева. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. — 285 с.
ISBN 5-288-03676-4

В книге раскрывается логика и история комплексного подхода в области психологического познания человека и его развития; представлены новые факты из истории научной деятельности В. М. Бехтерева и созданных им научных учреждений — Психоневрологического института и Института мозга. Освещается история становления и развития психологической школы Б. Г. Ананьева на основе его концептуальной системы; доказывается, что оригинальность и плодотворность психологического человекознания в школе Б. Г. Ананьева обусловлена антропологизмом его психологической теории. Особое внимание уделено замыслу и результатам комплексных исследований индивидуальности и ее развития, организованных Б. Г. Ананьевым в 1960-1970-х годах в ЛГУ-СПбГУ.

Для психологов, аспирантов, студентов и всех, кто интересуется методологией и историей комплексного человекознания в психологии.

ББК 88.1

© Н. А. Логинова, 2005

© Издательство
С.-Петербургского
университета, 2005

ISBN 5-288-03676-4

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая книга создавалась в течение трети века под сильнейшим впечатлением личности моего учителя Бориса Герасимовича Ананьева; в ее основе лежит драгоценный для меня опыт учебы и работы в научной школе Б. Г. Ананьева и незабываемого общения с ним.

Когда Бориса Герасимовича не стало, мы, его ученики, почувствовали себя сиротами, вместе с тем возникло чувство ответственности за то, чтобы сохранить и передать другим личное знание о Борисе Герасимовиче и его науке. И я решила посвятить свой труд в психологии изучению и прославлению дела Ананьева. При жизни Бориса Герасимовича у меня вошло в привычку почти дословно записывать его лекции и выступления, которые удавалось услышать. После его кончины я имела возможность общаться с его вдовой Ольгой Евгеньевной Короли и дочерью Натальей Борисовной Ананьевой, а также с психологами разных поколений, лично знавшими Б. Г. Ананьева. Они обогатили мои представления о благородной личности этого человека, о событиях и идейной атмосфере тех далеких лет, когда происходило становление и развитие научных школ В.М.Бехтерева и Б.Г.Ананьева, а вместе с тем творилась новейшая история психологической науки в СССР—России. Всем моим собеседникам я глубоко признательна за интеллектуальную и душевную щедрость и внимание к моей работе. Я особенно благодарна Борису Федоровичу Ломову и Елене Александровне Будиловой, которые советами и личным добрым отношением поддержали мои историко-биографические исследования.

Идеи и достижения В.М.Бехтерева и Б.Г.Ананьева, развивали междисциплинарное человекознание, вместе со своими учениками они проводили комплексные исследования человека в целях

психологического познания. В русле их исследований сформировались психологические научные школы, преемственно связанные друг с другом. Научные психологические школы В.М.Бехтерева и Б. Г. Ананьева образовали по сути антропологическое направление в отечественной научной психологии, ученые этого направления были убеждены, что будущее психологии зависит от прогресса всех наук о человеке и всемерно ему содействовали.

В истории психологии бехтеревское направление, деятельность созданных им комплексных научных учреждений Психоневрологического института, Института мозга все еще недостаточно изучены. История комплексных исследований человека одновременно является историей родственных научных школ В.М.Бехтерева и Б. Г. Ананьева. Задача книги воссоздать эту историю, изучить внутреннюю логику комплексных исследований в системе взглядов В. М. Бехтерева, а затем Б. Г. Ананьева; рассмотреть историю этого направления с точки зрения комплексного человекознания и попытаться понять, почему и зачем В. М. Бехтерев обратился к методологии комплексного подхода к человеку. В методологическом плане комплексный подход и объективность психологического познания явились двумя сторонами научной программы В. М. Бехтерева. В содержательном плане это означало антропологизацию психологической науки.

Подобным путем, но на иных философских основаниях, в иное историческое время шел и Б.Г.Ананьев, чью теорию можно смело назвать антропологической психологией. В. М. Бехтерев и Б. Г. Ананьев, обладая оригинальными теориями и научными программами, сумели организовать и провести комплексные исследования, воспитать и сплотить своих учеников. На материале, касающемся формирования научной школы Б. Г. Ананьева, мы намерены доказать, что определяющее значение концептуальной системы ученого — в продуцировании конкретных научно-исследовательских программ и теорий.

Концептуальная система — это образ мира, созданный профессионалом, единство его конкретно-научных и философских взглядов, итог исследовательского и жизненного опыта. В книге прослеживается становление концептуальной системы Б. Г. Ананьева в процессах осуществления нескольких его научно-исследовательских программ. Наибольшее внимание уделено программе собственно комплексных исследований человека, развивавшейся на основе структурно-генетической концепции Б. Г. Ананьева, основные поло-

жения этой концепции также освещаются в данной книге. Считаю своим долгом воссоздать историю коллектива научной школы Б.Г.Ананьева и рассказать о его наиболее значительных исследовательских результатах. Ныне, когда антропологизация психологии стала доминирующей тенденцией ее развития, необходимо осмыслить историю антропологического направления в отечественной психологии, основанного В. М. Бехтеревым и продолженного Б. Г. Ананьевым.

Всестороннее целостное знание — идеал, к которому стремится наука. Он может быть приближен конкретными междисциплинарными исследованиями на основе теории целостного человека, которую создавали многие выдающиеся ученые, и среди них В.М.Бехтерев и Б.Г.Ананьев. Надеюсь, мой скромный труд послужит во славу этих ученых и созданного ими антропологического направления в психологии. Это представляется тем более важным, что их значение еще недостаточно раскрыто и оценено в мировой и отечественной науке.

Книга издается в рамках мероприятий по подготовке и празднованию двух больших юбилеев — 150-летия В.М.Бехтерева и 100-летия Б.Г.Ананьева, которые будут отмечаться в 2007 г. Настоящее издание было бы весьма затруднено без поддержки факультета психологии СПбГУ и его декана Ларисы Александровны Цветковой.

ВВЕДЕНИЕ

Наиболее адекватным средством всестороннего и целостного познания человека является особая методологическая стратегия, называемая комплексным подходом, который также выступает формой организации практической работы с людьми в экономической, социальной и личной сферах, принципом воспитания подрастающего поколения.

Свою гносеологическую функцию комплексный подход реализует через комплексные исследования сложных объектов с разнородной многоуровневой структурой. Поскольку психические явления детерминированы не только объектами отражения, но и разнородной и многоуровневой структурой человека, постольку психология обязана опираться на весь комплекс знаний о человеке. Психология выступает орудием связи между многими науками, изучающими человека (Ананьев, 19686). Она наиболее близко подошла к созданию конкретно-научной картины человека во всем многообразии его социальных, природных и психических свойств.

Комплексное изучение человека в идеале призвано дать целостное представление о нем, привести к пониманию связей между разными категориями его свойств, принадлежащих разным уровням его структуры. Это означает, что оно является также и системным. Вопрос о соотношении комплексного и системного подходов еще не достаточно разработан, но уже получил освещение в публикациях Б.Г.Ананьева (19686 и др.), В.А.Ганзена (1984), О.И.Иванова (1981, 1987), новосибирских ученых (Методологические проблемы 1983) и др.

Соотношение системного и комплексного подходов описывается в настоящей монографии в трех аспектах — онтологическом, гносеологическом и организационном, при этом мы опираемся как на теоретические исследования предшественников, так и на богатый опыт комплексных исследований человека в целях его психологического познания, накопленный в родственных научных психоло-

гических школах В.М.Бехтерева и Б.Г.Ананьева. Организаторы этих исследований выступили с новаторскими идеями и сумели на деле показать ценность комплексного подхода к проблеме человека.

К сожалению, этот исторический факт не всем известен, или умышленно замалчивается. Приоритет в разработке комплексного подхода приписывается другим ученым, которые намного позже В. М. Бехтерева и Б. Г. Ананьева пришли к нему или только начали его декларировать. Например, известный философ Б. Г. Юдин, директор Института человека РАН, в своей статье о десятилетии института пишет: *«Впервые в мировой практике в институте была предпринята попытка проанализировать проблему человека в свете опыта междисциплинарных исследований как особого феномена науки второй половины XX в. Это дало возможность четко сформулировать условия, при которых проблему человека как целостного существа можно трансформировать в предмет специально организованного комплексного научного исследования»* (курсив мой. -Н. Л.) (Юдин 2001: 15).

Историческая справедливость по отношению к первопроходцам комплексного человекознания тем более необходима, что идея комплексного подхода и междисциплинарных исследований человека вновь и вновь провозглашается как самая перспективная. Так, на страницах журнала «Человек» много раз в ее пользу высказывались крупные современные ученые России¹. Именно с комплексным подходом, сочетающим гуманитарные и естественные науки и — шире — культуру и науку в исследовании человека, в наши дни связывают лидерство российской мысли в мировой науке (Перспективы 2003).

В отечественной психологии уже давно сложилась определенная традиция комплексного подхода к проблеме человека — субъекта сознания и деятельности. История этой традиции уходит своими корнями в русскую материалистическую философию и естественнонаучную психологию, которые опирались на антропологический принцип. В ряду ученых антропологической направленности Н. Г. Чернышевский, И. М. Сеченов, К. Д. Ушинский, П. Ф. Лесгафт, В. М. Бехтерев. Несмотря на идейные различия и своеобразие научного пути каждого из них, их объединяет приверженность идее

¹ Например, академик РАН В. И. Иванов: «Конечно же наука о человеке будет развиваться только как комплексная — от строения тела до развития духа, и все это во времени и пространстве, в реальной обстановке биосферы Земли» [Перспективы 2003: 8].

психофизического единства человеческой природы, стремление к объективному ее познанию средствами конкретных наук, особенно естественных.

Эту идею настойчиво проводил в жизнь В.М.Бехтерев, который впервые в мире организовал конкретно-научные комплексные исследования человека. Для этой цели он основал уникальное научное и образовательное учреждение — Психоневрологический институт (вначале предлагалось название психологический) (1907), затем Институт по изучению мозга и психической деятельности (1918), Психоневрологическую Академию (1921).

В школе В.М.Бехтерева комплексное изучение человека служило не только интересам науки, но и запросам медицинской и педагогической практики. Комплексный подход осуществлялся на платформе естественнонаучного материализма. В.М.Бехтерев предпринял попытку синтеза разнородных знаний о человеке в форме рефлексологии, которая, в соответствии с состоянием науки того времени, отличалась упрощенными представлениями о биосоциальных соотношениях, фактическим игнорированием психологической реальности.

Идея комплексного подхода к проблеме человека продолжала жить и после смерти В. М. Бехтерева в сознании и делах его учеников, сотрудников Института мозга. В послевоенное время история комплексного подхода в советской психологии связана прежде всего с деятельностью Б. Г. Ананьева и его научной школы. Ананьев принял эстафету комплексных исследований Бехтерева и методологически обосновал их необходимость в новых исторических условиях, на новом уровне развития науки. На рубеже 60-70-х годов XX в. он выступил организатором комплексных исследований человека как субъекта и человека как индивидуальности. Ныне, спустя четыре десятилетия, можно и нужно оценить программу, результаты, опыт организации и перспективу комплексного подхода в психологии с точки зрения современных тенденций развития науки, в том числе системологии (этим термином в нашей книге обозначается вся область методологических исследований, посвященная разработке системного принципа и системного подхода).

Характер настоящего исследования методологический, а также историко-психологический. «Проблемы в истории науки актуализируются в связи с актуализацией проблем современной теории, определяются точками роста современной психологической науки, а также разработанностью ее методологии» (Будилова 1988: 237).

Исходя из этого положения, мы считаем необходимым реконструировать историю комплексного подхода к проблемам человека и его сознания, историю, связанную главным образом с научной деятельностью В. М. Бехтерева, Б. Г. Ананьева и их школ, генетическая связь которых прослеживается под углом зрения развития идеи комплексности, всесторонности изучения человека для нужд психологического познания. В то же время мы понимаем, что были и другие последователи, ученики Бехтерева, несомненно заслуживающие внимания историков и теоретиков психологии и специального исследования, среди них назовем М. Я. Басова, А. Ф. Лазурского, В. Н. Мясищева². Их место в истории психологии определяется постановкой и решением иных, нежели комплексный подход и синтетическое человекознание, проблем. Общность научного «происхождения» этих и других ученых позволяет причислить их к бехтеревскому направлению в широком смысле.

История российской психологии советского периода представлена во многих исследованиях российских ученых в первую очередь Е. А. Вудиловой (1960, 1972), А. Н. Ждан (1997), В. А. Кольцовой (Психологическая наука 1997), А. В. Петровского (1965, 1967, 1988 и др.), А. А. Смирнова (1975, 1978 и др.), М. Г. Ярошевского (1985, 1993). Определенное место в их работах отводится рефлексологическому учению В. М. Бехтерева, научной деятельности его самого и последователей. Однако эти и другие авторы не ставили задачу углубиться в исторические подробности жизни школы В. М. Бехтерева и ограничились общей характеристикой ее деятельности. Пробелы относительно школы Бехтерева необходимо заполнить новым поколениям историков. К тому же актуализация истории бехтеревской школы обусловлена тем, что большинство исследований по истории психологии были выполнены в советское время, с идеологизированных позиций. Теперь методологическая ситуация коренным образом изменилась, и прежние историко-научные представления и оценки нуждаются в пересмотре.

В историко-психологической литературе бехтеревское направление психологии представлено сравнительно скупо и в иные периоды замалчивалось. К сожалению, еще нет монографического исследования о Бехтерева-психологе, а между тем в настоящее время

²0 другой ветви школы В. М. Бехтерева, представленной М. Я. Басовым, А. Ф. Лазурским, В. Н. Мясищевым, написаны диссертация, книги и статьи Е. В. Левченко (Левченко 1999, 1999а; 2003 и др.). Психологическое наследие М. Я. Басова изучено в кандидатской диссертации Э. Г. Исаевой (Исаева 1973).

интерес к нему растет. Историки отечественной психологии изучали и изучают мировоззрение и научный вклад В. М. Бехтерева и в целом высоко оценивают его роль в психологии (Ананьев 1947, 1959; Белозерцева 1975; Будилова 1960, 1985; Будилова, Кольцова 1985; Зейгарник, Белозерцева 1986; Кольцова 1985; Левченко 1999а, 1999, 2003; Ломов 1986; Мунипов 1968; Петровский 1967; Степанова 1982; Schultz 1969; Smith 1983). Однако в их работах специально не ставился вопрос, почему комплексный, всесторонний подход к человеку занял центральное место в деятельности В. М. Бехтерева, в каких формах он осуществлялся в его научной школе.

По-своему пришел к комплексным исследованиям человека Б. Г. Ананьев. Его путь определился не только тем фактом, что его научная биография берет свое начало в Институте мозга, созданного В.М.Бехтеревым, главное — комплексный подход явился логическим следствием развития его собственной концептуальной системы. Обращение к взглядам и делам Б. Г. Ананьева имеет значение не только для исследования истоков и развития комплексного и вместе с ним системного подхода в психологии, но и для восполнения пробелов в историографии психологии советского периода. О Б. Г. Ананьеве и его творчестве написаны диссертации (Логинова 1990; Саркисова 1976; Хлебникова 1987), книга (Логинова 1999), статьи (Анцыферова 1997; Александрова 1958; Бодалев, 1983; Бодалев, Ломов, Фришман 1980; Брушлинский, Кольцова, Логинова 2001; Кольцова 2002; Кольцова, Олейник 2003; Логинова 1982; 1988; Ломов 1968; Мазманян 1974; Мироненко 2000; Рыбалко 1977; Степанова 1987; Якунин 1987 и др.).

Многие из этих публикаций приурочены к памятным датам и имеют мемориальный характер. Всесторонний анализ теории Б.Г.Ананьева и его жизненного пути еще не проводился. Творческое наследие Б. Г. Ананьева до сих пор представлено в российской историографии психологии недостаточно полно и глубоко. Это затрудняет понимание его истинной роли как крупного теоретика и методолога, организатора больших коллективных исследований, сосредоточенных на актуальных проблемах психологии. Теперь, спустя более тридцати лет после смерти Б. Г. Ананьева, пришло время более объективно оценить все, что было сделано им и его школой в контексте отечественной и мировой психологии; однако в данной книге не ставится такая всеобъемлющая задача, мы преимущественно освещаем магистральную линию научной деятельности Б.Г.Ананьева как вдохновителя и организатора комплексных

исследований человека в целях психологического познания; всестороннее исследование его творчества — задача ближайшего будущего.

Идея комплексного человекознания, выдвинутая В. М. Бехтеревым, развитая Б.Г.Ананьевым, удивительным образом соответствует современной антропологизации всех наук и самой психологии, а также развитию системного подхода в них. Эти тенденции обостряют интерес к предшественникам и их исследовательскому и организационному опыту и достижениям в области человекознания. К тому же сквозь призму истории удастся лучше разглядеть суть комплексного подхода в человекознании и его соотношение с системным подходом.

Глава 1

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД В ПСИХОЛОГИИ

Комплексный и родственный ему системный подходы стали фактически развиваться в психологии до того, как были методологически осмыслены. Действительно, научное познание не может не быть системным в том смысле, что отдельные знания подлежат систематизации в процессе построения теорий, отражающих психологическую реальность. В этом отношении системность — необходимый атрибут научности. Но это еще не есть собственно системный подход, для которого характерны свои понятия, средства анализа и синтеза, свой способ проблематизации предмета исследования. Обращение психологии к таким сложным явлениям, как сознание, личность, деятельность, вызвало необходимость опоры на принцип системности, который впоследствии конкретизировался в процедурах и понятиях системного подхода.

История системного движения в психологии связана с развитием представлений о субъекте сознания и деятельности. Человек — биосоциальное существо, в котором органически сочетаются законы природы и общества. Психика — интегральный эффект материальной жизни системы «человек», которая определяется ее отношениями с другими системами, составляющими мир человека. Поэтому вполне допустимо рассматривать сознание и психику как *системное качество* (Б.Ф.Ломов), а значит при изучении психического необходимо обращаться к знаниям природы тех систем, которые служат основанием для него.

Последовательный материализм в психологии состоит в том, чтобы вывести психическое из взаимодействия материального субъекта с окружающим миром. Психологическое познание при этом неизбежно выходит за пределы психических явлений в сферу

бытия организма и личности, в котором психика является необходимым звеном. Будучи зависимой от общей структуры субъекта, психика сама выступает и как особая система, *внутренний мир*. Идеалистические концепции и течения абсолютизируют автономность, самодостаточность психологических систем. В последние годы эта тенденция усилилась в концепциях гуманитарной и христианской психологии (Братусь 1997, 2000; Слободчиков, Исаев 1995, 1998; Шеховцова 2002). Для материалистической науки изучение психики как системы является промежуточным этапом на пути к раскрытию фундаментальной детерминации психического со стороны материальной природы человека и мира человека.

В истории психологии предпринималось немало попыток осмысления психического как функциональной системы. Фактически таковой стала теория З. Фрейда, для которой характерно акцентирование гомеостатических механизмов психологических систем. Общепризнано, что системные представления лежат в основе гештальт-психологии, исследований школы Жана Пиаже. Несомненно, развитие психологической науки способствовало оформлению системологии, которая, в свою очередь, стала оказывать влияние на создание психологических концепций. Так, идеи общей теории систем Л. Берталанфи были ассимилированы гуманистической психологией (Берталанфи 1969; Bertalanffy 1981; Buler 1959; General systems 1982; Stamps 1980).

Одним из первых на путь системного и комплексного исследования субъекта поведения и психической деятельности вступил В. М. Бехтерев, который организовал для этой цели Психоневрологический институт (1907) и Институт по изучению мозга и психической деятельности (1918). Методология комплексных исследований в человекознании разрабатывалась Б. Г. Ананьевым и послужила руководством в исследованиях индивидуальности и ее развития. Индивидуальность как интегральная система была представлена в работах В. С. Мерлина и его школы. Системность сознания утверждалась в трудах Л. С. Выготского и его последователей.

Системное движение в психологии методологически осмыслено в серии статей Б.Ф.Ломова и книге «Методологические и теоретические проблемы психологии» (Ломов 1975, 1984 и др.); в книге системный подход оценивается как перспективная стратегия современной психологии, ориентированная на всестороннее, многоуровневое, интегральное познание психического, на союз психологии со смежными науками, с которыми Б.Ф.Ломов связывает возмож-

ность интеграции самой психологической науки. «Нам представляется, что природа психического может быть понята только на основе системного подхода, т. е. *рассмотрения психического в том множестве внешних и внутренних отношений, в которых оно существует как целостная система.* Только на основе системного подхода могут быть объединены и многочисленные области психологической науки» (Ломов 1984: 88).

Системный подход— «направление методологии специально-научного познания и социальной практики, в составе которого лежит исследование объектов как систем... Системный подход ориентирует исследование на раскрытие целостности объекта и обеспечивающих ее механизмов, на выявление многообразных типов связей сложного объекта и сведение их в единую теоретическую картину» (Философский энциклопедический словарь 1989: 613). Системный подход характеризуется как общенаучная междисциплинарная методологическая концепция, главная задача которой — разработка специальных методологических понятий, способов и методов системного анализа сложных объектов (Садовский 1978: 15). Он представляет собой определенный способ видения реальной действительности, средство «фокусировки» познания на объектах, которые находятся в бесконечной всеобщей связи явлений (Кузьмин 1986). Цель системного подхода—интегральное, целостное познание объектов, обнаружение их системных качеств. Данный подход реализуется в системных исследованиях разного уровня, сочетающих системный анализ и синтез, с преобладанием синтеза.

Комплексный подход родствен, но не тождествен системному. Если возникновение последнего относится к середине XIX в. и связывается с трудами К. Маркса и Ч. Дарвина, то зарождение комплексного подхода относится к началу XX в., когда дифференциация наук породила тенденции к междисциплинарным связям. В литературе встречается толкование комплексного подхода как низшего уровня системного, когда он сводится лишь к изучению состава системного объекта. В. А. Ганзен пишет по этому поводу: «Комплексный подход предполагает наличие совокупности компонентов объекта или применяемых методов исследования. При этом не принимаются во внимание ни отношения между компонентами, ни полнота их состава, ни отношения компонентов с целым. Решаются главным образом задачи статики: количественные соотношения компонентов и подобные» (Ганзен 1984: 7). С таким пониманием комплексного подхода трудно согласиться, если учесть ре-

альную научную практику, которая знает различные типы, уровни комплексных исследований с разнообразными задачами, отнюдь не сводимыми к определению состава объекта.

В работах Б.Ф.Ломова комплексный и системный подход не дифференцируются (даже в предметном указателе отсутствует термин «комплексный подход»): системный вообрал в себя комплексный — так можно интерпретировать позицию автора. Однако фактически наряду с системными существуют исследования комплексного характера. Экология, медицина, обучение и воспитание подрастающего поколения расцениваются как сферы комплексного подхода.

Некоторые авторы считают, что «методология комплексного междисциплинарного исследования является методологией особого типа. Она не может быть сведена к какому-либо из таких широко известных общенаучных подходов, как системно-структурный, моделирование, вероятностно-статистический и др., так как эти подходы основаны лишь на одной категории (или ее модификациях), носят односторонний характер и поэтому не могут всесторонне, комплексно охватить исследуемый объект в целом, во всех его связях и опосредованиях. Комплексный метод есть особая форма взаимодействия наук в процессе исследования объекта...» (Методологические проблемы 1983: 6).

Актуализация комплексного подхода вызвана тем, что «объектами современных междисциплинарных исследований все чаще становятся уникальные системы, характеризующиеся открытостью и саморазвитием. Такого типа объекты постепенно начинают определять и характер предметных областей основных фундаментальных наук, детерминируя облик современной, постнеклассической науки» (Степин 1997: 113).

В приведенной цитате и в работах других авторов специфика комплексного подхода видится в его ориентации на многосторонний охват сложного объекта, выявление в нем разных качеств, определение комплекса факторов, «замкнутых» на объекте (Горюнов, 1980). При этом возможен более полный, в идеале всеобъемлющий, синтез объекта.

С. Р. Микулинский и Г. Х. Попов определяют комплексный подход в социальных науках тем, что «в каждом достаточно сложном общественном, социальном явлении необходимо исследовать все его аспекты: экономический, социальный, идеологический, психологический, организационный и т. д. В этом случае системность как бы

приобретает новый аспект: не только организационная полнота и целостность, но и полнота охвата всех аспектов явления. *Это — тоже анализ целостности, но в новом ракурсе.* Этот особый аспект анализа системности можно и определить как собственно комплексность» (Микулинский, Попов 1975: 184-185).

«Системность» характеризует целенаправленность, упорядоченность объекта. «Комплексность» больше отражает его разносторонность, множественность детерминации. Среди конкретных исследований есть такие, которые являются системными, но не комплексными, и наоборот.

Когда говорят о комплексном познании, нередко имеют в виду необходимость развертывания исследований по широкому фронту, необходимость учета всех главных сторон и детерминирующих факторов объекта. Этому требованию удовлетворяет естественная дифференциация наук и областей научного знания, естественная в том смысле, что она происходит в силу внутренней логики развития науки. Было бы, однако, некорректным считать это явление тождественным комплексному подходу. Дифференциация наук и межпредметные связи являются лишь его необходимым условием. Б.Г.Ананьев рассматривал междисциплинарные связи в трех аспектах: а) на основе общности объекта; б) на основе связи по теоретической структуре (дифференциация наук порождает разветвленную структуру, что способствует взаимопроникновению дисциплин, образованию пограничных наук — биофизики, биогеохимии); в) по общности познавательных средств, миграции методов, терминов, принципов, подходов. Процессы междисциплинарного общения захватывают психологическую науку едва ли не более других дисциплин, что понятно, если учесть ее сильно разветвленную теоретическую структуру, ее положение на стыке естественных и общественных наук, которые все более антропологизируются.

Психологические исследования то и дело выходят за рамки психологии в сопредельные области. На пересечении с другими науками возникают перспективные ее направления, интенсифицируется прирост знаний. Выдающиеся психологи понимали ценность междисциплинарных контактов для развития психологии. Так, Л. С. Выготский «олицетворял» собой союз психологии с гуманитарными науками — историей, лингвистикой, литературоведением. А. Р. Лурия объединил психологию с нейрофизиологией и медициной. Классические исследования В.М.Теплова осуществлялись на стыке с физиологией высшей нервной деятельности. Перечень

примеров можно продолжить. Но дело в том, что не всякое исследование, опирающееся на результаты и методы смежных наук, является комплексным в строгом смысле слова, последнее подразумевает не только учет достижений смежных дисциплин, но и взаимную зависимость их результатов, не только связь наук по объекту и познавательным средствам, но и кооперацию ученых, представляющих эти науки.

В нашей книге речь идет о комплексных исследованиях человека в целях психологического познания, когда психология выступает инициатором, интегратором и координатором взаимодействия дисциплин, комплекс которых формируется на основе практической целесообразности и теоретической модели объекта. Комплексные исследования — оптимальный вариант междисциплинарных связей. Наше исследование сфокусировано на конкретных научных программах, реализующих идею комплексного подхода в коллективной работе. В данном контексте под комплексным подходом мы понимаем особую методологическую стратегию, родственную, но не тождественную системному подходу, ориентированную на многостороннее, междисциплинарное познание сложных гетерогенных объектов и их множественной детерминации, в результате которого получается суммарное или целостное представление о них.

На основе этого определения можно выделить основные признаки комплексного подхода:

а) *онтологические*: изучаются сложные многофакторные, многосторонние явления, объекты;

б) *гносеологические*: объекты изучаются в разных аспектах, как бы в нескольких проекциях;

в) *организационные*: междисциплинарное сотрудничество, коллективная форма работы, особое планирование исследований.

Подробное рассмотрение всех этих характеристик комплексного подхода призвано служить для осмысления тех форм комплексных исследований, которые имели место в истории отечественной психологии. Историческая же ретроспектива необходима для уяснения сути и места комплексного подхода в современном научном развитии.

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ И ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Как системный, так и комплексный подход ориентированы на познание системных объектов и их системных качеств. Реальность систем в природе, обществе и сознании оправдывает стратегию системного и комплексного подходов. В системологии не раз возникал вопрос, существуют ли системы объективно, либо же они только продукты некоторых познавательных процедур. Этот вопрос не праздный, так как границы системных объектов могут быть размытыми из-за наличия большого числа связей с другими объектами среды. «Действительно, все в мире взаимосвязано, но понятие "система" отражает некоторые конкретные, особые связи между взаимодействующими элементами» (Аверьянов 1985: 43).

Диалектический принцип всеобщей взаимосвязи явлений материального мира лежит в основе как системного, так и комплексного подходов. Мир — система систем, а системность — атрибут бытия. Системные объекты различаются по уровню интеграции — от суммы элементов до целостной органической системы, как, например, система «индивидуальность», с ее субстанциональной непрерывностью, неделимостью, устойчивостью в пространстве и времени, своеобразием и неповторимостью (Кнорре 1968). К таким системам, несомненно, относится человек — индивидуальность в прямом смысле слова.

Существуют иные системные объекты, которые В.П.Кузьмин назвал системными комплексами (1986), Н. Т. Абрамова — «мозаичными» объектами (1986), А. Н. Аверьянов — системно-комплексными объектами (1985), А. А. Любищев — системами нулевого порядка (1977). Целостность их относительна, у них нет строго закрепленной структуры. К таким объектам относятся комплексы, например, «человек-машина», биоценоз, биосфера, мировой океан и проч. Их элементы разнородны (живые и неживые, природные и социальные), автономны, поскольку могут существовать друг без друга. Но в комплексе эти элементы взаимодействуют и таким образом создают единство.

Системный и комплексный подходы в принципе имеют безграничную онтологическую базу — любой объект может стать предметом системного или комплексного исследования. В пользу такого понимания зоны действия этих методологических стратегий свидетельствует представление о моно- и полисистемах и системных

качествах, разработанное В.П.Кузьминым (1986). В.П.Кузьмин полагает, что системное знание существует в двух видах. Во-первых, изучение предмета как *одно-качественной* системы, или *моно-системное знание*. Оно получается в результате центрирования на предмете, взятом самом по себе, при этом во главу угла ставятся вопросы о системообразующих детерминантах, связях и отношениях в системе, ее структуре, функционировании, развитии, ее системных основаниях. Во-вторых, изучение системности мира, когда любой предмет выступает многочленом различных макросистем, при этом он и сам по себе рассматривается как *полисистема*, в которой представлены разные формы материи. Такой вариант назван В. П. Кузьминым «полисистемным».

Любой объект может рассматриваться либо как моносистема, либо как полисистема. Полисистемное исследование обнаруживает разнородность системных объектов и тогда, когда они и сами по себе содержат в своем субстрате разные формы, уровни материи. Человек — индивидуальность — есть полисистема, ибо в нем сосуществуют, соподчиняются социальная, физическая, биологическая форма материи.

Разнородность системы «человек» означает множественность системных оснований его свойств. Системным основанием считается тот способ материального существования объекта, та форма материального движения, которая придает ему качественную определенность и порождает системное качество (Кузьмин 1986). *Системный подход нацелен на изучение системных качеств*. Если при этом последовательно выявляются разные системные качества, зависящие от разных системных оснований — космических, физических, биологических, социальных, то исследование становится вместе с тем комплексным или системно-комплексным (полисистемным).

Подход к изучению системных качеств может быть двояким. Во-первых, если принять, что системные качества существуют благодаря включению объекта в определенную макросистему, то изучение системных качеств означает определение их зависимости от места данного объекта в системе внешних для него отношений и связей. Применительно к человеку это может означать, например, поиск социально-типичных свойств личности, которые характеризуют не только одного человека, но множество лиц, «вписанных» в данную макросистему — класс, социальную группу, этнос.

Во-вторых, системные качества — это такие, которые характе-

ризуют целое, принадлежат системе, а не ее отдельным элементам. Их можно рассматривать как продукт интеграции системы. Поэтому системные качества характеризуют не только совокупность индивидов, но и отдельного человека, являются индивидуальными, выступая результатом внутренних связей его структуры. Это системообразующие связи, благодаря им возникают системные качества, не свойственные элементам системы. В этом смысле системные качества *эмерджентны*.

Оба взгляда на природу системных качеств встречаются в научной литературе, и оба они справедливы по отношению к системному изучению человека. Системные качества человека разнообразны в силу принадлежности человека разным материальным макросистемам—социальным, биологическим, физическим, и в силу разнородности, разноразности материального субстрата человека в нем представлены все уровни существования материи, причем социальная ее форма воплощена в психосоциальных структурах.

Психика — системное качество и в первом и во втором смысле этого понятия. С одной стороны, она является порождением макросистем, в которые включен человек, отражающий их в своем сознании. С другой стороны, она есть результат интеграции подсистем в структуре человека — организма и личности. Она есть его, человека, качество. Для психики как системного качества природа человека-носителя вовсе не безразлична, психика в любом случае неотделима от субъекта. В определенном отношении она — его качество, продукт его мозга и всей сомы. Природа субъекта участвует в формировании субъективного образа, опосредует взаимодействия субъекта с объектом, служит преломляющей средой всех воздействий, порождающих психическое.

Комплексный подход в психологии предполагает рассмотрение психики как интегрального свойства системы «человек», которая формируется и существует благодаря ее включенности в разные социальные, биологические, физические макросистемы. *Чтобы понять психику как системное качество, надо системно представить человека -- субъекта психики, сознания, выявить множественность ее системных оснований и, следовательно, разноразность, разнородность системной организации человека.*

Для возникновения психического процесса, образа и поведенческого акта необходимо, чтобы субъект вступил во взаимодействие с объектом отражения и деятельности. При этом во взаимодействие вступает весь субъект целиком, все уровни его материальной приро-

ды, таким образом, все они служат системными основаниями психического, отсюда можно сделать вывод о системной детерминации психики. «Очевидно, что и детерминация реально выступает как многоплановая, многоуровневая, многомерная, воплощающая явления разных (многих) порядков, т. е. системная» (Ломов 1984: 99). Речь идет, видимо, о том, что С. Л. Рубинштейн обозначил как «послойную» детерминацию, причем определяется детерминация психики не только специфическим основанием, но и неспецифическими.

Для человека-личности специфическим основанием является социальная материя, система общественных отношений, но это не отменяет значения всех нижележащих оснований. Как отмечает В. П. Кузьмин, «в действительности же каждое явление представляет собой не только феномен определенной ступени эволюционной лестницы (в смысле исторического происхождения одного из другого), но имеет и целый набор оснований, в котором каждый слой не может существовать без предыдущего, составляющего его фундамент. В результате получаются "пирамиды" оснований, более или менее высокие в зависимости от положения явления на эволюционной лестнице» (Кузьмин 1986: 164).

Как правило, большинство конкретных психологических исследований ограничивается выявлением наиболее актуальных, специфических детерминант. Однако нельзя абстрагироваться от неспецифических, более общих факторов, которые могут сыграть решающую роль в поведении, в определенных (как правило, экстремальных) обстоятельствах в те или иные периоды жизни.

Если в конкретном исследовании целесообразно рассматривать субъект как носителя одного системного качества, абстрагируясь от многих других, то такое системное исследование будет разворачиваться как бы в одной плоскости. Целостность человека будет представлена связями между однородными, однокачественными элементами (например, физиологическая, морфологическая, биохимическая целостность человека). Выделенную сторону объекта можно исследовать как моносистему с одним системным основанием. В таком случае системный подход реализуется в моносистемном варианте. Исследование будет системным, но не комплексным.

Множество моносистем, принадлежащих одному объекту, «вещи», в совокупности образует тотальную целостность. Далекое не всегда она является целью конкретного исследования. Чаще ограничиваются изучением отдельных фрагментов моносистем объекта

таким образом, чтобы последовательно охватить разные стороны полисистемы, представить ее комплексно. Такое исследование не ставит цель обнаружить связи, существенные для целостности объекта и потому не будет системным. Аналогичен случай, когда изучается комплекс разнородных факторов, детерминирующих объект. Причем эти факторы не всегда образуют систему, а объединяются только точкой своего приложения. Например, космические, биологические и социальные факторы среды влияют на здоровье человека в комплексе, но вряд ли составляют систему. В связи с большими трудностями познания полисистемных объектов, системных комплексов, суммативных единств, «мозаичных» объектов современная наука изучает их преимущественно на *суммативно-комплексном уровне*: знания о них многочисленны, но фрагментарны. Однако надо ожидать, что в будущем произойдет синтез накопленных знаний в рамках какой-либо общей теории.

Можно выделить три типа конкретных исследований сложных многокачественных, полифакторных объектов, реализующих комплексный и системный подходы.

1. *Суммативно-комплексный тип*. Система рассматривается как разнородное суммативное множество. Целостность вообще не является предметом изучения, а значит, не изучаются специально внутренние связи между элементами множества. Нет общей теории сложного объекта. Исследования такого типа могут завершиться суммированием сведений о разных сторонах объекта, разных его качествах. В этом случае комплексность является начальной формой синтеза знаний, за которой должен последовать другой, более трудный и сложный, — создание целостной теоретической картины исследуемого явления.

2. *Моносистемный тип*. Система выступает как однокачественная, однородная (например, только психологическая, только физиологическая). Целостность системы рассматривается в одной плоскости путем изучения внутренних связей между однородными, однокачественными элементами (скажем, связи между анализаторами в сенсорной организации, между интеллектуальными функциями). Под целостностью здесь понимают такое состояние объекта, когда изменение одного его элемента вызывает изменения в других и изменяет систему в целом¹.

¹ Нельзя не согласиться с мнением Н. Т. Абрамовой, что «... целостность объекта — это *интегральный*, т. е. возникший вследствие взаимодействия и взаимо-

Внутренние связи служат механизмом целостности, поэтому обнаружение и по возможности измерение этих связей — определяющая черта моносистемного и вообще системного подхода.

3. *Системно-комплексный тип* обладает чертами первого и второго типов. Объект выступает здесь в качестве полисистемы, *разнородной* целостности. Комплексное изучение сторон, «срезов» системы сочетается с исследованием целостной структуры. Ставится задача синтеза полисистемы, поиска связи между разнокачественными уровнями целого, его «срезами». Комплекс одноаспектных знаний об отдельных сторонах объекта синтезируется в целостный его образ.

Выявление связей составляет главное условие синтеза системного объекта. Синтез — центральное звено в процедуре системного и системно-комплексного исследования. В последнем случае он осложняется разнородностью синтезируемых объектов и соответствующих знаний о них (они получены разными методами, выражены на языках разных научных дисциплин). Пути синтеза слабо изучены в методологии, но тем не менее фактически опробованы в научной практике, в частности в области человекознания.

Максимально широкий синтез осуществляется философией, так как она отличается беспредельностью своего объекта — им является вся природа, общество, человек и его сознание. Поэтому оправдано распространенное мнение о том, что полный синтез знаний о человеке, его «тотальной целостности» может быть достигнут только на этом уровне обобщения. Осуществляемый этой наукой синтез относится к родовому человеку, конкретные люди предстают перед умственным взором философа как носители родовых качеств. На философском уровне знания, полученные многими частными науками, служат материалом построения общей картины человека. Только философия соотносит конкретные науки с гуманистическими ценностями, осуществляет аксиологическую функцию.

Вместе с тем синтез комплекса одноаспектных знаний, т. е. тех, которые получены несколькими науками, изучающими с разных сторон один и тот же объект, осуществляется не только в философии. Многие науки могут выступать базовыми дисциплинами — ставить цели и задачи синтеза, перерабатывать в собственных понятиях знания, полученные в смежных науках об общем для них

обусловленности элементов, их продукт, результат. В понимании целостности исходят из внутренней взаимосвязи частей» (Абрамова 1974: 39).

объекте изучения. Так, под своим углом зрения производит междисциплинарный синтез медицина, которая все более осознает потребность в целостном подходе к пациенту (Чазов, Царегородцев 1982). В такой же роли выступают педагогика (Ананьев 1980), антропология (Аверин 1979). Несомненно, что задачу синтеза решает и психология, которую Б. Г. Ананьев рассматривал как модель синтетического человекознания (Ананьев, 19686)².

В. П. Кузьмин различает три формы синтеза: «собирательный», преодолевающий узкое аспектовидение (при этом привлекаются данные из разных наук); системный синтез «расширяющегося знания», необходимый для изучения объекта во все более широкой сети явлений действительности и обнаружения в нем разнопорядковых сущностей; системный синтез прогностических знаний, учитывающий комплекс разнообразных факторов при социальном, экономическом, техническом планировании и проектировании (Кузьмин 1986).

Независимо от формы синтеза должны существовать общие его процедуры. Разработка процедур синтеза, особенно междисциплинарного, признается одной из сложнейших и актуальных задач философии, логики и методологии науки (Мирский 1980а-б; Щедровицкий 1984). Для дальнейшего обсуждения исторического опыта комплексных исследований в психологии необходимо уяснить, какие процедуры и методы синтеза уже предложены в современных методологических исследованиях.

Построение предмета исследования через его адекватный анализ («диалектическое расчленение», по К.Марксу) признается решающим условием успешности последующего синтеза (Савченко 1988). Г. П. Щедровицкий в статье «Синтез знаний: проблемы и методы» (Щедровицкий 1984) показал реальные трудности воссоздания целостного объекта по совокупности междисциплинарных одноаспектных знаний, полученных независимо друг от друга в разных исследованиях. Для синтеза автор считает необходимым наличие теоретической гипотетической модели целостного объекта, модели, которую он назвал «конфигурантом». Можно думать, конфигурант формируется на основе общих представлений о системе как таковой, поэтому большое значение приобретает системология, изучающая общие закономерности систем, безотносительно к их мате-

² В настоящее время выявляется интегративная функция таких комплексных отраслей наукоемкой практики, как робототехника, освоение космоса, экологические проекты, биотехнология (Аверьянов 1985).

риально-структурным качествам. Синтез на основе общих системных представлений сводится к упорядочению разнородных знаний в матрице уровней, структур, категорий, взятых из системологии. «Построение сложного системного знания об объекте предполагает в качестве своего предварительного условия знание структуры этого объекта», его методологического образа (Там же: 82).

Системный подход предоставляет единую гносеологическую «рамку» и методологически нацеливает на изучение объектов по единой схеме целостного (интегрированного) объекта (Кузьмин 1986: 301). Однако правила заполнения этой матрицы зависят от предметного содержания конфигуранта. Конфигурант должен включать в себе не только формальную, но и содержательную сторону системного объекта. Содержание конфигуранта, на наш взгляд, строится на основе базовой дисциплины в виде прообраза теории объекта. Его структура должна в общем совпадать со структурой конечного результата синтеза — образа целостного объекта, но его содержание отличается меньшей определенностью, отсутствием количественных мер, наличием пробелов.

К аналогичному выводу о возможностях синтеза разнородного знания о сложном объекте приходит Н. Т. Абрамова (Абрамова 1986). Она рассматривает так называемые «мозаичные» объекты (системные комплексы, по В. П. Кузьмину). Обращаясь к опыту эргономики, имеющей дело как раз с такими объектами, автор отмечает, что «комплекс знаний, каким является эргономика, существенно отличается от развитой научной теории, поскольку характер связи элементов такого множества носит достаточно внешний характер» (Там же: 109). Эргономика не достигла уровня системного синтеза. Для обобщения разнородных, монодисциплинарных знаний требуется, по мнению Н. Т. Абрамовой, нечто вроде «зародышевой структуры», вокруг которой будет происходить формирование («кристаллизация») образа целостной системы. Нетрудно видеть, что «зародышевая структура» в данном контексте аналогична «конфигуранту» Г. П. Щедровицкого. Но как Щедровицкий, так и Абрамова ничего не пишут о конкретных переходах от конфигуранта к образу системы.

Более детально вопрос о методах синтеза решается в книге В. А. Ганзена «Системные описания в психологии» (Ганзен 1984). Правда, автор акцентирует прагматическую и дидактическую роль синтеза как способ упорядочивания и подачи информации пользователю, как «мощное средство преодоления излишнего многообра-

зия взглядов, концепций, парадигм, средство создания общей теории психических явлений» (Там же: 162). В книге В. А. Ганзена рассмотрены методы системного синтеза в целях систематизации знаний, накопленных психологической наукой. В. А. Ганзен характеризует графические, аналитические, вербальные формы системных описаний. Главное место среди них автор отводит методу базиса. Системным базисом называется структура понятий, к которым редуцируется разнообразие частных описаний системы. В. А. Ганзен в качестве общего системного базиса психики берет пять общенаучных категорий — энергию, информацию, пространство, время, субстрат, к которым сводит массу психологических понятий и знаний, раскрывающих их содержание.

В рассмотренных методологических работах речь идет о теоретическом синтезе объекта на основе знаний, полученных в ходе естественноисторического развития наук, изучающих данный объект, причем знаний, выраженных на языках соответствующих дисциплин. Междисциплинарные связи, отраженные в процедурах синтеза, существуют в силу теоретического тождества системного объекта, в то время как эмпирические объекты могут быть разными (разные «выборки», принадлежащие разным «эпохам», разные «индивидуальности»).

Во многом по-иному задачи синтеза выступают в случае преднамеренного комплексного исследования, организованного для изучения конкретных объектов, между которыми сохраняется не только теоретическое, но и *эмпирическое* тождество (например, изучаются не вообще малые группы, а группы совершенно определенного производственного коллектива). В этом случае становится возможным с самого начала целенаправленно планировать исследование, выделяя в нем аспекты, относящиеся к ведению разных научных дисциплин.

Эмпирическое тождество объекта в конкретном комплексном исследовании позволяет подойти к его целостности путем вероятностно-статистических методов, в первую очередь — корреляционного анализа. Это средство синтеза нашло широкое применение в биологии. Здесь целостность организма изучается конкретно через выявление и измерение корреляционных связей между различными органами. Например, И. И. Шмальгаузен рассматривал корреляцию как интегрирующий фактор формообразования, а интеграцию организма — как процесс установления корреляций по мере дифференцирования организма. Такой естественнонаучный подход проти-

вспоминался им идеалистическому холизму (Шмальгаузен 1982). Корреляционный анализ стал ведущим методом конкретно-научного синтеза в комплексных исследованиях индивидуальности под руководством Б.Г.Ананьева (см. гл.6). В подходе к целостности субъекта Б. Г. Ананьев опирался на опыт естествознания и стремился выявить связи, обеспечивающие эту целостность. При этом он хорошо понимал, что корреляции без теории объекта не объясняют типа связи и ее принципа, они служат лишь материалом дальнейшего теоретического синтеза.

Аналогичное место занимает корреляционный анализ в исследованиях В.С. Мерлина и его сотрудников. Благодаря этому методу были выявлены два типа связей между разноуровневыми характеристиками человека — однозначные и многозначные. Последние устанавливаются между разноуровневыми феноменами в структуре индивидуальности. Обнаружены такие, что «с возрастом уменьшается количество не коррелирующих друг с другом разноуровневых свойств и увеличивается количество коррелирующих» (Мерлин 1986: 210), т.е. усиливается целостность системы.

Несмотря на ограниченность математико-статистических методов, они остаются на вооружении формализованного подхода к целостности систем, тем более что средства представления системных объектов, математический аппарат общей теории систем находится в стадии становления (Алексеев 1985). Математический язык в силу своей универсальности служит междисциплинарному синтезу, но математико-статистические методы сами по себе не решают проблемы целостности. Доверие к корреляционному или факторному анализу обусловлено не только и не столько формальными математическими правилами, сколько исходной теоретической моделью (конфигурантом) целостного объекта.

Наконец, системный синтез может осуществляться в форме монографии, посвященной *уникальному* системному объекту, в частности индивидуальности конкретного человека (психологическая монография об индивидуальности бытует в нашей науке в форме психографии или «описания случая»).

Комплексный подход в познании человека развивается от суммирования знаний о разных сторонах и уровнях его природы к системному представлению его целостности. Философский синтез комплекса антропологических (в широком смысле) знаний углубляет понимание родовой сущности человека. Этот синтез реализуется на мировоззренческом уровне и служит основой для конкретно-на-

учного обобщения данных, полученных методами разных наук, в которых воплощается особенное и единичное проявление родовой сущности человека. Путь к конкретно-научному синтезу пролегает через комплексные исследования человека, которые представляют собой особую форму организации междисциплинарного или межатраслевого его изучения.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Программирование и организация комплексных исследований составляет особую проблему, которая недостаточно разработана методологически. Академик И. Т. Фролов указывал на потребность в научно-организационном оформлении комплексных исследований человека, которая была удовлетворена организацией Института человека. Специфика их в научно-организационном аспекте определяется междисциплинарным характером исследований. Чтобы понять ее, надо, вероятно, обратиться к характеристике тех форм и уровней междисциплинарного взаимодействия, которые имеют место как в масштабе всей науки, так и в локальных исследованиях.

Комплексный подход в организационном аспекте выступает как *форма кооперации научного труда*, причем кооперации междисциплинарной (Семенов 1983). Можно выделить, по крайней мере, четыре уровня такой кооперации: 1) науки в целом; 2) научной области (например, человекознание); 3) специально сформированных комплексов для решения крупной проблемы; 4) локального комплексного исследования (Иванов 1981; Теория и практика 1986). На первом и втором уровнях комплексность совпадает с естественно-исторической дифференциацией и интеграцией наук. Связи между дисциплинами здесь скорее потенциальны, чем актуальны.

Актуализация междисциплинарных связей происходит в специально организованных комплексах или в конкретных локальных исследованиях, т. е. на третьем и четвертом уровнях. Здесь комплексный подход реализуется как таковой в виде процедур исследования, в форме специально организованного сотрудничества представителей разных наук.

Общая методология междисциплинарных исследований, касающаяся первых двух уровней, разрабатывается в рамках философии и общего науковедения. Здесь намечаются перспективы комплексных исследований, обсуждается их необходимость для реше-

ния сложных, многосоставных теоретических и практических проблем, возможность развития синтетических дисциплин, таких как человековедение, экология, эргономика (Методологические проблемы 1983; Мирский 1980; На пути 1983). Третий и четвертый уровни также становятся предметом науковедческого анализа, особенностью которого является внимание к социологическим и социально-психологическим аспектам комплексных исследований (Иванов 1981; Иванов 1987; Семенов 1983; Сидорова 1982; Теория и практика 1986).

На всех четырех уровнях междисциплинарные связи различаются по интенсивности. Так, болгарский философ В. Момов (Момов 1975) выделяет 1) комплексно-вспомогательные исследования, которые осуществляются в рамках одной дисциплины с привлечением теории и методов смежных наук; 2) комплексно-кооперативные, в которых объединяются теоретические, методологические и методические средства нескольких наук для исследования проблем, например «биологическое—социальное в человеке», «человек — природная среда», «человек—культура»; 3) комплексно-интегративные, в которых ассимилируются методы и подходы отдельных наук в более общей теории, возникающей на стыке дисциплин, например биофизика, биохимия. В последнем случае мы имеем дело с их полной интеграцией, когда исходные дисциплины представлены частично в новой науке. Этот уровень вряд ли может быть отнесен к комплексным исследованиям, в которых сохраняется определенность исходных дисциплин. Нельзя считать комплексными исследованиями и первый уровень в приведенной типологии, так как миграция методов, идей, принципов — всеобщее и повседневное явление научной жизни. На наш взгляд, только второй, комплексно-кооперативный уровень интеграции можно назвать комплексным исследованием. В нем при сохранении самостоятельности дисциплин происходит их реальное объединение на базе общего объекта.

О. И. Иванов выделяет типы комплексных исследований по степени экстенсивности в них междисциплинарных связей. На низком уровне комплексности каждая познавательная задача решается средствами одной области знания. На более высоком уровне фигурируют полидисциплинарные задачи наряду с монодисциплинарными. Наконец, возможна такая степень комплексности, когда все задачи исследования полидисциплинарны (Теория и практика 1986).

Комплексность устанавливается по области знания (междисциплинарности), методам, познавательным задачам (одновременно решается ряд задач), участникам и другим параметрам. Организационная специфика комплексных исследований прослеживается на разных этапах программирования и реализации программы.

Во-первых, в комплексных исследованиях как нигде велика роль программы, ядром которой выступает целостное представление об объекте изучения. Актуальность этого условия объясняется необходимостью обобщения результатов и процессов парциальных исследований внутри единого потока коллективной деятельности.

Во-вторых, для комплексных исследований характерно в качестве главной цели многостороннее изучение объекта, суммативное или системное. В последнем случае на первый план выдвигается специфическая задача обнаружения эмпирических связей между разнородными элементами структуры объекта. Именно в этом видел ценность комплексных исследований Б. Г. Ананьев: «Комплексное изучение человека особенно необходимо для исследования связей и зависимостей между различными характеристиками человека и его развития» (Ананьев 1971б: 143).

В-третьих, комплексные эмпирические исследования, направленные на получение новых данных об объекте, обширны, трудоемки, полидисциплинарны и не могут проводиться одним человеком. Обычно в них участвуют специалисты, представляющие разные отрасли знания, разные дисциплины. Возможен и такой вариант, когда ученые одной специальности в процессе подготовки к комплексным исследованиям осваивают смежные дисциплины и выступают как бы их полномочными представителями.

В-четвертых, в такого рода исследованиях возрастает взаимосвязь и взаимозависимость частей комплекса. Результаты промежуточных этапов, полученные одними участниками коллективной работы, являются условиями достижения результатов другими сотрудниками. Участники исследования имеют возможность формулировать заказ на информацию «смежникам». Происходит не просто взаимное информирование либо консультирование, но перекрестное использование данных, работа друг на друга.

Последнее обстоятельство делает понятным еще одну особенность комплексных, локальных исследований на конкретно-эмпирическом уровне. Они, в-пятых, должны проводиться практически одновременно, на базе одной общей выборки или индивидуального объекта. Иначе говоря, здесь соблюдается *правило эмпи-*

рического тождества объекта, когда в психологических, социологических или биологических исследованиях изучаются одни и те же испытуемые, которые проходят через весь комплекс методик.

Междисциплинарный характер комплексных исследований накладывает отпечаток на их программу. Она должна быть сформулирована таким образом, чтобы были сняты терминологические понятийные барьеры между специалистами разного профиля. Этому способствует при составлении программы широкое использование общенаучных терминов, в частности из теории систем, теории информации, кибернетики (понятия «связь», «множество», «информация», «система», «управление» и т. д.), а также схемы, наглядные модели.

Необходимость преодоления междисциплинарных границ встает не только в процессе принятия и уточнения программы, но и в процессе эмпирического исследования. Поэтому необходимо создавать оптимальные условия для периодических групповых дискуссий, взаимного обмена информацией и данными парциальных исследований, взаимного консультирования. Это удастся в большей степени, когда исследователи принадлежат к одной научной школе, испытывают чувство принадлежности к одной когорте.

Предметно-логическая и социально-психологическая специфика организации комплексных исследований предъявляет требования к их участникам. Участники комплексных исследований должны преодолевать междисциплинарные барьеры, искать релевантные знания в смежных и более отдаленных областях, сочетать профессионализм и широту эрудиции. Эти свойства в еще большей степени должны быть присущи руководителю. Как правило, он является инициатором комплексных исследований, разработчиком программы на основе собственных теоретических представлений. Он должен координировать коллективную работу, быть «полиглотом» в области научного языка, уметь вести групповую дискуссию, воспитывать единомышленников. Руководитель является самым авторитетным членом исследовательского коллектива.

В предметно-логическом плане задачей руководителя комплексных исследований становится не только программирование, но и синтез данных, полученных всеми подгруппами и отдельными исследователями. Наличие исходного, пусть интуитивного, представления о целостном объекте в сознании руководителя — залог успеха завершающего этапа исследований, на котором строится теорети-

ческая модель эмпирического объекта и вместе с тем дополняются и развиваются исходные теоретические конструкции.

* * *

Современные представления о комплексном подходе и комплексных исследованиях свидетельствуют о специфике и многообразии их возможных форм. Зачастую эти формы выделяются на основе логического анализа, только в некоторых случаях учитывается исторический опыт комплексных исследований. Мы же стремимся найти прообразы современных идей системного и комплексного подхода, его организационных форм в истории русской, советской психологии, а именно в истории двух преемственно связанных научных школ — В. М. Бехтерева и Б. Г. Ананьева.

Тем самым можно конкретизировать и обогатить представления о методологии комплексного подхода, о его ценности для решения актуальных вопросов психологии и человекознания в целом. С другой стороны, обращение к историческому прошлому с позиций нынешнего уровня развития науки о человеке позволит более объективно, без идеализации и нигилизма осмыслить исторический путь тех научных школ отечественной психологии, которые внесли первый значительный вклад в дело комплексного изучения человека. Необходимо ответить на вопросы о том, как решались в прошлом задачи программирования комплексных исследований, организации кооперации ученых разных специальностей, задачи синтеза разнородных данных.

Принцип связи логического и исторического является для нас руководством к анализу прошлого, квалификации форм и уровней комплексных исследований, имевших место в научных школах Бехтерева и Ананьева. Но, чтобы этот анализ был не умозрительным, а фактически обоснованным и доказательным, необходимо реконструировать историю данного научного направления, при этом важно не отбрасывать факты, связанные с комплексным подходом лишь косвенно и составляющие исторический фон его развития, без которого, однако, понимание логики развития идей и концепций, приведших к комплексным исследованиям, затруднительно.

Глава 2

ЗАРОЖДЕНИЕ КОМПЛЕКСНОГО ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЯ В НАУЧНОЙ ШКОЛЕ В.М.БЕХТЕРЕВА

На рубеже XIX и XX в. шел интенсивный процесс дифференциации наук о человеке. Успехи эволюционной биологии, морфологии и физиологии нервной системы, в частности физиологии органов чувств, этнографии, социологии и психологии существенно обогатили представления о природе человека, его происхождении и развитии. Дифференциация антропологических, в широком смысле, наук повлекла за собой противоположную — интегративную — тенденцию.

В. М. Бехтерев ранее других ученых понял необходимость интеграции антропологических наук и наметил стратегию комплексного изучения человека, здесь приоритет В.М.Бехтерева общепризнан. В 1957 г. в Резолюции Всесоюзной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения ученого, говорилось: «Впервые в отечественной и мировой науке Бехтерев объединил деятелей различных наук для синтетического и комплексного изучения мозга и личности в интересах воспитания, организации труда и лечения человека» (В.М.Бехтерев и современные проблемы 1959: 288). В историографии психологии эта заслуга Бехтерева не оспаривалась, но и не стала до сих пор предметом специального анализа. Не рассматривался и вопрос о конкретных формах реализации принципа комплексности, о том, в какой мере он был осмыслен самим Бехтеревым, не дана оценка того, насколько результативной на деле оказалась эта идея. Особого внимания заслуживает история развития комплексных исследований в связи с биографией и творче-

ской индивидуальностью Бехтерева. Какое же место занимал принцип комплексности в научной программе, в концептуальной системе ученого, в какой мере она определила его научную биографию?

Мы не беремся судить обо всех сторонах психологического наследия В. М. Бехтерева, но постараемся выяснить вопрос о закономерности появления у него идеи многостороннего исследования человека и формах ее воплощения в реальной научной и практической деятельности его школы.

Предыстория этой идеи связана с антропологической традицией отечественной науки. У ее истоков стояли такие титаны, как М.В.Ломоносов, А.Н.Радищев, а еще раньше православные авторы, размышлявшие о смерти и бессмертии, нравственности и греховности, индивидуальных различиях людей. Одним из родоначальников антропологического принципа в России был А. И. Галич (1788-1848). В его трактате «Картина человека» (1834) впервые в русской науке, как считал Б. Г. Ананьев, был представлен свод знаний о природном, социальном и нравственном качестве личности.

К числу тех, кто подготовил почву для комплексного подхода к проблеме человека, относятся Н. Г. Чернышевский и И. М. Сеченов. Они были страстными борцами за детерминистическое научное познание человека и его социального поведения. Чернышевский в своем труде «Антропологический принцип в философии» (1860) выступил против дуализма в понимании природы человека, рассматривал сознание в связи с другими качествами и свойствами личности. «На человека надобно смотреть как на одно существо, имеющее только одну натуру, чтобы не разрезывать человеческую жизнь на разные половины, принадлежащие разным натурам, чтобы рассматривать каждую сторону деятельности человека как деятельность или всего организма, от головы до ног включительно, или, если она оказывается специальным отправлением какого-нибудь особенного органа в человеческом организме, то рассматривать этот орган в его натуральной связи со всем организмом» (Чернышевский 1974: 292). Чернышевский оптимистично оценивал возможность детерминистического изучения человека, включая и его нравственную сферу. При этом он более всего полагался на развитие естественных наук.

Идеи Чернышевского были горячо приняты многими учеными поколения шестидесятников. «Рефлексы головного мозга»

И.М.Сеченова, изданные в 1867 г., как бы вслед за «Антропологическим принципом» Чернышевского, созвучны последнему. Дух материалистического монизма пронизывает учение И. М. Сеченова, в котором единство человека обосновывается универсальным рефлекторным принципом, значимым не только для жизнедеятельности организма, но и для нравственного поведения личности.

Знаменательно, что в тот же период времени К. Д. Ушинский задумал и осуществил проект *педагогической антропологии* в целях обоснования педагогики знаниями, накопленными в антропологических науках, и в первую очередь, в физиологии и психологии. В своей книге «Человек как предмет воспитания (Опыт педагогической антропологии)» (1868) он утверждал неразрывность связи между физическим, умственным и нравственным развитием, придавая большое значение взаимодействию всех частей воспитания.

В. М. Бехтерев — младший современник Н.Г.Чернышевского, И. М. Сеченова и К. Д. Ушинского — стал зачинателем комплексных исследований человека, унаследовав антропологическую направленность русской науки и философии. В истории русской психологии до сих пор остается неразработанным вопрос о влиянии на мировоззрение Бехтерева современной ему русской идеалистической философии, которая начала активно развиваться на рубеже XIX и XX в. Логично предположить, что Бехтерев как широко образованный и увлеченный наукой человек был в курсе новых философских течений. Историки отмечают сильное влияние философских и психологических идей Г. Спенсера на взгляды В. М. Бехтерева.

Взгляды В. М. Бехтерева формировались под влиянием идей ярких, своеобразных и вместе с тем типичных представителей XIX в. в эпоху, когда не была исчерпана вера в разум, в прогресс и человека, когда господствовали позитивизм в науках и естественнонаучная парадигма в психологии. Разнообразие интересов, многопрофильность научной подготовки, активная врачебная и педагогическая практика В. М. Бехтерева стали важными факторами формирования комплексного подхода к человеку и организации комплексных исследований.

В.М.Бехтерев родился в бывшей Вятской губернии 20 января (1 февраля по новому стилю) 1857 г. в семье служащего. После окончания гимназии в шестнадцать лет приехал учиться в Петербург. Здесь поступил в Медико-хирургическую (Военно-медицин-

скую) академию и получил специальность психиатра¹. В 1877 г., когда шла русско-турецкая война на Балканах, студент Владимир Бехтерев вместе с шестью другими добровольцами-студентами отправился в Болгарию санитаром и писал оттуда корреспонденции в газеты «Северный вестник» и «Русская правда». Этот факт характерен для Бехтерева — всегда деятельного, преданного профессиональному и гражданскому долгу патриота.

В.М.Бехтерев вошел в науку стремительно. Он с отличием окончил Военно-медицинскую академию в 1877 г. и был оставлен в академии для подготовки к профессорскому званию при клинике душевных и нервных болезней. В 1881 г., в возрасте 24 лет, защитил докторскую диссертацию «Опыт клинического исследования температуры при некоторых формах душевных заболеваний». В 1883 г. (в 26 лет) он был избран членом Итальянского общества психиатров, в 1885 г. (в 28 лет) стал профессором и получил кафедру в Казанском университете.

Психологическая наука многим обязана Бехтереву, в первую очередь тем, что именно он в 1885 г. основал первую в России (в Казанском университете) психофизиологическую лабораторию, носившую *комплексный* характер. В то время Бехтерев писал о ней: «Непосредственная цель лаборатории состоит в исследовании нервной системы, прежде всего центральной нервной системы, с точки зрения эмбриологии, анатомии, гистологии, патологической анатомии, физиологии и микрохимии; лаборатория предназначена также для исследований в области экспериментальной психологии и для психофизических исследований» (цит. по: (Драпкина, Полякова 1985: 123)).

Образ будущей лаборатории сложился у Бехтерева, вероятно, во время его заграничной командировки 1884-1885 гг., когда он занимался в Физиологическом институте К. Людвига в Вене, осваивал методику исследования проводников мозга на срезах моз-

¹ Историки психологии отмечали большое влияние, которое оказал на молодого Бехтерева психиатр и психолог И. А. Сикорский, с которым его свела судьба на заре самостоятельной жизни. Тогда еще первокурсник, Бехтерев так много занимался учебой, что от переутомления и нервного истощения был вынужден обратиться в клинику душевных и нервных болезней, где и познакомился с врачом И. А. Сикорским. Эта встреча пробудила у Бехтерева интерес к психоневрологии (Кабанов, Шерешевский, Журавель 1977); но и до этого Бехтерева волновали вопросы личности, ее нравственности, судьбы в современной ему России, поэтому он сознательно выбрал медицинскую специализацию, наиболее близко касающуюся их, — психиатрию.

говой ткани эмбрионов в лаборатории П. Флексига в Лейпциге, учился у морфолога и психиатра Г. Мейнерта в Вене, неврологов К. Вестфалья, психиатра Ж. Шарко в Париже, у психолога В. Вундта в Лейпциге. Опыт работы в Европе не только способствовал созданию лаборатории, но и повлиял на формирование научной школы В. М. Бехтерева, которая к концу его жизни насчитывала около пяти тысяч человек (Кабанов, Шерешевский, Журавель 1977).

Научная школа Бехтерева имеет много отраслевых направлений—психиатрическое, неврологическое, дефектологическое, педагогическое, психологическое, в соответствии со специализацией учеников и сотрудников Владимира Михайловича, который сам, однако, не ограничивался одним направлением научной и практической деятельности, напротив, он был воплощением междисциплинарных связей наук о человеке и оставил значительный вклад во многих отраслях человекознания.

Эта особенность научно-практической деятельности В. М. Бехтерева соответствовала полноте его характера, разносторонности его способностей. Он страстно жаждал «объять необъятное», работал, как говорили о нем современники, «упорствуя, волнуясь и спеша»². Главный интерес Бехтерева с юных лет был сосредоточен на человеческой личности. Не случайно он в студенческие годы специализировался по психиатрии. «Эта специальность казалась из всех медицинских наук того времени наиболее тесно связанной с общественностью и, кроме того, увлекала вопросами о познании личности, связанными с глубокими философскими и политическими проблемами...» (Бехтерев 1928: 10).

²Показательны характеристики Бехтерева, данные его учениками. Они подтверждают нашу точку зрения на роль личностного фактора в развитии комплексных исследований в школе Бехтерева. Например, Л. Я. Пинес, сотрудник Института мозга, так характеризует своего учителя: он «обнаруживал одаренность в различных направлениях, интересовался многими вопросами, *охотно* дискутировал на разные научные темы. Одно из наиболее ценных его достоинств — это умение быстро ориентироваться в самых разных вопросах, схватывать самое существенное, делать широкие и ценные обобщения» (Пинес 1934: 49). Физиолог Л. Л. Васильев: «Казалось, что Бехтерев один хотел охватить все отрасли человеческого знания и на каждую из них поставить штамп, печать своей яркой индивидуальности. Стремясь все постигнуть, все изучить в краткий период человеческой жизни, Владимир Михайлович нередко преступал границы тех областей, к которым более осторожно подходили более боязливые умы» (Стенограмма научного заседания, посвященного памяти В. М. Бехтерева (23 марта 1937 г.)// Архив РАН (СПб.) Ф. 805. Оп. 1. №17/1937/. Л. 27. С. 13).

Бехтерева интересовали вопросы здоровья и «вырождения» русского народа, воспитания детей и перевоспитания преступников, трудовой и общественно-политической деятельности личности. В единой связи виделись ему структура и функции мозга, в том числе и психические, общественная активность личности, факторы ее социального поведения и развития. Мы полагаем, что вопрос о причинах поведения личности, стремление найти ответ на него, не прибегая к пресловутой абсолютной свободе воли, явились доминантой научных исканий Бехтерева; этот вопрос был особенно острым в силу грандиозных исторических событий, которые ученый пережил вместе с Россией — первой русской революцией, первой мировой войной, Февральской революцией, Октябрьской революцией и последующими событиями советской эпохи.

Психология, ищущая ответа на этот жгучий вопрос, стала центром его научных исканий. Дело не в количестве публикаций В. М. Бехтерева по психологии, их одна треть от всего количества, а в том, что психология связывала в единый пучок все ветви его научной деятельности. Мозг, нервная и гуморальная системы в норме и патологии, в развитии и в упадке вследствие болезни, неблагоприятных факторов — все это интересовало Бехтерева в первую очередь в связи с проблемой личности, ее поведения, активности в обществе. Идея комплексного подхода к человеку возникла у Бехтерева в процессе развития его взглядов на предмет психологии, поэтому без анализа психологической концепции Бехтерева нельзя понять, каковы истоки этой идеи.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ В.М.БЕХТЕРЕВА КАК ОСНОВА СТРАТЕГИИ КОМПЛЕКСНОГО ИЗУЧЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

В.М.Бехтерев стремился поставить изучение личности на научную основу. Его программа построения новой психологии была выдержана в духе естественнонаучного материализма и противопоставлялась господствующей в начале века умозрительной философской психологии. Примечательно, что современники воспринимали программу Бехтерева как «яркую антитезу субъективизма и солипсизма» (Грузенберг 1911: 69).

Идеалистическая по своему характеру философская психо-

логия в лице А. И. Введенского, Л. М. Лопатина, И. И. Лапшина, Н. О. Лосского, С.Л. Франка и других была в целом неприемлема для В. М. Бехтерева, воспитанного в материалистической традиции. В отличие от этих ученых Бехтерев не признавал самонаблюдение научным методом психологии, не считал, что психика находится вне категорий пространства и времени, что она не поддается объективному анализу. Однако он вполне терпимо относился к представителям философской психологии и их взглядам. Примечательно, что в его Психоневрологическом институте преподавали видные философы-идеалисты Н. О. Лосский и С. Л. Франк. Этот факт наводит на размышление о значении для развития науки общения ученых с идейными оппонентами. Широкий культурный контекст необходим ученому для построения собственной концептуальной системы и существует в том числе в форме живого обмена мыслями с современниками. В Петербурге общение психологов и философов разных взглядов было возможным на заседаниях Религиозно-философского собрания, Философского общества, Русского общества нормальной и патологической психологии (его председателями были В.М.Бехтерев и И.П.Павлов). В Москве действовало Московское психологическое общество, в котором участвовали ученые разных направлений. Так, наряду с учеными, ориентированными на философскую психологию, Н. Я. Гротом, С. Трубецким, Л. М. Лопатиным, Г. И. Челпановым в руководстве Московского психологического общества состояли сторонники естественнонаучной, экспериментальной психологии С. С. Корсаков, А. А. Токарский, а почетными и действительными членами были И.М.Сеченов и В.М.Бехтерев (Психологическая наука 1997: 16)

Таким образом, действовал закон научного общения, названный М. Г. Ярошевским оппонентным кругом. Суть его состоит в пользе идейных споров с оппонентами для оформления собственной концепции ученого, оттачивания его мировоззрения и методологических принципов. Учитывая этот закон, надо быть благодарным судьбе за то, что она дарит не только сторонников-единомышленников, но и умных, честных оппонентов. В. М. Бехтерев фактически возглавил естественнонаучную психологию, которая оппонировала философско-религиозной психологии. Взаимодействие этих главных научных направлений философской и психологической мысли было, вероятно, плодотворным для них обоих.

Мы считаем не случайным факт появления идеи комплексно-

го подхода именно в русле естественнонаучного материалистического направления. Комплексный подход в понимании Бехтерева и его последователей явился средством фактического обоснования материалистического детерминизма в психологии. Комплексный подход должен был служить изучению множества объективных внешних и внутренних детерминант личности и ее поведения, что и составило основную задачу объективной психологии, за которую ратовал Бехтерев. Объективность психологического познания человека и комплексный подход к человеку — два главные методологические стремления в научной программе В. М. Бехтерева. Комплексный подход выступал средством объективного психологического познания, а отправной точкой стал человек как носитель психического и его внутренняя детерминанта. Логика Бехтерева видится нам в такой последовательности: человек (мозг, весь организм, личность) — комплексный подход — объективное изучение психики (позже — поведения, соотносительной деятельности).

Суть программы В. М. Бехтерева точно выражена в названии — «объективная психология» (позже он стал называть ее психорефлексологией, а затем — рефлексологией). Главным предметом объективной психологии провозглашалось поведение, а также другие доступные наблюдению проявления нервно-психической деятельности — вегетативные, сосудистые, мимические, речевые, возникающие при воздействиях на организм и личность.

В. М. Бехтерев не отрицал реальность психики, сознания и личности: «Объективная психология признает действительность "психических" процессов, но, оставляя совершенно в стороне субъективную сторону этих процессов, она довольствуется изучением внешних проявлений нервно-психической деятельности в соотношении их с теми воздействиями, которые служат причиной их обнаружения» (Бехтерев 1909: 1). «Объективная психология должна быть наукой о внешних выразительных реакциях в широком смысле слова, изучающей их в соотношении с бывшими внешними влияниями как непосредственно им предшествующими, так и отдаленными, которые приводят к проявлению выразительных реакций» (Бехтерев 1907: 99). Позднее Бехтерев определял предмет рефлексологии как соотносительную деятельность организма в широком смысле, т. е. унаследованные и индивидуально приобретенные реакции организма, вплоть до действий и поступков, характеризующих личность (Бехтерев 1926б: 147).

В рефлексологии психика отождествлялась только с субъективным переживанием. Ее Бехтерев полностью отдавал в ведение субъективной психологии. Главный аргумент Бехтерева за исключение психики из предмета объективной психологии состоял в том, что субъективные переживания доступны лишь самонаблюдению, которое чаще бывает ошибочным, непроверяемым, не повторяемым в опыте. Самонаблюдение может быть лишь дополнительным источником психологического познания и только под контролем других, объективных методов. В рефлексологии он заменял психику на поведение на том основании, что психика субъективна и адекватный ей метод интроспекции научно несостоятелен. Поведение провозглашалось главным предметом рефлексологии. За внешними движениями, реакциями скрыта работа мозга, поэтому понять поведение, а значит, по В.М.Бехтереву, и личность, без изучения внутренних мозговых механизмов нельзя. Внимание к психофизиологической проблеме — характерная черта Бехтерева-психолога и неизменная особенность его программы. Эта особенность отличает поведенчество Бехтерева от бихевиоризма, возникшего не без его влияния в США. Есть и другие отличия этих родственных направлений в психологии, что можно видеть из дальнейшего анализа программы и деятельности бехтеревской школы.

Бехтерев, принципиальный последователь Сеченова, проводит идею психофизиологического монизма, опираясь на рефлекторную теорию. Само понятие рефлекса для него — символ истинной научности в области изучения психики и поведения. В духе Сеченова он трактовал психические процессы, когда утверждал, что «мысль и вообще субъективные переживания должны быть понимаемы как задержанные рефлексы, которые рано или поздно, освободившись от торможения, перейдут в объективный мир или в форме пересказа, или в форме действия, или других реакций» (Бехтерев 1926б: 68)³.

Вместо устаревшего, как он стал думать в период оформления рефлексологии, понятия психики необходимо понятие *невропсихики*. Невропсихика — срединное звено рефлекса, в котором происходит преобразование энергии внешнего раздражителя в нервный процесс, приводящий в движение мышцы или активизирующий же-

³В историографии психологии отмечены и расхождения взглядов Бехтерева с идеями Сеченова (Будилова 1960; 1972). Бехтерев заострил некоторые моменты концепции Сеченова, оставив в стороне его идеи о регуляторной роли психики, о ее сигнальном характере, наконец, о ее сущности.

лезы. Для Бехтерева «душа с ее сознанием есть не особая сущность, проявляющаяся при деятельности центров и затем скрывающаяся каким-то таинственным образом, а продукт энергии мозговых центров, как и открываемые в тех же центрах материальные изменения нервной ткани» (Бехтерев 1904а: 661). «Как бы ни было существенно различие между субъективными переживаниями и сопутствующими им объективными изменениями мозга, мы не должны упускать из виду, что те и другие служат выражением одного и того же нервно-психического процесса, обусловленного деятельностью энергии нервных центров. Поэтому во избежание всяких недоразумений и в устранение издавна установившегося противоположения духовного материальному мы вправе и должны говорить ныне не о душевных или психических процессах в настоящем смысле слова, а о процессах нервно-психических. И везде, где мы имеем дело с психикой, нужно иметь в виду собственно нервно-психические процессы, иначе невропсихику, а у простейших, лишенных нервной системы, биопсихику» (Там же: 660).

Как уже не раз отмечалось историками и критиками Бехтерева, ему чужда была идея отражательной и регуляторной функции психики и сознания. По В.М.Бехтереву, психика не изоморфна объекту отражения, а лишь кодирует, символизирует его в переживаниях и не имеет существенного значения для поведения. Вместе с тем у Бехтерева просматривается представление относительно ориентационной функции психики, обеспечивающей целесообразность и активность поведения на биологическом уровне (Бехтерев, 1904). Он считал, что количество воздействия внешнего объекта на организм переводится в нервной системе в качество субъективных переживаний, и организм оценивает эти воздействия как вредные или полезные, после чего строит свое поведение. В этом и состоит ориентационная функция психики.

По В. М. Бехтереву, в отличие от простых безусловных рефлексов невропсихические осуществляются при обязательном оживлении следов прошлых воздействий. «Всюду, где прошлый опыт дает себя знать, мы имеем уже не простой рефлекс, а психорефлекс или невропсихику в настоящем смысле слова» (Бехтерев 1907а: 93). Оживление следов прошлых воздействий и связывание их с актуальными возбуждениями, т. е. процессы ассоциативной деятельности мозга, опосредуют ответную реакцию на раздражитель. Отсюда возникает необходимость изучать деятельность мозга, чтобы вскрыть характер этого опосредования. В комплексе поведен-

ческих наук, по В. М. Бехтереву, должны занять свое место анатомия, гистология, эмбриология нервной системы, нервная физиология, невропатология, психиатрия и патологическая анатомия нервной системы, сравнительная анатомия нервной системы животных и некоторые другие дисциплины естественнонаучного характера. В этот комплекс входит эмпирическая и экспериментальная психология (Бехтерев, 1893). Опираясь на этот комплекс наук, можно приблизиться к законам опосредования поведения материальными свойствами нервных структур.

Как и Сеченов, Бехтерев убежден в строгой детерминированности поведения личности: «Личная реакция, несмотря на всю ее сложность, подчинена определенной законности, а потому может быть предсказываема при знании внешних обстоятельств и при полном знакомстве с прошлым и личными особенностями данного человека» (Бехтерев 1912: 17). Обратим внимание, что среди детерминирующих факторов поведения Бехтерев называет прошлый опыт, внешние обстоятельства—социальные факторы. Прошлый опыт накапливался в процессах социальной деятельности человека в обществе. Какова была эта деятельность, в каких условиях жил человек, такова и его личность. Бехтерев полагал, что «поступки и действия человека являются прямым следствием тех внешних условий, в которых создалась и воспиталась данная личность, они являются простым отражением окружающей действительности» (Бехтерев 1909: 11). Он упрощал детерминацию поведения, не придавая значения собственно личностным механизмам, работе сознания, воле человека. По В.М.Бехтереву, для объективного познания необходимость учета условий жизни и деятельности личности в прошлом и настоящем побуждает обращаться к данным гуманитарных наук — социологии, истории, этнографии, педагогики, филологии, социальной психологии.

В задачи рефлексологии, по В. М. Бехтереву, входит «вычленение роли внешних (со стороны окружающей среды) и внутренних (со стороны соматической сферы) стимулов — раздражителей, обуславливающих разнообразные проявления личности в окружающем мире» (Бехтерев 1925: 5). Таким образом, объективная психология изучает поведение как эффект рефлекторной деятельности мозга в определенных обстоятельствах жизни личности. Мозг (организм в целом) и личность — общие объекты комплекса наук. Через связь поведения с мозговой динамикой объективная психология смыкается с биологическими науками, с естествознанием, а

через связь поведения с условиями жизни в социальной среде — с социальными, гуманитарными.

Пограничный по отношению к естественным и гуманитарным наукам характер объективной психологии не раз отмечался Бехтеревым. В последний период жизни он расширил связи объективной психологии, рефлексологии, указав на зависимость поведения личности не только от биологических и социальных факторов, но и от космических. Стремление учесть все мыслимые влияния на поведение личности расширяло до бесконечности предмет рефлексологии, куда Бехтерев относил все, что касается жизни человека: язык, материальную культуру, нравы, обычаи, экономический уклад, климат и т. д.

Комплексный подход, а значит, опора на смежные науки, стал общим методом объективной психологии. Таким образом Бехтерев надеялся установить все детерминанты поведения личности и предсказать его: «Выяснение соотношения внешних проявлений личности с внешними же влияниями текущими и прошлыми достигается путем внимательного и строго объективного наблюдения всех действий, поступков, речи и других проявлений личности. Результаты этого объективного наблюдения всех вообще внешних проявлений личности собственно и должны лежать в основе характеристики человеческой личности, а не те данные, которые черпаются из субъективного анализа. Проще говоря, наиболее верной характеристикой человека должны быть его действия, поступки, его речь, жесты, мимика и прочее в соотношении с теми или иными внешними условиями».

Подробное и тщательное наблюдение всех объективных данных человеческой личности в соотношении со всеми внешними поводами, приводящими к внешним ее проявлениям, а также выяснение прошлого данной личности, т.е. ее условий жизни и воспитания, а равно и условий наследственности, собственно и дают полный материал для ее оценки. Владея таким материалом, можно определенно предвидеть, как тот или другой человек будет поступать в соответственных случаях» (Бехтерев 1918а: 72).

Логика Бехтерева, ведущая к комплексному методу объективной психологии, такова: раз поведение личности детерминировано множеством условий ее прошлой жизни, ее наследственностью, то надо эти условия и наследственность изучать, привлекая данные и методы смежных наук — биологических и социальных. В перечне детерминант поведения у Бехтерева не находится места для соб-

ственно личности как субъекта. Ничего не говорит Бехтерев и о роли сознания в регуляции поведения⁴. В его понимании поступок лишь сопровождается мотивом (Бехтерев 1912а).

Объективизм и упрощенный детерминизм господствует в представлениях Бехтерева о личности. Он убежден, что «личная реакция, несмотря на всю ее сложность, подчинена определенной закономерности, а потому может быть предсказываема при знании внешних обстоятельств и при полном знакомстве с прошлым и личными особенностями данного человека» (Бехтерев 1912: 17). Он писал далее о том, что все поступки личности определены роковым образом (Бехтерев, Дубровский 1926). Не отрицая полностью активности личности, он не связывает ее с сознанием личности. Диалектика объективного и субъективного оказалась закрытой для Бехтерева.

Структура субъекта у Бехтерева представлена упрощенно и как бы в одной плоскости — биологической (деятельность мозга, наследственность, гуморальная среда). Социальный аспект обозначен размытым понятием прошлого опыта личности, условий ее жизни, т. е. чем-то внешним по отношению к индивиду. Вопрос о психологической структуре субъекта в связи с детерминацией поведения у Бехтерева даже не поставлен. Кроме того, все разнообразные факторы влияния не соотнесены по степени важности, их «удельному весу», по их большей или меньшей опосредованности по отношению к личности, не даны в системе. Все эти особенности концепции Бехтерева, его рефлексологии служат основанием квалифицировать ее как механистическую.

Недостатки мировоззрения Бехтерева выпукло представлены в трактовке личности. Он понимал личность как биосоциальное существо, отождествляя ее с человеком вообще. В некоторых отношениях он сводит личность к комплексу высших рефлексов, т. е. осложненных прошлым опытом: «... личность представляет собою весь тот индивидуальный комплекс высших, т. е. сочетательных рефлексов, включая и те их особенности, которые являются до известной степени отражением наследственных условий» (Там же: 59).

Наряду с таким натуралистическим взглядом на личность В.М.Бехтерев придерживался и другого, социологического, когда

⁴ Вот характерное в этом отношении суждение Бехтерева: «Только тогда, когда мы рассматриваем человека как действующего объекта или как живую машину, мы имеем возможность говорить об объективном отношении к делу, выявляя био-физико-социальную основу развития личности» (Бехтерев 1925: 16).

личность характеризовалась как элемент общности, полностью зависимый от нее. Такой объектный подход к личности ярко выражен в его книге «Коллективная рефлексология» (1921): личность «является в значительной мере социальным продуктом, а не самобытной особью... является существом социальным в настоящем смысле слова, повторяя не свои особые, а общие всем взгляды, выполняя общие всем обычаи, обнаруживая в известных случаях общие всем действия и т. п. Все действия личности в этом случае как бы *предопределены*. Человек в обществе безусловно подчинен общественным требованиям» (курсив мой. — *Н. Л.*) (Бехтерев 1921: 68, 69). Более того, по словам Бехтерева, личность ведет себя как автомат. «Личность оказывается в большинстве своих действий и поступков, а равно и в своих заявлениях, представителем общества, а не самого себя. Отсюда видно, что личность является больше повторителем, нежели индивидуальным создателем. Иначе говоря, она является... в значительной мере социальным продуктом, а не самобытной особью» (Там же: 68).

В этих «суждениях» схвачены истинные свойства личности, но далеко не все. Бехтерев не раскрывает диалектику единения с общностью и обособления личности, диалектику свободы и детерминированности поведения принадлежностью общности. Нет, он не отрицает полностью свободы воли, но упрощенно толкует ее как проявление индивидуального личного опыта. Гораздо ярче он подчеркивает предопределенность поведения условиями воспитания и жизни человека. Этот объективистский пафос служит в выступлениях Бехтерева утверждению идеи о необходимости радикального изменения условий общественной жизни, которые толкают человека на путь преступлений, ведут к появлению таких нежелательных черт русского национального характера, как беспечность, равнодушие к личным и общественным делам, невыдержанность, внушаемость. Как практический деятель-общественник, Бехтерев средствами науки стремился укрепить человека, помочь ему стать самобытным, социально активным. Отсюда его колоссальная энергия в организации помощи страждущим людям, больным, алкоголикам, беспризорникам.

Взгляды В. М. Бехтерева на природу личности противоречивы. То, что он писал о личности как автор доктрины, нередко расходится с его практическими делами и публичными выступлениями. Наряду с акцентированием предопределенности, зависимости поведения личности от общества он горячо выступал за утверждение

самостоятельности и ответственности человека. В 1905 г. на Втором съезде отечественных психиатров в Киеве он заявлял свою позицию: «Личность с объективной точки зрения есть психический индивид со всеми его самобытными особенностями — индивид, представляющийся самостоятельным существом по отношению к окружающим внешним условиям... Только утрата этой самостоятельности делает человека вполне безличным... Личность с объективной точки зрения есть ничто иное, как самостоятельная особь со своим психическим укладом и с индивидуальным отношением к окружающему миру» (Бехтерев 1905: 6-7).

Ему была дорога мысль об ответственности личности за каждый свой поступок, слово, даже жест, поскольку все это не исчезает бесследно, а влияет так или иначе на окружающих и даже на потомков: «Каждый человек, явившийся наследником прошлых поколений, есть деятель, творец и созидатель будущего. Он не имеет права поверить в свое бессилие или бесплодность труда, ибо в нем самом заключается рождение будущего» (Бехтерев 1918: 18). Личность может подняться над группой, стать индивидуальностью, но не для того чтобы подавлять других и возвеличивать себя, а для «социального героизма» (Бехтерев 1926а). Только служение людям обеспечивает личности идеальное бытие в творениях, в памяти потомков. Цель педагогики — «выработать личность как самостоятельную социальную единицу» (Бехтерев 1905: 34).⁵ Короче говоря, проблема личности, человека, выступала для ученого во многих аспектах, которые он попытался объединить в целостной картине. Такой картиной стала рефлексология — завершающий этап развития объективной психологии.

На пути к рефлексологии в ее развитой форме, в какой она предстала в книге «Общие основы рефлексологии человека»⁶, сам В. М. Бехтерев расставил такие вехи: изучение навыков собак после удаления двигательной зоны коры головного мозга (1886), выступление в прениях на V съезде врачей имени Н. И. Пирогова, когда он впервые высказался за необходимость объективных показателей

⁵ Бехтерев как основатель физиологии и психологии труда придавал большое значение и личностному фактору трудовой деятельности: «Личность трудящегося, его отношение к работе и способность к сосредоточению имеет вообще огромное значение в данном вопросе» (Бехтерев 1919: 23; см. также: Бехтерев 1920). Он живо интересовался проблемой творчества, пытаясь и здесь проводить идеи объективной психологии (Бехтерев 1924, 1924а).

⁶ Книга издавалась четыре раза — в 1918 г. под названием «Общие основания рефлексологии человека», затем в 1923, 1926 и 1928 (посмертное издание).

психических заболеваний (1893), выдвижение гипотезы о природе нервнопсихической энергии (1896), первая публикация программы объективной психологии в журнале «Вестник психологии» в 1904 г. (Бехтерев 1904а) разработка методики искусственного воспитания двигательного сочетательного рефлекса (1905-1907).

Рефлексология, вернее, книга «Основы общей рефлексологии человека» — итог сорокалетнего пути Бехтерева и его школы. Она задумана как синтез знаний о человеке в рамках единой теории. Свойственная Бехтереву установка на связь теории с практикой, несомненно, оказала влияние на формирование синтетической дисциплины, каковой должна была выступить рефлексология. Синтетическая функция рефлексологии в «Основах...» была осознана не только самим Бехтеревым, но и его окружением, учениками. Один из них, физиолог Л. Л. Васильев, выступая на праздновании 40-летия научной деятельности В. М. Бехтерева в 1925 г., отметил: «Объект рефлексологии — целостная человеческая личность в ее внешних, объективных, наблюдаемых проявлениях, в ее актах поведения, в ее бесчисленных ответных реакциях на текущие и прошлые, на внутренние, органические, и внешние — космические, и, в особенности, социальные воздействия. Для рефлексологии человек не просто «организм», а «биосоциальное существо», живущее не только в природной, но и в социальной среде» (Васильев 1926: XI). В рефлексологии он видел синтез взглядов Бехтерева как физиолога, невропатолога, психолога, социолога, эволюциониста.

Аналогично выразила суть учения Бехтерева психолог В. Н. Осипова, выступая в методологической дискуссии «Рефлексология или психология» в 1929 г.: «Синтезируя материалы всех этих наук (перечислялись социология, физиология, эндокринология, биофизика, биохимия и др. — *Н. Л.*), рефлексология вскрывает законы возникновения и развития поведения в целом, в ее всеобщих связях и отношениях» (Осипова 1929: 16). Психолог А. Л. Шнирман вторит им: «В этом учении (рефлексологии. — *Н. Л.*) синтезирована вся предшествующая работа: многочисленные, тщательнейшие анатомо-гистологические изыскания, интереснейшие физиологические исследования, проведенные по методу экстирпации различных областей мозга у животных, работы в области экспериментальной психологии, исследования по новой методике сочетательно-двигательных рефлексов, коллективно-рефлексологический эксперимент, наблюдения над развитием младенца и, наконец, весь богатый клинический опыт» (Шнирман 1929: 95-96).

Трактовка и оценка рефлексологии В. М. Бехтерева как итога развития его взглядов на поведение личности и, следовательно, на предмет науки о поведении, сложилась в советской науке еще в 30-х годах XX в. в результате дискуссии с «механистами», как называли естествоиспытателей, ориентированных на естественно-научный материализм. Эта критика полностью отрицала какой-либо позитивный смысл в рефлексологии. Более того, она, следуя идеологическим установкам того времени, приписывала рефлексологии реакционный характер. С тех пор сложился стереотип по отношению к рефлексологии, который, даже будучи смягченным по сравнению с оценками 30-х годов, не усматривает в ней уникальный опыт синтеза знаний о человеке, первого в XX столетии. Новое осмысление психологического наследия В. М. Бехтерева, завершившегося рефлексологией, — самостоятельная трудная задача; ограничимся анализом того, в какой форме Бехтерев осуществил задуманный синтез и почему этот опыт, несмотря на искренние декларации и гигантский труд, все-таки не увенчался успехом.

Зрелая рефлексологическая доктрина В. М. Бехтерева представляет собой опыт теоретического обобщения на основе понятия энергии и рефлекторного принципа. Смысл этого обобщения автор находил в том, чтобы «выдвинуть» человеческую личность в мировое целое, или в «мировой процесс», т. е. определить место личности, а вместе с ней и невропсихики, проявляющейся в поведении, во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. Такая постановка вопроса — несомненное достижение Бехтерева и соответствует материалистическому пониманию психики⁷.

Удалось ли В. М. Бехтереву справиться с поставленной задачей выдвижения личности в мировое целое? Для Бехтерева мировой процесс — это бесконечный круговорот энергии, который захватывает и невропсихику. Последняя — звено в этом процессе, ее природа энергетическая и родственна всему остальному миру, «посюсторонняя»⁸. Мировой процесс охватывает все сущее — космические, биологические, социальные явления. В этом рефлексология созвуч-

⁷В книге «Бытие и сознание» (Рубинштейн 1957) примечателен ее подзаголовок — «О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира». Не правда ли, он созвучен приведенной формулировке Бехтерева?

Представления В.М.Бехтерева о мировом процессе, как можно предполагать, испытали влияние идей философа В. С. Соловьева — современника В.М.Бехтерева. Переключка столь разных русских мыслителей — пример благотворности разнообразия научной и культурной среды.

на «русском космизме», общему умонастроению таких современников В.М.Бехтерева, как В.И.Вернадский, К.Э.Циолковский, А.Л.Чижевский⁹, с одной стороны, В.С.Соловьев, Н.Ф.Федоров, Н.А.Бердяев — с другой. Рефлексология — дитя своего времени, и она несет на себе его печать.

Рефлексология опиралась на естественные науки и перерастала в натурфилософию. Согласно рефлексологической теории Бехтерева, *невропсихика* представляет собой модификацию мировой энергии, ее частную форму, причем психическое есть субъективное, а поведение — объективное проявление невропсихики. Поскольку энергия подчиняется общим для всего мироздания законам, постольку и невропсихика, а следовательно, и поведение, подчиняются им. Бехтерев сформулировал и описал двадцать три так называемых мировых закона, действующих в природе, обществе и в поведении отдельной личности. В частности, законы сохранения, тяготения, отталкивания, инерции, индивидуальности и др. На основе аналогий Бехтерев объединял под эгидой мирового закона самые разные явления. По закону тяготения якобы происходит положительный таксис, с одной стороны; а с другой — образование центров цивилизации. При этом сущность и специфика разнородных явлений упускалась из виду, что означало редукционизм и механицизм рефлексологии. Эти коренные пороки рефлексологии были подмечены критиками слева и справа (Невский 1925; Челпанов 1925, 1926 и др.). Хотя сам В.М.Бехтерев, разъясняя свою позицию, утверждал, что вовсе не отрицает специфики социальных законов, а лишь акцентирует их всеобщность, на деле редукция к механическим законам имела место в рефлексологии.

В концепции Бехтерева понятие энергии противопоставлялось понятию материи. Для Бехтерева материя тождественна веществу, поэтому он допускал формулировки, дающие основание обвинять его в идеалистическом энергетизме. Эти обвинения, типичные для критики 1930-1950-х годов, в наше время вызывают сомнение. Из всего контекста рефлексологии и из разъяснений автора становится ясным, что энергетизм у Бехтерева был формой материалистического монизма. Вопрос о месте понятия энергии в психологической теории и на сегодняшний день является дискуссионным. Есть основания полагать, что это понятие применимо для характеристики

⁹А.Л.Чижевский в книге «Земное эхо солнечных бурь» сообщал о поддержке В.М.Бехтеревым его теории о космических влияниях на жизнь человека и общества (Чижевский 1976).

психического, и потому закономерен поиск энерго-информационных соотношений в психике (Веккер 1974-1981; Веккер, Палей 1971; Палей 1971; Палей, Гербачевский 1972).

Вторым обобщающим понятием в концепции Бехтерева, наряду с энергией, является рефлекс — частный случай энергетических преобразований. Невропсихика — центральное звено рефлекса, поведения и психическое (переживание) — его эффекты. Бехтерев сводил к рефлексам не только отдельные реакции, но и сложные формы поведения, даже творчество (Бехтерев 1924; 1924а). По-своему последовательно, но весьма упрощенно он определяет творчество как «ряд рефлексов, сцепленных друг с другом для достижения определенной цели...» (Бехтерев 1926б: 228).

Понятие рефлекса позволяет охватить только один, хотя и важный аспект личности (поведения, психики), а именно связь психического с физиологическим. Сказать о личности и ее поведении, что все это рефлекторные явления, в определенном смысле допустимо, но совершенно недостаточно. Ограничение понятия личности рефлекторными механизмами представляет собой натурализацию ее природы, что дало основание критикам говорить о «грубо биологизаторской бехтеревщине» (Итоги дискуссии 1931: б)¹⁰.

Однако, как мы уже отмечали, натурализация личности сочеталась у Бехтерева с ее социологизацией. Он подчеркивал социальную обусловленность поведения личности, зависимость ее формирования от общественных условий. Социальный мир рассматривался как особая среда, по отношению к которой осуществлялась рефлекторная деятельность личности. Взаимосвязь социального и биологического в человеке — вечная проблема психологии и всего человекознания. Рефлексологическая трактовка ее такова, что эти два начала рядопологаются и как бы дополняют друг друга, взаимодействуя лишь внешним образом.

С Бехтеревым произошло то, что случается с оригинальными, по-новому мыслящими учеными. Естественное стремление быть последовательным в своей теории, увлечение главной идеей приводит к определенным методологическим перекосам. У Бехтерева есте-

¹⁰ Рефлексологи-ортодоксы еще более огрубели рефлексологию Бехтерева. Чего стоят такие суждения, как, например, «сознание не существует как реальность, это понятие...» (Сорохтин 1929), или «сознание есть не более как интроспективное выражение физиологических процессов, протекающих по своим собственным законам, пускай сложным, но все же вполне материальным» (Черановский 1928: 201-202).

ственна научное понятие рефлекса было возведено в ранг чуть ли не философской категории, призванной объяснить всю сложность человека-личности и его поведения, включая творчество.

Пафос объективизма привел его к фактическому игнорированию роли сознания в организации поведения личности, с одной стороны, и к сведению психики к субъективному переживанию, с другой. Диалектика общего и особенного «мировых законов», социального и биологического в человеке, субъективного и объективного в личности, детерминированного и свободного в ее поведении оказалась нераскрытой в рефлексологии.

Второй причиной неудач рефлексологии как синтеза знаний о человеке была недостаточная зрелость конкретных наук о человеке. В начале XX в. уже можно было ставить задачу синтеза знаний в этой области, но решить ее — нет. Слишком молоды были такие важные науки о человеке, как социология, генетика, биохимия, физиология высшей нервной деятельности. Предстояло пройти большой путь развития самой психологии, которая более других конкретных наук способна играть роль связующего звена между всеми отраслями человекознания.

Наконец, во времена В.М.Бехтерева не было особых методологических средств для конкретно-научного синтеза разнородных знаний о человеке. Еще не развиты были комплексный и системный подходы как интегрирующие стратегии познания. Только зарождалась теория систем. Не существовали кибернетика, теория информации, синергетика, которые имеют переходный характер от конкретных наук к философии и служат междисциплинарному синтезу. Важные шаги к формулированию общенаучных закономерностей организации сложных объектов и их функционирования были сделаны самим Бехтеревым и его сотрудниками¹¹. Теоретические построения Бехтерева предвосхитили открытие общих законов структуры, функционирования, развития систем разной ма-

¹¹ Так, сотрудник Института мозга врач Н.А.Белов еще в 1918 г. ознакомил В. М. Бехтерева со своей работой «Основы общей механики жизненного процесса», в которой излагал идеи об организме как системе с саморегуляцией на обратных связях (Белов 1922). Бехтерев одобрил эти идеи и разработки, которые в наше время признаны существенным вкладом в развитие системных представлений в естествознании. Как отмечается в «Истории философии в СССР», Н. А. Белов «в более явной и четкой форме, нежели Сеченов, выдвинул идею обратной связи («параллельно-перекрестной»), которая обеспечивает устойчивость организма» (История философии 1985: 698; о работах Н. А. Белова см.: Петрушенко 1968).

териальной природы, законов, которыми занимается современная системология.

Судьба рефлексологии известна. Если в начале и середине 1920-х годов рефлексология пользовалась большим авторитетом в научной среде и в других слоях общества (ее изучали в вузах и в кружках), то в конце десятилетия она потеряла сторонников даже среди учеников В. М. Бехтерева. Под политическим и идейным воздействием марксизма и по мере развития психологического знания она уступила место новым психологическим теориям, построенным на принципах отражения, личностного подхода, сознания и деятельности, развития, на основе принципа детерминизма, по-новому осмысленном.

Теперь, спустя столетие, можно сказать, что в целом объективная психология-рефлексология Бехтерева оказалась тупиковой ветвью психологии, но тем не менее оставила глубокий след в науках о психике и человеке. В рамках рефлексологии были проведено большое количество конкретных исследований, в том числе по общей, возрастной, социальной, юридической, сравнительной психологии, психологии труда. Среди конкретных научных достижений В. М. Бехтерева и его школы историки психологии называют открытие волосковой, вибрационной, вестибулярной чувствительности, влияние общения на психические процессы, а также ряд перспективных психологических идей, в частности идеи о речи как символических рефлексах, настройке органов чувств для формирования образов, молекулярных основах памяти, перцептивных действиях, связи внимания с потребностями и др. В.М.Бехтерев сделал чрезвычайно много для развития наук о человеке, его мозге и психике и навсегда вошел в историю отечественной и мировой психологии.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОГРАММЫ ОБЪЕКТИВНОЙ ПСИХОЛОГИИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Идейное содержание концептуальной системы В.М.Бехтерева и его программы объективной психологии было положено в основу его конкретно-научной исследовательской и организаторской деятельности, направленной на комплексное изучение человека. Эта цель определила задачу наладить междисциплинарные связи, с тем чтобы комплексные исследования завершались синтетическим ре-

зультатом. В какой мере В. М. Бехтереву удалось решить эту проблему, мы попытаемся показать.

Основные вехи жизни и деятельности В.М.Бехтерева, научный вклад его школы достаточно известны благодаря многочисленным публикациям его самого, его учеников и сотрудников, историков и популяризаторов науки (Ананьев 1947, 1959; Будилова, Кольцова 1985; Горностай 1961; Гращенко, Мясисhev, Щелованов 1958; Драпкина, Полякова 1985; Кабанов, Шерешевский, Журавель, 1977; Кольцова 1985; Левченко 2003; Мунипов 1968; Мясисhev 1959; Осипов 1947; Поварнин 1926; Протопопов 1928 и др.). Однако история бехтеревского направления в психологии в целом до сих пор не изучена. Не дана всесторонняя обобщающая оценка вклада этого направления в науку и культуру. Конференции, посвященные 100-летию В.М.Бехтерева (1957), 100-летию первой в России им же организованной психофизиологической лаборатории (1985), отдельные статьи о нем не могут заменить монографического историко-психологического исследования. Речь идет не только о наличии фактических пробелов в историографии психологии, но и о том, что история бехтеревской школы не проанализирована с точки зрения реализации программы В. М. Бехтерева, как история становления комплексного подхода к проблеме человека. Именно эта история дает представление о конкретных формах осуществления принципа комплексности, содержит поучительный опыт организации комплексных исследований в научных лабораториях и институтах, созданных Бехтеревым.

Комплексный подход в школе Бехтерева укреплялся специальными организационными мерами и воплотился в структуре и деятельности научных, практических и образовательных учреждений. Начало комплексных исследований в области психоневрологии относится к казанскому периоду деятельности В.М.Бехтерева. Вернувшись из заграничной командировки осенью 1885 г., он получил кафедру психиатрии в Казанском университете и начал подготовку к открытию лаборатории. Организация В. М. Бехтеревым психофизиологической лаборатории и казанского Общества невропатологов и психиатров явилась воплощением крепнущей идеи о необходимости междисциплинарных исследований в целях психологического познания: «Современный психолог изучает проявление благороднейшей функции организма в связи с анатомо-физиологическими данными о мозговых центрах и в этом ищет опоры в данных, собранных предшествовавшими исследователями... Таким образом

научное общение между представителями различных специальностей, интересующихся развитием неврологических знаний, вызывается "самою природой вещей". В самом деле, каждый из указанных лиц занят исследованием известной части неврологии; но нельзя исследовать часть без целого, без знакомства со всеми другими отделами неврологии, и чем полнее это знакомство, тем более будет спориться работа» (Бехтерев 1893: 12-13).

Программу первых психологических исследований Бехтерев наметил в известной речи «Сознание и его границы» 1888 г. (Бехтерев 1888); по этой программе были проведены экспериментальное изучение ощущений, восприятия, памяти, были поставлены опыты, показывающие роль личностного фактора в протекании психических процессов, обнаружено влияние умственного утомления на объем сознания, выявлены объективные закономерности протекания психических процессов в условиях изменения скорости подачи стимула¹².

В лаборатории начала складываться школа В. М. Бехтерева, который обладал большим личным обаянием и скоро «о нем заговорила вся интеллигенция Казани, особенно медицинская, как о крупном молодом ученом», — вспоминал позже его сотрудник В. Е. Ларионов. «Жизнь... бьет живым и сильным ключом, запросы... ума и воли рвутся наружу, чтобы быстро претвориться в дело и выявиться в форме научной и общественной работы... Введя такую напряженную научную работу, Владимир Михайлович

¹²М. Г. Ярошевский выдвинул интересное и правдоподобное предположение о том, что Бехтерев явился прототипом научного психолога, о котором писал Ленин: «Метафизик-психолог рассуждал о том, что такое душа? Нелеп тут был уже прием. Нельзя рассуждать о душе, не объяснив, в частности, психических процессов: прогресс должен состоять именно в том, чтобы отбросить рассуждения о том, что такое душа, и суметь поставить на научную почву изучение фактов, характеризующих те или другие психические процессы. .. Он, этот научный психолог, отбросил философские теории о душе и прямо взялся за изучение материального субстрата психических явлений — нервных процессов» (Ленин ПСС: I, 141-142). Ярошевский обратил внимание на тот факт, что «первые месяцы студенчества Владимира Ульянова прошли в Казанском университете, где В. М. Бехтерев именно в те годы организовал первую в России лабораторию экспериментальной психологии; можно предположить, что перед умственным взором В.И.Ленина выступал образ будущего автора «Объективной психологии» (Ярошевский 1980: 10). В период, когда В.И.Ленин работал над книгой «Что такое "друзья народа"... » в России, кроме Бехтерева, не было другого исследователя, который столь определенно представлял бы описанный в ней тип научного психолога» (Ярошевский 1985: 434).

поражал всех своей постоянной бодростью, жизнерадостностью, а главное, изумительной трудоспособностью» (Ларионов 1925: 5,7).

Всесторонний подход к человеку сочетался в лаборатории Бехтерева с принципом связи науки с практикой: «То, что вырабатывается в кабинетах и лабораториях, применяется затем у кровати больного и, с другой стороны, то, что наблюдается у кровати больного, служит предметом лабораторных исследований» (Бехтерев 1893: 11). Связь с практикой стимулировала развитие комплексного подхода, поскольку практика, как правило, имеет дело с личностью в целом.

В 1893 г. В.М.Бехтерев был избран профессором кафедры душевных и нервных болезней Петербургской Военно-медицинской академии. В 1894 г. он и здесь организовал психологическую лабораторию. Ее возглавил психолог А. Ф. Лазурский — ближайший сотрудник Бехтерева. В Военно-медицинской академии вокруг Бехтерева сплотилась многочисленная когорта учеников, в основном врачей: М. И. Аствацатуров, А. В. Гервер, И. П. Никитин, В. П. Осипов, В. В. Срезневский, С. И. Топалов, Г. Е. Шумков и другие¹³.

В Петербурге в 1901 г. В. М. Бехтерев совместно с И. П. Павловым организовал Русское общество нормальной и патологической психологии и стал его председателем. В 1904 г. под эгидой этого общества Бехтерев начал издавать первый отечественный психологический журнал «Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма» (сокращенно «Вестник психологии»).

Именно в этот период у него оформился план создания новой —

¹³ В тридцатые годы Б.Г.Ананьев в своей докторской диссертации, посвященной двухвековой истории русской психологии, эту когорту ученых противопоставил ученикам Бехтерева нового поколения — рефлексологам, отдавая научное предпочтение первым, хотя сам в двадцатые годы принадлежал ко вторым. «Впоследствии созданная В. М. Бехтеревым рефлексологическая школа и по своему направлению и по своему составу представляла собой формирование совершенно иное, нежели славная клиническая школа, основанная им ранее. Сохранив свое психофизиологическое направление, представители этой клинической школы не разделили новых рефлексологических теорий своего учителя, что сказалось на последующей деятельности профессоров Осипова, Гервера, Никитина, Срезневского и др.» (*Ананьев Б. Г. Формирование научной психологии в СССР: Докт дис. Л., 1939. С. 768. Центральный государственный архив СПб. Ф. 4331. Оп. 30. Ед. хр. 17*). Думается, что эта позиция Б. Г. Ананьева была исторически обусловлена. Теперь же, на большой временной дистанции, преемственность разных поколений школы Бехтерева для меня кажется более существенной.

объективной, психологии. Развернутое изложение проекта впервые появилось в статье 1904 г. «Объективная психология и ее предмет» (Бехтерев 1904а). Знаменательно, что упомянутые события совпали с возникновением замысла организации научного, учебного и практического учреждения нового типа, которое Бехтерев назвал психоневрологическим (альтернативное название — психологический), что соответствовало его представлению об изучении мозга и психики в их единстве. Но институт, по замыслу Бехтерева, имел более широкую направленность и по существу был Институтом человека.

Этот момент исторической истины мы особо подчеркиваем, поскольку в настоящее время научное сообщество почти забыло о роли В. М. Бехтерева в становлении комплексного подхода и междисциплинарных комплексных исследований человека. Так, директор современного Института человека Российской академии наук Б. Г. Юдин в статье, посвященной десятилетию этого учреждения, ни словом не обмолвился о В. М. Бехтерева как первопроходце в этой области (Юдин 2001: 15-25). Дело представлено таким образом, что комплексные исследования человека начались только в 1970-1980-х годах. Особую роль при этом сыграл философ академик И. Т. Фролов, первый директор созданного в 1992 г. Института человека РАН. При всем уважении к Ивану Тимофеевичу Фролову и другим организаторам современного Института человека настойчиво укажем еще раз: Институт человека начинался на 90 лет раньше, и благодаря В. М. Бехтереву.

Обратимся к истории. Впервые идею Психоневрологического института В. М. Бехтерев обнародовал на заседании русского Общества нормальной и патологической психологии в мае 1903 г. Цель нового института, во-первых, всестороннее, объективное изучение человека, во-вторых, совершенствование способов практической работы с людьми — лечения, воспитания, перевоспитания, оздоровления образа жизни народа, в-третьих, распространение знаний о природе человека, его развитии и здоровье. Соответственно этим целям в институте предполагалось создать три отдела: научно-исследовательский, научно-практический (клинический), учебно-образовательный.

В 1904 г. В.М.Бехтерев вместе с А. Ф. Лазурским разработали Проект Устава, который был доложен Бехтеревым на заседании Общества нормальной и патологической психологии 13 апреля 1904 г.

(Бехтерев 1905а)¹⁴. Этот проект был доработан при участии психолога А. П. Нечаева, психиатров В. П. Осипова, М. С. Добротворского, юриста Д. А. Дриля и одобрен на заседании Общества 12 октября 1904 г., после чего представлен в Министерство Народного Просвещения. 9 июня 1907 г. он был «Высочайше утвержден» Николаем II. Эта дата может считаться днем рождения Психоневрологического института. 20 сентября 1907 г. на заседании Совета Психоневрологического института В. М. Бехтерев единогласно был избран Президентом, а затем утвержден в этой должности министром народного просвещения (Отчет 1910) (при этом Бехтерев оставался профессором Военно-медицинской академии).

Важным событием в жизни нового института стало открытие образовательных курсов, которое состоялось 3 февраля 1908 г. на торжественном акте в здании Петербургской городской Думы. Собравшиеся слушали яркую речь Президента института В. М. Бехтерева, которую он посвятил смыслу и задачам нового учебного заведения¹⁵. Он раскрыл содержание девиза института — «Познать человека и полюбить его», что подразумевало «познать человека в его высших проявлениях ума, чувства и воли, в его идеалах истины, добра, красоты, для того чтобы отделить вечное от бренного, доброе от дурного, изящное от грубого; познать дитя в его первых проявлениях привязанности к матери, к семье, чтобы дать ему все, чего жаждет его младенческая душа; познать юношу в его стремлениях к свету и правде, чтобы помочь ему в создании нравственных идеалов; познать сердце человека в его порывах любви, чтобы направить эту любовь на все человечество; познать обездоленного бедняка, толкаемого судьбою на путь преступления, чтобы предотвратить последнее путем проповеди, улучшения его быта и перевоспитания; познать и научить душевнобольного, что-

¹⁴ Проект Психоневрологического института перекликался с решением Международной Ассоциации Академий от января 1904 г. о необходимости создания в развитых странах институтов мозга, которые бы изучали мозг, собирали и хранили материалы о нем, оказывали помощь ученым в техническом оснащении исследований, содействовали в осуществлении совместных работ. По проекту Ассоциаций Академий задачи институтов концентрировались на морфологическом и физиологическом изучении мозга. Проект В. М. Бехтерева был гораздо шире, с истинно русским размахом, и предполагал изучение не только мозга, но и личности в целом.

¹⁵ На торжественном открытии института выступили также В.А. Вагнер с докладом «Задачи сравнительной психологии», Е. В. де Роберти — «Основные проблемы социологии», М. М. Ковалевский - «Сравнительная история учреждений и ее задачи» (Отчет 1910).

бы облегчить его страдания и где можно, излечить...» (Бехтерев 1908: 15-16).

Добавим к этому фрагменту то, что говорил об институте В. М. Бехтерев на I съезде по педагогической психологии в 1906 г.: «Психоневрологический институт должен будет явиться научным центром учения о личности как основы всякого воспитания и направления ненормальных уклонений личности... Для государства и общества кроме профессиональных деятелей нужны еще лица, которые понимали бы, *что такое человек*, как и по каким законам развивается его психика, как ее оберечь от ненормальных уклонений в этом развитии, как *лучше использовать школьный возраст* человека для его образования, как *лучше воспитать* его *воспитание*, как *следует ограждать сложившуюся личность от упадка интеллекта и нравственности*, какими мерами следует *предупредить вырождение* населения, какими общественными установлениями надлежит поддерживать *самодетельность* личности, устраняя развитие пагубной в общественном смысле пассивности, какими способами государство должно оберегать и гарантировать права личности, в чем должны заключаться *разумные меры борьбы с преступностью* в населении, *какое значение имеют идеалы* в обществе, как и по каким законам развивается массовое движение умов и т.п.» (цит. по: (Бехтерев 1921a: 437-438)).

Суть института была шире, чем его название, по замыслу Бехтерева и его сподвижников, это был именно Институт человека. В его структуре были представлены различные научные дисциплины, ориентированные на запросы науки и общественной жизни России. Действительно, институт должен был заниматься проблемами, которые входили в компетенцию многих антропологических наук: психологии личности («познать человека в его высших проявлениях...»), возрастной психологии («познать дитя... познать юношу»), медицинской, педагогической, юридической психологии, а также педагогики, дефектологии, медицины, социологии, философии, юридической науки.

Антропологический и гуманистический характер института проявился в этих целевых установках, а также во всем облике нового учреждения. В Отчете института за первый, 1908 г., подчеркивалось: «Институт кладет в основу своей деятельности *всестороннее изучение человека* и его духовных способностей в здоровом и болезненном состоянии.

Такое изучение имеет чрезвычайно важное значение не только

для психологии вообще, но и для учений о воспитании человека и о мерах борьбы с преступностью в населении» (курсив мой. — *Н. Л.*) (Отчет 1910: 279). Психологии наряду с неврологией отводилось центральное место в полидисциплинарном комплексе: «*Психология и неврология* по-прежнему должны быть основными научными дисциплинами Института. Изучение человека, его психики и мозга остается главной задачей Института» (курсив мой. — *Н. Л.*) (Там же: 278).

Обратимся к анализу организационной структуры института, которая, по нашему мнению, воплотила комплексный принцип, принятый Бехтеревым с самого начала его организации. В него входила психологическая лаборатория (организована в 1909 г., ею заведовал А. Ф. Лазурский), рефлексологическая лаборатория, руководимая В.М.Бехтеревым (организована в 1910 г.). Постепенно создавались другие лаборатории, которые не только вели исследовательскую работу, но и обеспечивали практические занятия по учебным курсам, читаемым в Психоневрологическом институте (Материалы, относящиеся к истории Психоневрологического института: Докладные записки, ходатайства). — Государственный исторический архив СПб. Ф.2265. Оп. 1. №892).

Научные исследования в сочетании с практической помощью пациентам проводили сотрудники научно-практического отдела института, в который входили Педологический институт (организован в 1907 г.), Криминологический институт (1909), Нервно-хирургическая клиника (1910), Экспериментально-клинический институт по изучению алкоголизма при Министерстве финансов (1911), Вспомогательная школа для нервных и слабоумных детей (1911), Клиника нервных и душевных болезней (1912). Психоневрологический институт получил тринадцать десятин земли от правительства на окраине Петербурга, за Невской заставой. Там специально для института был построен целый комплекс зданий, где и разместились эти и другие его подразделения.

С точки зрения реализации комплексного подхода особого внимания заслуживает деятельность Педологического института. На наш взгляд, программа объективной психологии Бехтерева была наиболее полно осуществлена именно здесь, при изучении детей раннего возраста, особенно первого года жизни. Бехтерев обратился к раннему детству потому, что этот возраст был плохо изучен и в этом возрасте принципиально неприемлем метод самонаблюдения и самоотчета, которым пользовалась субъективная психоло-

гия, а значит, единственным средством его изучения могли стать объективные методы. С другой стороны, именно в Педологическом институте наиболее удалось провести в жизнь комплексный и генетический подход к психике.

Мысль о специальном научном учреждении, где бы велось изучение развития детей от рождения до юношеского возраста, возникла у В. М. Бехтерева вместе с замыслом Психоневрологического института в 1903 г. (Поварнин 1919). 12 октября 1907 г. был основан Психолого-педологический (Педологический) институт как особое научное, воспитательное и клиническое учреждение¹⁶. Позже, в 1913 г., в Психоневрологическом институте была открыта первая в России кафедра возрастной психологии. Поначалу Педологическим институтом заведовал В. М. Бехтерев. В 1910 г. Совет Психоневрологического института утвердил Положение о Педологическом Институте, избрал его директором К.И.Поварнина, приват-доцента Военно-медицинской академии. При этом В.М.Бехтерев оставался почетным опекуном, непременным участником всех организационных и научных дел института.

Педология в трудах Бехтерева—комплексная наука о ребенке, его физическом и психическом развитии. Задачи Педологического института состояли во всестороннем изучении ребенка с первых дней его жизни, непрерывно до окончания воспитанниками интерната средней школы. Такая организация позволила впервые в мире применить лонгитюдный метод генетической психологии. В.М.Бехтерева заботило неудовлетворительное состояние дошкольной педагогики, неграмотность большинства родителей и

¹⁶ Как и Психоневрологический институт, Педологический был создан на частные пожертвования. В 1907 г. благотворитель В. Т. Зимин предложил В. М. Бехтереву 52 тыс. рублей на организацию учреждения по изучению «человека как предмета воспитания» (именно так было сформулировано пожелание Зимина, что соответствовало и устремлениям Бехтерева) (Поварнин 1919). При институте был интернат. В первое время в нем проживал лишь один ребенок, в 1911 г.— пять детей дошкольного возраста (Отчет 1912). В смете института на 1916 г. предусматривалось проживание шести детей. После Октябрьской революции, в 1918 г., В. М. Бехтерев намечал расширить интернат на 20, а в перспективе до 50 детей в возрасте от рождения до 10 лет, а лучше — до окончания школы (Материалы, относящиеся к истории Психоневрологического института: (Докладные записки, ходатайства). —Государственный исторический архив СПб. Ф.2265. Оп. 1. №892). Мы не нашли свидетельств о том, удалось ли развернуть эти планы на деле. По-видимому, тяжелые условия гражданской войны, а также реорганизация Психоневрологического института изменили планы Бехтерева.

нянь. Он стремился сделать научные разработки достоянием народа и, чтобы содействовать распространению Педагогических знаний, организовал при Педологическом институте специальные курсы для воспитателей и родителей. Предполагалось издавать популярные книги по педологии и педагогике для широкого читателя.

В исследовательском плане был поставлен вопрос о развитии детей раннего возраста под влиянием разнообразных факторов. Здесь применялись объективные методы, поскольку другие не годились — младенцы, естественно, не могли поведать о своем состоянии. Младенец был тем объектом, который убедительно демонстрировал ограниченность или несостоятельность самонаблюдения и самоанализа — основного метода субъективной психологии. Сотрудники института проводили непрерывные наблюдения за реакциями детей, а также простые естественные эксперименты. (В. М. Бехтерев отмечал, что метод естественного эксперимента сначала применялся в Педологическом институте, а потом был развит и обоснован А. Ф. Лазурским, за которым закрепилось авторство.)

Наряду с психологическими наблюдениями и экспериментами проводились анатомические, физиологические, гистологические, биохимические, гигиенические исследования (Поварнин 1916; 1919). Данные, собранные в одной и той же группе детей, могли далее сопоставляться между собой и с разнообразными факторами, влияющими на реакции организма и личность ребенка. Учитывались факторы питания, погоды, режима дня, а также прогулки на свежем воздухе, физические упражнения, педагогические воздействия, в результате сотрудники составляли полную характеристику физического статуса и психологический портрет изучаемого. О каждом воспитаннике велись подробные записи в дневниках физического и психического развития. Воспитание в интернате Педологического института сочетало рациональный режим дня, научно обоснованное питание и уход за детьми, использование специально подобранных или изготовленных по заказу ученых игрушек и пособий, занятия музыкой, пением, ручным трудом, физической культурой, общение с воспитателями и между детьми. Все это было направлено на подготовку «сильной духом и телом, гармонически развитой личности, в основе которой лежит сильная воля, являющаяся проводником сознательно усвоенного нравственного мирозерцания» (Поварнин 1919: 98).

Непрерывное изучение детей в сочетании с их воспитанием осуществлялось благодаря организации работы в институте. Персонал,

состоящий из врачей, педагогов, психологов и вспомогательных работников, круглосуточно находился при детях. Группы воспитанников по десять человек объединялись вокруг воспитателя наподобие семьи.

После Октябрьской революции изучение детей по программе Бехтерева было продолжено в Отделе развития в Институте мозга, созданного в 1918 г. (см. гл. 3)¹⁷. В 1931 г. этот отдел был переведен в Москву и стал подразделением Института педиатрии АМН СССР (Щелованов 1957). В результате многолетних комплексных исследований детей удалось составить возрастную картину развития человека в первые годы его жизни, подробно описать микроизменения, выявить индивидуальные различия в этом процессе. Особенностью этих результатов явилась их комплексность, поскольку сопоставлялись данные психологического, анатомического, физиологического, антропологического и биохимического исследований, которые легли в основу дошкольной педагогики и педиатрии.

Научно-исследовательская и научно-практическая деятельность Психоневрологического института сочеталась с широкой образовательной. Образовательный отдел замыслился Бехтеревым и его соратниками как высшее учебное заведение, которое давало бы знания о природе человека, особенно о его психике и тем самым дополняло бы образование врачей, педагогов, юристов, всех, кто непосредственно работает с людьми. В.М.Бехтерев сетовал на то, что в высшем образовании «сам человек остается как бы забытым» (Бехтерев 1908: 15). В новом же институте гуманизм был провозглашен основополагающим принципом: «На знамени Психоневрологического института должен быть начертан девиз не просто познать человека, но и полюбить в нем все человеческое и уважать в нем права человеческой личности» (Там же: 16). Соответственно такой направленности нового вуза были составлены его программа и учебный план. В основу последнего положена психология и смежные с ней дисциплины. В институте были открыты первые в стране самостоятельные кафедры психологии — общей и эксперименталь-

¹⁷ В начале 1920-х годов в системе Психоневрологического института были образованы новые учреждения для изучения детей в процессе их воспитания, это ДОБИ — Детский обследовательский институт для изучения одаренности учащихся; Центрально-вспомогательная школа для дефективных детей с детским садом и интернатом; Институт морального воспитания с интернатом для изучения детей с асоциальным поведением, Воспитательно-клинический институт с психологическим и лечебным кабинетом для нервноболезных детей с интернатом на 100 человек.

ной, а также сравнительной. В 1913 г. здесь была открыта первая в России кафедра детской психологии.

В первый год существования образовательных курсов (образовательный отдел Психоневрологического института) наряду с педагогической, криминологической и психиатрической действовала психологическая секция. Таким образом, начало высшего психологического образования в России связано с именем В. М. Бехтерева и деятельностью Психоневрологического института. В 1909 г. комиссия под руководством А. Ф. Лазурского разработала новый учебный план, психологическая секция слилась с педагогической, в которой немного позднее образовали два отделения — естественно-историческое и словесно-историческое (Отчет 1910а). В 1911 г. вместо психиатрического был организован медицинский факультет с шестилетним сроком обучения. Криминологический факультет преобразован в юридический. Структура института приняла более традиционный вид, но сохранила и свои особенности.

Отличительной особенностью организации обучения в Психоневрологическом институте было наличие так называемого основного факультета, на котором учились все студенты первых двух курсов. Этот факультет давал всестороннюю обитую подготовку, после которой студенты уже более осознанно избирали специализацию и продолжали учебу на одном из трех названных выше факультетов. Декан основного факультета А. Ф. Лазурский характеризовал его так: он «преследует свои собственные задачи и должен обнимать совокупность наук, дополняющих общее образование, причем центральное положение среди них занимают науки о человеке» (Отчет о деятельности Психоневрологического института с 1908 по 1918 г. — Центральный государственный архив СПб. Ф.2555. Он. 1. №1. С.3)¹⁸.

Программу и учебные планы подготовила комиссия в составе зоопсихолога В. А. Вагнера, психопатолога А. В. Гервера, невропатолога С. К. Го геля, философа С. О. Грузенберга, криминолога Д. А. Дриля, социолога М. М. Ковалевского, историка Н. И. Кареева, психолога А. Ф. Лазурского и др. (Отчет о деятельности Психоневрологического института с 1908 по 1918 г.— Там же. Ф.2555. Оп. 1. № 1). Особенно много сделал для организации образования в

¹⁸ Деканом основного факультета был А. Ф. Лазурский, естественно-исторического отделения педагогического факультета — В.А.Вагнер, словесно-исторического — Н. И. Кареев, медицинского факультета — В. М. Бехтерев, юридического — М. М. Ковалевский.

Психоневрологическом институте А. Ф. Лазурский, ближайший сотрудник В. М. Бехтерева.

В Уставе Психоневрологического института 1907 г. в учебном плане были представлены 48 дисциплин, большая часть которых принадлежит к естественнонаучным (27 из 48) (Устав 1907). Психологические дисциплины (или разделы их) занимали второе место (12 из 48, а если учесть психологию, включенную в другие предметы, то 16, т.е. 1/3). Причем психология входила как в гуманитарные, так и в естественнонаучные циклы, помимо того что существовал самостоятельный психологический курс. Как можно убедиться, психология занимала ключевое место в учебном плане института¹⁹, что подчеркнуто в его характеристике для привлечения абитуриентов. На обложке брошюры В. М. Бехтерева «Задачи и метод объективной психологии» читаем: «Главной задачей Института является научная и всесторонняя разработка *общей и экспериментальной психологии*, психиатрии, учения о нервной системе в ее нормальном и болезненном состоянии, учения о гипнозе и внушении, *педагогической и общей психологии*, общей социологии, криминальной антропологии с *психологией преступления*, а также философских наук, *имеющих тесное соприкосновение с психологией человека*» (курсив мой. — Н. Л.) (Бехтерев 1909).

Вскоре, правда, структура учебного плана и программа нового вуза изменилась в сторону повышения удельного веса специальных дисциплин, соответствующих профилю факультетов — медицинского, педагогического и юридического. Руководство института, как уже отмечалось, упразднило самостоятельную психологическую секцию (по-видимому, причина была в отсутствии в то время такой специальности и соответствующих мест работы после окончания института). Тем не менее психологические дисциплины оставались обязательными для слушателей каждого факультета. Институт готовил педагогов, юристов, врачей не только как специалистов в своей избранной области, но и как антропологов в широком смысле слова — специалистов по проблемам человека.

Антропологическая направленность содержания образования Психоневрологического института сочеталась с гуманистическим

¹⁹ О доминировании психологических дисциплин в учебном плане и программе Психоневрологического института косвенно свидетельствует «Записка» проф. В. А. Вагнера против приоритетного положения психологии, что, по его мнению, мешает изучать в полном объеме специальные предметы (Вагнер [б. г.]).

характером учебно-воспитательного процесса в нем, во всем образе его жизни. До принятия и утверждения второго Устава в 1916 г. этот институт не мог давать своим выпускникам прав, которыми пользовались выпускники государственных учебных заведений²⁰. Тем не менее он привлекал молодых людей со всех концов России, благодаря бесцензовому приему в число слушателей, замечательному преподавательскому составу и демократическим внутренним порядкам²¹. В Психоневрологический институт могли поступать все желающие независимо от национальности, вероисповедания и сословия, имеющие высшее образование, в том числе окончившие заграничные университеты, выпускники гимназий или других учебных заведений. Широкий доступ в институт имели женщины, в некоторые годы их было принято больше, чем мужчин. Так, в 1908 г. на первый курс поступили 421 человек, из них 313 женщин и 108 мужчин (Отчет 1910). В лучшие времена института численность студентов в нем превышала 7000 человек.

В Психоневрологическом институте развивалось студенческое самоуправление. Наряду с Советом института во главе с Президентом В. М. Бехтеревым действовали Совет студенческих представителей и Общестуденческое собрание, студенческие землячества, кружки по интересам (педагогический, психологический, любителей литературы, физического воспитания и др.). Издавались «Листок студентов-психоневрологов» и сборник «Отклики нашей жизни» (Справочная книжка 1912). Студенчество Психоневрологического института гордилось его независимым статусом и отстаивало его. Так, 16 октября 1912 г. Общестуденческое собрание выступило против наделения института правами государственного (казенно-

²⁰ В 1916 г. после продолжительных хлопот В. М. Бехтерева и других ученых Министерство Народного Просвещения утвердило новый Устав, согласно которому учебные курсы (факультеты) Психоневрологического института были признаны высшим учебным заведением с правом высших правительственных учебных заведений и были названы «Частным Петроградским Университетом, утвержденным Психоневрологическим институтом» (Отчет о деятельности Психоневрологического института с 1908 по 1918 г. — Центральный государственный архив СПб. Ф. 2555. Оп. 1. №1; Устав, 1916).

²¹ Вот характерное мнение молодого Питирима Сорокина, поступившего в 1909 г. в Психоневрологический институт: «Вернувшись в столицу, я решил, после некоторых колебаний, поступить не в Санкт-Петербургский университет, а в недавно открытый Психоневрологический институт. Программа обучения в нем казалась мне более гибкой, чем в университете, при том что профессорско-преподавательский состав в институте был не хуже. Помимо прочего с мировой известностью — М. М. Ковалевский и Е. де Роберти...» (Сорокин 1991: 53-54).

го вуза) ценой, как студенты выразились, «искажения физиономии института», т. е. потери его независимости и демократичности внутренней жизни (Листок студентов 1912: 10).

Психоневрологический институт отличался своими оппозиционными настроениями и вольнолюбием, большой общественной активностью студентов, демократическими умонастроениями профессоров и преподавателей. В официальном документе 1914 г., адресованном Николаю II за подписью Председателя Совета Министров, говорилось: «Состав профессоров и преподавателей института, всего в числе свыше 150 человек, отличается совершенно определенным противоправительственным направлением... не было ни одного политического события, на котором слушатели и слушательницы не реагировали бы в революционном направлении. Вместе с тем и управление института неизменно обнаруживало полную неспособность или явное нежелание прекращать или предупреждать подобного рода выступления. В частности, постановлению Совета Министров 3 января 1911 г. о временном запрещении студенческих собраний не подчинилось только одно правление Психоневрологического института» (О состоящем в ведении Министерства Народного просвещения Психоневрологическом институте. — Государственный исторический архив СПб. Ф. 2265. Оп. 1. №906). Там же говорилось, что Совет Министров предпочел бы закрыть Психоневрологический институт, оставив его научный и научно-практический отделы, но этот акт был бы воспринят отрицательно из-за популярности института. Все же приказ о закрытии института был издан в 1917 г., за три дня до начала Февральской революции. Он поступил в Институт как раз первого марта — в день отречения от престола Николая Второго. Никто, разумеется, этот приказ царского правительства не исполнил, и Институт продолжил свою деятельность.

Добрую славу Психоневрологическому институту принесли его профессоры и преподаватели, без преувеличения можно сказать, что здесь работали лучшие силы в области человекознания. Не могу удержаться, чтобы не привести имена членов Совета Психоневрологического института 1911/12 учебного года, каждое из которых вписано в страницы истории русской науки и культуры: филолог А. Бодуэн де Куртенэ, зоопсихолог В. А. Вагнер, физиолог Н. Е. Введенский, патопсихолог А. В. Гервер, юрист-криминалог М. А. Гернет, дефектолог А. С. Грибоедов, философ С. О. Грузенберг, филолог, поэт Вяч. И. Иванов, педагог П. Ф. Каптерев, историк Н. И. Кареев, психолог А. А. Крогиус, психолог А. Ф. Лазур-

ский, философ Н.О.Лосский, невропатолог В.М. Нарбут, литературовед Д. Ф. Овсяннико-Куликовский, врач-гинеколог Д. О.Отт, литературовед Н. К. Пиксанов, детский психолог К. И. Поварнин, философ Э.Л.Радлов, юрист М.А. Рейснер, социолог Е. В. де Роберти, историк Е.В.Гарле, физиолог А.А.Ухтомский, философ С.Л.Франк, гигиенист Г. В.Хлопин, филолог Л. В.Щерба. В Институте в разные годы работали литературовед С. А. Венгеров, юрист и социолог М. М. Ковалевский, педагог П. Ф. Лесафт, социолог П. А. Сорокин и другие известные русские ученые (Справочная книжка 1912). Не все они были сторонниками объективной психологии В. М. Бехтерева, но интерес к человеку объединил их под эгидой бехтеревского Психоневрологического института.

Психоневрологический институт играл заметную роль в культурной жизни Санкт-Петербурга. Почетными его членами были Л. Н. Толстой, И. Е. Репин, И. И. Мечников, директор Психологического института в Париже Ж.-А. д'Арсонваль, сам В. М. Бехтерев. При институте в 1917 г. был открыт Университет для народа, в котором выступали М. Горький, А. Ф. Кони, И. Е. Репин.

После Октябрьской революции в 1918 г. Психоневрологический институт был принят на государственное финансирование и просуществовал до 1921 г., после чего был преобразован в Психоневрологическую академию²². За годы своего существования он подготовил несколько тысяч специалистов. Здесь получили образование известные психологи М. Я. Басов, В. Н. Мясищев, А. В. Ярмоленко, писательница Л. М. Рейснер, журналист М. Е. Кольцов. Психологам следует помнить, что психологическое образование в России-СССР началось в Психоневрологическом институте, поскольку в нем действовал, правда, недолго психологический факультет («секция»).

В лабораториях и других подразделениях института проводилась исследовательская и научно-практическая работа по многим

²² В мае 1918 г. Психоневрологический институт с университетом при нем был признан государственным учреждением. Позже учебный отдел Института выделился из его состава и стал называться вторым Петроградским университетом. В 1919 г. педагогический и юридический факультеты Психоневрологического института слились с Первым и Третьим Петроградским университетом в единый Петроградский университет. Медицинский факультет был преобразован в самостоятельный вуз — Государственный институт медицинских знаний (ГИМЗ). Образованное в 1915 г. химико-фармацевтическое отделение также стало самостоятельным учебным заведением — фармацевтическим институтом (Отчет о деятельности Психоневрологического института с 1908 по 1918 г. — Центральный государственный архив СПб. Ф.2555. Оп. 1. №1).

направлениям. Здесь А. Ф. Лазурский создал свое учение о личности и разработал метод естественного эксперимента. В Педологическом институте В.М.Бехтеревым и его сотрудниками К.И. Поварниним, Н. М. Щеловановым, Н.Л. Фигуриним, М. П. Денисовой, А. М. Лукиной, В. Н. Доброхотовой и другими проводились новаторские исследования по детской психологии и педологии как комплексной науке о детстве, был применен лонгитюдный метод, разработаны практические рекомендации для педиатрии и педагогики дошкольного воспитания, методы лечения нервной системы и психики — нейрохирургия мозга, физиотерапия, трудотерапия, внушение и гипноз. В Психоневрологическом институте были заложены основы отечественной социальной и юридической психологии, социологии и криминологии. По широте подхода к изучению человека Психоневрологический институт не имел себе равных в России и в мире.

Принцип комплексности воплощался здесь в целевой установке, в структуре и деятельности института. Однако за исключением Педологического института этот принцип не стал еще основой для коллективных исследований, особым образом организованных. Не было комплексных рабочих планов, предусматривающих координацию разных направлений и последующий синтез данных, не было и монографий, обобщающих комплексные исследования человека.

Важно, что комплексность в работе Института во многом обеспечивалась лично В.М.Бехтеревым, который своими разносторонними научными исследованиями, практическим трудом врача, педагога, организатора объединял многочисленные подразделения института. Он же предпринял попытку теоретического синтеза знаний о человеке и его поведении в рефлексологии. Рефлексология, объективная психология, призвана стать главным связующим звеном между дисциплинами антропологического комплекса. Как справедливо указывал Б. Г. Ананьев, «в психологических воззрениях и исследованиях В.М.Бехтерева как бы замкнулась цепь комплексного изучения мозга, целостного познания его деятельности. Через психологию Бехтерев соединил медицину и педагогику, поставив естествознание на службу формирования личности человека» (Ананьев 1959: 176).

История дореволюционного этапа научной деятельности В. М. Бехтерева и его Психоневрологического института доказывает приоритет В. М. Бехтерева в науке о человеке и его невропсихике. В самом начале XX в. этот великий ученый проложил курс на

комплексное изучение человека. Психология, неразрывно связанная с науками о мозге, выступала центральным, связующим звеном в комплексе человекознания. Комплексные исследования проводились в связи с практической педагогикой, психиатрией, практикой государственного управления, борьбой с преступностью. Таким образом, все основные черты комплексного подхода и исследований человека — многосторонность, междисциплинарность, ориентация на практические приложения к целостным объектам практической деятельности были намечены В. М. Бехтеревым.

Исследования в Психоневрологическом институте можно квалифицировать как *суммативно-комплексные*. Бехтереву удалось организационно объединить различных специалистов и наладить экспериментальное изучение разных аспектов деятельности мозга и природы человека в целом. Но связи между отдельными дисциплинами имели скорее потенциальный, чем актуальный характер. Недостаточно было объединить специалистов в разных лабораториях и даже дать общую целевую установку, воспитать единомышленников. Необходимо было найти дополнительные организационные средства комплексирования исследований и построить адекватную сложному объекту комплексных исследований теоретическую модель, которая бы стала фактическим регулятором коллективных исследований и основой обобщения их разнородных результатов.

Глава 3

КОМПЛЕКСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ИНСТИТУТЕ ПО ИЗУЧЕНИЮ МОЗГА

ОРГАНИЗАЦИЯ ИНСТИТУТА ПО ИЗУЧЕНИЮ МОЗГА И ПСИХИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Следующий этап реализации комплексного подхода в школе В. М. Бехтерева приходится на первое десятилетие Советской власти. Октябрьская революция дала новый мощный импульс общественной и деловой активности В.М.Бехтерева. В.М.Бехтерев с энтузиазмом встретил Октябрьскую революцию и со свойственной ему кипучей энергией включился в обновление общества и страны, будучи убежден в том, что «...на переломе истории нельзя стоять на перепутье и ждать, нужна воля к действию, к строительству и созидательной работе» (Бехтерев 1919: 50). В.М.Бехтерев и некоторые другие деятели науки искренне поверили в революцию и изъявили желание сотрудничать с большевиками в деле создания небывалого, лучшего, как мечталось, общества. Он много сделал для становления советской науки как в теоретическом, исследовательском, так и в организационном отношении. Его научно-организационная деятельность по созданию новых лабораторий и институтов в области человекознания сочеталась с интенсивной теоретической работой над основами рефлексологии.

Любому делу, которое затевал Бехтерев, он придавал большой смысл и государственный масштаб. О нем писали: «Этот универсализм, этот колоссальный размах и необъятная ширина подхода, вместе с изумительной чуткостью к запросам современности и большими организационными и общественными задатками, являются наиболее характерными особенностями деятельности Владимира Михайловича» (Памяти Владимира Михайловича Бехтерева

1929: 11). Это так, и научная биография ученого свидетельствует о невероятной плодотворности его жизненного пути. Вдумайтесь, после окончания Военно-медицинской академии, за 46 лет работы В. М. Бехтерев написал более 700 статей и книг (в том числе выдающийся, гигантский труд «Проводящие пути головного и спинного мозга»), создал стройную теорию объективной психологии, организовал 32 научных, научно-практических и учебных заведения, основал 10 научных и научно-популярных журналов (Владимир Михайлович 1926: 420). Он выступил с несметным количеством научных докладов и популярных лекций, лично лечил больных (оперировал тоже), занимался воспитанием беспризорников, увлекался гипнозом, вместе с известным артистом Л. Дуровым применял внушение к животным, писал стихи и драмы¹. Уже в пожилом возрасте женился во второй раз. В 1922 г. с научными целями поднялся на воздушном шаре. Бехтерева называли богатырем русской науки. Думая о нем, начинаешь верить, что в принципе человек за свою сравнительно короткую жизнь может все успеть, все испытать и сполна насладиться жизнью.

Бехтерев был молод в свои шестьдесят и семьдесят лет, полон сил и замыслов. К тому периоду относятся яркие и точные портреты и характеристики, данные ему сотрудниками и учениками. «Человек несколько ниже среднего роста, крепкого сложения, несколько склонный к полноте; длинные обильные седоватые волосы головы и борода обрамляли резкие черты лица; остро смотрящие глаза, живая игра мимики, почти всегда бодрое настроение придавали его внешности вид импонирующий своим высоким интеллектом. Ум трезвый, реальный, чуткий и восприимчивый к действительности. Он обладал редким даром наблюдательности и критическим темпераментом. Эта наблюдательность в первую очередь сказывалась в его научной деятельности; обнаруживая одаренность в различных направлениях, интересовался многими вопросами, охотно дискутировал на разные научные темы.

Одно из наиболее ценных его достоинств — это умение быстро ориентироваться в самых различных вопросах, схватывать самое существенное, делать широкие и ценные обобщения. Однако он обнаруживал большой интерес не только в отношении науки, но и к социальным и политическим вопросам.

Он проявлял большую инициативу, активность, предприимчи-

¹Сохранилась рукопись его пьесы «Назаре революции» (Баталов 1969).

вость. Его активность и энергия были примерны, и он стяжал себе много успеха и почестей; он был всегда молод, горел юношеским пылом и верил в будущее. Он был логическим мыслителем и выражался точно и логически, говорил деловито и ясно, не обнаруживая собственно ораторского таланта. Обладал он прекрасной памятью. Музыка и художеству он был чужд, писал, однако, стихи и обладал литературным дарованием» (Пинес 1934: 49).

«В его манере излагать нет цветистости, претенциозности блестящего оратора... Необыкновенно мягкий, внимательный и обаятельный, Бехтерев никогда не дает чувствовать своего неизмеримого превосходства» (Можайский, 1925). «Необычайно трудоспособный, энергичный, инициативный, страстно любивший науку и посвятивший ей всю свою жизнь, Владимир Михайлович заражал этими качествами окружающих, являясь для них живым примером. Он для каждого, кто к нему обращался, умел найти тему для научной работы и умел заставить работать... В течение всей своей жизни В. М. Бехтерев был искателем нового в науке. "Жадность" к науке была характерной чертой его личности. Крупнейший научно-общественный деятель и большой патриот, он был неразрывно связан с жизнью и интересами своей страны, своего народа» (Осипов 1947: 17, 90).

В научной литературе особо отмечено, что В. М. Бехтерев был одним из тех, кто искал союза с марксизмом. Как вспоминает участник теоретических дискуссий двадцатых годов А. А. Смирнов, «важную положительную роль в становлении молодой марксистской психологии... играли выступления В.М.Бехтерева» (Смирнов 1978: 25). По оценке Б. Г. Ананьева, в период перестройки психологической и других наук на основах марксизма «у сторонников революции и материализма... не было другого революционного оружия в борьбе против остатков идеалистической субъективной психологии, кроме рефлексологии Бехтерева, возникшей именно в этой борьбе еще в дореволюционные годы» (Ананьев 1959: 182).

После революции в науке в целом и в психологии в частности происходили бурные процессы обновления. Подводя итоги первого советского десятилетия в психологии, К. Н. Корнилов писал: «Психология за эти истекшие десять, вернее, даже пять лет пережила колоссальнейшее идеологическое движение. Такого обилия выброшенных на общественный рынок идей, часто противоречивых, может быть, и ошибочных, даже ненужных, мы не наблюдали никогда еще в истории русской психологии» (Корнилов 1927: 215).

Процесс идеологической перестройки науки длился несколько лет, пройдя этапы борьбы с идеализмом (1917-1924) и так называемым механизмом (1925-1931). Этот период совпал с грандиозными переменами в стране и событиями гражданской войны, НЭПа, начала индустриализации и коллективизации. Кампания по «марксизации» науки была направлена на унификацию ее идейных оснований путем насильственного устранения разнообразия научных течений. Марксизм-ленинизм внедряли в научную среду административными, вплоть до репрессивных, средствами. В 1922-1923 гг. по указанию Ленина большая группа русских ученых, интеллигентов, явно не готовых «перековаться» в марксистов, была выслана из страны, в том числе некоторые бывшие преподаватели Психоневрологического института Н.О.Лосский, П.А.Сорокин, С.Л.Франк. Об этом событии есть исторические исследования и публикации, например (Макаров, Христофоров 2003).

В то же время В. М. Бехтерев пытался соотнести свою рефлексологическую теорию с философией марксизма и находил определенную их общность и даже родственность (Бехтерев 1925; Бехтерев, Дубровский 1926). Он выступал с полезными практически инициативами по организации просвещения народа, борьбы с беспризорностью детей, профотбора, обучения работников и т.д. В.М.Бехтерев был признан руководством страны и получал поддержку в своих начинаниях. На Всесоюзном съезде по психоневрологии в 1924 г. прозвучали высокие оценки рефлексологии: «Революционной советской современности с научной рефлексологией, в общем и целом, — по пути» (Новое в рефлексологии 1925: VII). Но уже в середине двадцатых годов Бехтерев попал под огонь критики как «механист», а после его смерти рефлексология была отброшена как «ложное и вредное учение», «враждебное марксизму».

Но это позже, а в мае 1918 г. В. М. Бехтерев обратился к советскому правительству с проектом Института по изучению мозга и психической деятельности и нашел понимание и поддержку². Положительное заключение относительно целесообразности открытия нового института дали видные русские ученые, в том числе Г. И. Челпанов. В его письме сказано: «...учреждение подобного Института в России весьма желательно, так как Институт может иметь огромное научное и практическое педагогическое значение.

² Проект создания Института мозга в системе Психоневрологического института возник еще в 1916 г., был передан царскому правительству, но до его реализации дело тогда не дошло.

Можно быть уверенным, что в руках такого всемирно известного исследователя, как академик Бехтерев, деятельность Института будет вполне успешна» (Письмо-ответ Г. И. Челпанова от 5 июня 1918 г. в научный отдел Народного Комиссариата по просвещению. — Центральный государственный архив СПб. Ф. 2555. Оп. 1. №48).

Постановлением Государственной Комиссии по Просвещению от 17 мая 1918 г. Институт был признан государственным учреждением. Ему предоставили бывший дворец Великого князя Николая Николаевича Романова, на Петровской набережной, д. 2. В настоящее время в этом великолепном обновленном дворце размещается Аппарат Представителя Президента России в Северо-Западном округе³.

В Пояснительной записке В. М. Бехтерева, направленной в Государственную комиссию по Просвещению, Институт мозга характеризуется как новый этап развития Психоневрологического института. Создание нового учреждения должно было, по мысли Бехтерева, служить активизации и концентрации исследований мозга и психики, что имело бы большое значение для педагогической, медицинской и юридической практики. Как и Психоневрологический институт, Институт по изучению мозга и психической деятельности имел целью *«всестороннее изучение психики вообще, в частности разнообразных проявлений психической деятельности человека, его психического развития и патологических уклонений в психической деятельности, а также разработку весьма важных в общественном смысле вопросов научно-практического характера, стоящих в тесной связи с общественной психологией, педагогической психологией, профессиональной психологией, умственной гигиеной, криминальной антропологией, вопросами о гипнозе и внушении, о вырождении и, наконец, лечении душевных и нервных болезней»* (курсив мой. — Н.Л.) (Материалы Института по изучению мозга и психической деятельности, которые были представлены Гос. комиссии по Просвещению 10 июня 1918 г. — Там же). Как

³В июне 1984 г. мне удалось побеседовать со старой сотрудницей Института мозга Л. Ю. Богомаз. Она вспоминала об институте и его сотрудниках, в частности о том, что Музей мозга (Пантеон) находился в бывшей столовой Великого князя, а танц-зал превратился в конференц-зал, рядом с музеем нервной системы находился кабинет Бехтерева. В примыкающем к дворцу жилом здании жили некоторые сотрудники и аспиранты Института мозга. В наши дни дворец перестроен и переоборудован. И вряд ли в нем можно найти следы бехтеревского института.

видно из приведенного фрагмента, новый институт замышлялся в виде комплексного учреждения с явным преобладанием психологических направлений исследований в его программе

В первом, временном, Уставе Института мозга и психической деятельности (действовал до 1922 г.) говорилось, что он является государственным ученым и высшим научно-практическим учреждением, состоящим в ведении Народного комиссариата просвещения. Новый институт стал ядром научного и научно-практического отделов Психоневрологического института, а затем вошел в состав Психоневрологической академии⁴. Он подхватил эстафету комплексных исследований, начатых Бехтеревым до революции.

Как указывал сам В. М. Бехтерев, «основной задачей Института является 1) *всестороннее изучение личности*, ее развития и деятельности как в форме нормальных, так и в форме патологических проявлений; 2) выяснение и разработка способов а) воспитания, б) организации труда и в) охраны личности трудящихся в целях достижения ценных в культурном и общественном отношении результатов; 3) распространение соответствующих знаний» (курсив мой. - Я. Л.) (Бехтерев 1921а: 442).

Как и в Психоневрологическом институте, принцип комплексности в Институте мозга воплотился прежде всего в его структуре. Однако здесь степень связи между структурными единицами была выше, поскольку они буквально находились под одной крышей, и сотрудничество специалистов из разных отделов специально было организовано. По плану 1918 г. в институте предусматривались три научно-исследовательских отдела — 1) мозга, 2) рефлексологии и экспериментальной психологии, 3) прикладной рефлексологии и психологии. Были также организованы научно-практические отделы труда и воспитания.

По проекту Бехтерева отдел мозга должен был включать подотделы анатомии, физиологии и биохимии мозга. В отделе рефлексологии предусматривались подотделы рефлексологии, экспериментальной психологии, индивидуальной рефлексологии и психологии,

⁴В состав Академии входили Патолого-рефлексологический институт, Детский обследовательский институт им. А. С. Грибоедова (заметим, это не писатель, а дефектолог), Отофонетический институт, Институт социального воспитания, Вспомогательно-клинический институт им. акад. В. М. Бехтерева (позднее Психоневрологическая школа-санаторий для беспризорных), Институт глухонемых, Центральная вспомогательная школа, Педагогическими институт (позднее Педагогическое отделение Института мозга) и другие (Осипов 1947 и др. источники).

коллективной рефлексологии и психологии, сравнительной психологии народов, зоорефлексологии. Наконец, в прикладном отделе планировались подотделы педагогической рефлексологии и психологии с учением об одаренности, подотделы патологической рефлексологии и психологии с вопросами воспитания умственно и нравственно дефективных детей, школьной, умственной и нервной гигиены, профессиональной рефлексологии и психологии, а также гипноза и внушения. Планировались лаборатории анатомии, физиологии и биохимии, а также ряд лабораторий по рефлексологии — общей, экспериментальной и прикладной. По первоначальному, самому крупномасштабному, плану Бехтерева в институте предполагалось создать музеи при всех отделах, амбулаторию для лечения гипнозом, лабораторию профессиональной психологии и библиотеку (Институт 1919).

Организаторской фантазии Бехтерева не было предела. В отчете института за 1919 г. (Там же 1919) говорилось, что Отдел воспитания приступил к организации во дворце Сакен-Альтенбургских на Каменном острове Художественного детского дома, где будут размещены Музей психологии детского творчества, Детская опера и Детские концерты, Художественные детские чтения, другие отделы, в которых будут представлены как произведения творчества детей, так и взрослых для детей (игрушки, детская литература и прочее). Таким образом, предполагалось развернуть научно-практическую работу по эстетическому воспитанию. В бурные, революционные годы в России подобных начинаний было много, как никогда.

Планы Бехтерева соответствовали духу времени и характеру ученого. Далеко не все из первоначального замысла удалось осуществить в полном объеме. Замысел требовал больших ресурсов, которых науке всегда не хватало и не хватает. Структура и деятельность института менялись неоднократно, и по внешним идеологическим, политическим причинам и по логике развития, по мере становления других научных учреждений в стране, взявших на себя часть задач, которые первоначально предписывались Институту мозга.

Несмотря на разруху, голод, холод, нехватку оборудования и всех прочих ресурсов, малочисленность кадрового состава (в первый год его существования в нем работали всего семнадцать научных сотрудников, включая В.М.Бехтерева), Институт с первых дней развернул исследовательскую работу. Большинство его под-

разделений занималось психологическими проблемами, причем их круг был довольно широк: с одной стороны, он замыкался зоо-рефлексологией, а с другой — психологией народов. Институт должен был изучать не только строение и физиологию мозга, но и поведение в различных социальных условиях.

В. М. Бехтерев придавал принципиальное значение генетическому подходу как в плане изучения индивидуального развития человека, так и в плане филогенеза (отсюда неизменное участие зоопсихологии в комплексном исследовании). По отчетам института можно понять, что в его Педологическом, «Младенческом» отделе продолжались исследования, аналогичные тем, что были в Педологическом институте в 1910-х годах. В 1925 г. проводились наблюдения за восемью воспитанниками в возрасте до одного года. Раз в неделю они подвергались непрерывному круглосуточному наблюдению с регистрацией всех видимых реакций через каждые десять секунд. Эти записи сравнивались с протоколами аналогичного наблюдения за поведением детенышей животных. Таким образом, был предвосхищен метод сравнительного изучения человека и животного, который впоследствии был применен в 1930-х годах крупным зоопсихологом Н. Н. Ладыгиной-Коте, а в послевоенные годы Н. А. Тих.

Характер и объем реакций детей в обычных условиях их жизни сопоставлялся с данными гистологии коры головного мозга, антропометрии, биохимии крови, т. е. с объективными показателями функционирования и структуры мозга и организма (Отчет о деятельности Государственного рефлексологического Института по изучению мозга за 1924/25 год. — Центральный государственный архив СПб. Ф.2555. Оп. 1. №782). В отчетных документах не раз отмечалось, что именно в Педологическом отделе развита коллективная работа, где она стала «почти единственно возможной формой исследования в силу сложности изучаемых объектов и применяемых методов исследования» (Отчет Института мозга за 1923-24 гг. — Государственный исторический архив СПб. Ф.2265. Оп. 1. №973).

Мы специально отмечаем моменты коллективности, потому что они обязательны для комплексных исследований, являются их организационными атрибутами. В начале 1920-х годов объединение сотрудников нескольких лабораторий имело место в деятельности прикладных отделов труда и воспитания. Еще в сентябре 1918 г. в институте была организована Комиссия по обслед-

дованию труда, состоявшая из представителей отделов рефлексологии, экспериментальной психологии, коллективной рефлексологии, педагогической психологии, нервной, умственной гигиены, биохимии (*Кашкадамов В. П.* Итоги 5-летней деятельности Института по изучению мозга и психической деятельности. — Архив РАН (СПб.). Ф.805. Оп. 1. №90/1923/; Институт 1919). В том же 1918 г. начала действовать институтская лаборатория по обследованию труда на Точном машиностроительном заводе (где работали Н. М. Добротворский, А. О. Петров, Г. Е. Шумков).

Шла гражданская война, а неугомонный В.М.Бехтерев ходатайствовал перед правительством о создании Института труда. Из-за недостатка средств и сил этот замысел Бехтерева тогда не был воплощен в жизнь. Вместо Института труда в Институте мозга был, как уже говорилось, отдел труда, а в 1927 г. выделилось профессиональное консультационное бюро с целью изучения профессий и рынка труда, экспертизы профессиональной пригодности, формирования профессиональной направленности подростков и т. д. О масштабах деятельности бюро свидетельствует тот факт, что уже в первый год его существования было обследовано 5563 человека (Кларк, Кушинников, Билибин 1928)⁵.

Какие исследования выполнялись в самые первые годы существования Института мозга? Какие достигнуты результаты? Каким образом осуществлялся принцип комплексного подхода в человекознании? Судя по отчетам, тематика их была весьма разнообразной. Результаты первого периода жизни Института отражены не только в отчетах, но и в многочисленных публикациях⁶, в журналах «Вопросы изучения и воспитания личности», «Вестник знания», «Новое в рефлексологии и физиологии нервной системы» и других. В отчете за период с июля 1919 по январь 1921 г. ука-

⁵ В кратком отчете о первом годе работы бюро сообщаются интересные подробности его деятельности. Психотехники использовали тесты на общее умственное развитие, двигательную сферу, чувствительность анализаторов, изучали житейскую осведомленность тогдашних подростков и убедились в ее низком уровне. Например, измерения показали умственный коэффициент комсомольских работников: у областных комитетчиков — 8,6; окружных — 6,2; райкомовских — 5,9; сельских — 3,2. Были обнаружены факты несоответствия зачисленных в вузы уровню обучения в них, в связи с чем А. Ф. Кларк высказал мысль о необходимости не только классового, но и интеллектуального отбора в советские вузы и вообще необходимости психологической службы («академической профконсультации») для студентов (Кларк, Кушинников, Билибин 1928; Кларк 1929).

зываются следующие направления и виды научной работы: исследование химического состава мозга умерших от голода, сыпного тифа; экспериментальное изучение влияния на нервную систему факторов вырождения (алкоголизм; наркотики, никотин; инфекции); изучение навыков у животных разных биологических классов и видов — от земноводных до млекопитающих; условия работы и работоспособность радиотелеграфистов; изучение трудновоспитуемых детей, характера дошкольников; изучение влияния ритмики на состояние общей и индивидуальной психологии ребенка, изучение детской одаренности и интересов, физической и социально-психологической деформации личности под влиянием профессии. В Институте мозга впервые занялись проблемой эффективности совместной деятельности, проводили опыты по умственной работоспособности дошкольников в условиях индивидуальной и коллективной работы (Отчет 1921).

В планах и отчетах 1925-1926 гг. фигурируют такие темы, как «Влияние промежутков времени между применяемыми сочетательными раздражителями на прочность сочетательного рефлекса», «О неугасимых сочетательных рефлексах», «О влиянии личности на коллектив и коллектива на личность»; изучение конституции детей, «Некоторые отличительные особенности в развитии нервной деятельности младенцев по сравнению с животными», разработка методики исследования общей одаренности (Рефлексологический институт по изучению мозга. 12/Х-26-12/12-22. — Центральный государственный архив СПб. Ф. 2555. Оп. 1. №1089). Как видно из документов и публикаций, в начальный период становления института исследования велись широко и еще не были скоординированы между собой. Консолидации коллектива и координации исследований Института мозга способствовала специальная Ученая конференция, организованная В. М. Бехтеревым. «В целях объединения деятельности и обсуждения научных задач этих учреждений (т. е. группировавшихся вокруг Института мозга. — *Н.Л.*), а также для обсуждения результатов научных исследований, проводившихся в Институте, и других научных докладов, при Институте учреждена Ученая конференция, в состав которой входят как все научные собрания самого Института, так и представители объединенных с Институтами учреждений» (Материалы Института по изучению мозга и психической деятельности, которые были представлены Гос. комиссии по Просвещению 10 июня 1918 г. — Центральный государственный архив СПб. Ф. 2555. Оп. 1. №48). С июля 1919 по январь

1921 г. было проведено 45 заседаний совместно с Обществом психологии, рефлексологии, неврологии и педологии, где, в частности, были заслушаны научные доклады В.М.Бехтерева «Общие основы рефлексологии труда», «О бессловесном внушении животным», Г. Е. Шумкова «Естественный эксперимент в изучении эмоций в военно-боевой обстановке», П. А. Сорокина «Предмет рефлексологии социальных групп, ее методика и задачи», В. П. Кашкадамова «Опыт полного исследования личности» и др. (Отчет 1921). За первые пять лет существования института на Ученых конференциях было сделано 240 докладов по всем направлениям исследований (*Кашкадамов В. П. Итоги 5-летней деятельности Института по изучению мозга и психической деятельности. — Архив РАН (СПб.). Ф. 805. Оп. 1. №90/1923/*). Можно думать, что участие сотрудников различных отделов в этих заседаниях формировало не только их организационное единство, но и междисциплинарное мышление, а также межпредметные связи в исследованиях.

Как и ранее в Психоневрологическом институте, в Институте мозга всю работу коллектива координировал и направлял его директор В. М. Бехтерев. Он непосредственно руководил несколькими отделами, участвовал в исследованиях разных лабораторий, делал доклады на Ученой конференции, вел практическую лечебную и педагогическую работу. На все он находил время, всему уделял личное внимание. Например, еженедельно проводил этико-биографические беседы о жизни замечательных людей с воспитанниками Вспомогательного клинического института, проповедуя культуру «социального героизма», идеал благородной героической личности (Бехтерев 1926а). Он же устраивал лечебные сеансы гипноза, на которые приходили страждущие алкоголики, сеансы проводились прямо на газоне возле здания Института.

С первых лет своего существования Институт мозга был очагом человекознания и центром практической работы с людьми. В практическом плане работала Комиссия по обследованию труда. Много было сделано для народного образования и борьбы с беспризорностью детей. При институте была создана Постоянная Комиссия по сексуальному воспитанию, Комиссия по изучению личности выдающихся современников. Сразу же после открытия института в 1918 г. его сотрудники стали читать циклы научно-популярных лекций: А.В.Гервер «Современные виды неврастении», Н. А. Белов «Живой организм с точки зрения мирового равновесия», А. С. Звоницкая «Курс социологии с различных точек зрения»

(Институт 1919). В первом полугодии 1919 г. были организованы курсы для учителей.

В институте была создана Комиссия по изучению личности выдающихся современников. В связи с этим Бехтерев предложил устроить так называемый Пантеон СССР со специальным музеем — выставкой мозга выдающихся людей (Письмо В. М. Бехтерева Председателю ВЦИК М. И. Калинину. — Архив РАН (СПб.). Ф.805. Он. 1-1927. №6. Л. 10. 1927). В двадцатые-тридцатые годы в Пантеоне мозга хранились и изучались мозг химика Д.И.Менделеева, востоковеда В. В. Бартольда, юриста А. Ф. Кони, биолога В.М. Шимкевича, самого В.М.Бехтерева, его брата юриста Н. М. Бехтерева и других. В институте мозга была коллекция портретов видных психиатров и психологов, Музей сравнительной анатомии центральной нервной системы, преобразованный позже в Музей эволюции нервной системы и сравнительной психологии, функционировала большая научная библиотека.

В начале тридцатых годов Институт мозга издавал два журнала—«Вопросы изучения и воспитания личности» и «Обозрение психиатрии, неврологии и рефлексологии им. В. М. Бехтерева». Кроме того, издавались сборники «Новое в рефлексологии и физиологии нервной системы», «Новое в дефектологии», «Новое в генетической рефлексологии и невропатологии младенчества», «Вопросы профконсультации и профотбора», «Методологические проблемы рефлексологии».

Институт мозга и психической деятельности в первый период существования завоевал авторитет не только в СССР, но и в мире. Были установлены связи с родственными учреждениями Германии, Франции, США и других стран, а именно с Цюрихским, Берлинским, Амстердамским, Венским институтами мозга, родственными кафедрами и лабораториями в Бреславле, Франкфурте, Лейпциге, Киле, Париже, Нью-Йорке. Посетивший Институт мозга итальянский профессор Мингацинни оставил такой отзыв о нем: «Поскольку я знаком с научным миром Европы, я никогда не видел столь грандиозного Института, который бы так успешно соединял античный синтез и современный анализ» (Отчет о деятельности Государственного рефлексологического Института по изучению мозга за 1924/25 год. — Центральный государственный архив СПб. Ф.2555. Оп. 1. №782).

В феврале 1927 г. В. М. Бехтереву исполнилось 70 лет, а в октябре того же года было присвоено звание Заслуженного деятеля на-

уки РСФСР. Этот юбилей был отмечен научной общественностью. Бехтерев был избран Почетным членом Итальянской Академии наук. И вдруг в декабре 1927 г. Бехтерева не стало. Смерть настигла ученого в расцвете творческих сил, полным энергии и новых планов. В его кончину невозможно было поверить. По воле покойного его тело кремировали, урну с прахом доставили из Москвы, где скончался Бехтерев, в Ленинград и установили в музее Института мозга. Мозг, согласно завещанию, передали в Пантеон мозга как экспонат и объект изучения. Бехтерев как истинный ученый был предан науке целиком, без остатка, в переносном и прямом смысле слова.

На траурном митинге в Москве выступал председатель Всесоюзного центрального исполнительного комитета (ВЦИК) М. И. Калинин. От имени руководства СССР он отдал Бехтереву последние почести и сказал, что покойный академик соединял науку со строительством социализма (Известия. 27 декабря 1927 г.).

Эта высокая официальная оценка, однако, не соответствует таинственным обстоятельствам скоропостижной смерти Владимира Михайловича, причиной которой, как думают, явилось преднамеренное отравление, осуществленное сотрудниками ОГПУ по приказу Сталина. Будто бы Бехтерев был приглашен на врачебную консультацию к Сталину. Выйдя от пациента, он произнес вслух нелюбезный и политически фатальный диагноз — паранойя, и тем самым подписал себе смертный приговор. Об этом поговаривали, но достоверно никто ничего не знал и не знает. Эта история весьма правдоподобна. Остается горько сожалеть, что Владимир Михайлович Бехтерев, богатырь русской науки, ушел из жизни, не завершив своих грандиозных проектов по комплексному изучению человека⁶.

ПЕРЕСТРОЙКА СТРУКТУРЫ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНСТИТУТА МОЗГА ПОСЛЕ СМЕРТИ В. М. БЕХТЕРЕВА

Внезапная и неожиданная смерть В. М. Бехтерева повергла его учеников «в глубокую и неопишемую печаль» (Осипова 1928: 5). Со временем печаль затаилась в глубине души, а первоначальная

⁶ Версия о насильственной смерти Бехтерева правдоподобно описана в статье кандидата медицинских наук В. Д. Тополянского в одном из номеров «Огонька» периода Перестройки и гласности (Тополянский 1989).

растерянность сменилась стремлением сохранить и продолжить научные традиции Учителя. Принцип комплексного изучения мозга и личности, заложенный в основание Института мозга, определял его деятельность и тогда, когда В. М. Бехтерева не стало.

С точки зрения истории психологии необходимо как можно полнее восстановить ход событий жизни Института мозга. Фактографическое содержание данной главы представляет самостоятельное значение, поскольку в историографии психологии деятельность Института мозга почти не отражена, если не считать юбилейных и информационных статей и некоторых сведений о нем в мемуарной и биографической литературе (Зюзин 1941; Логинова 1993; Осипов 1933, 1947 и др.). Между тем в 30-е годы XX в. Институт мозга занимал видное место в научной и культурной жизни страны и превосходил по количеству сотрудников московский Психологический институт. Так, в Институте мозга численность сотрудников была около 70, аспирантов более 20, были и сверхштатные сотрудники. Примечательно, что в 1934 г. в Институте мозга родилось предложение сделать московский Психологический институт филиалом Института мозга (Отчеты секторов Института мозга за 1934 г. — Архив РАН (СПб.). Ф.805. Оп.2. №12/1934/).

Судьба Института мозга неотделима от истории советской науки и несет на себе печать драматичной исторической эпохи. В 1922 г. по инициативе руководства ВКП(б) развернулась философская дискуссия с так называемыми «механистами», а с 1931 г. — с «меньшевистствующими идеалистами». Историческая канва и характер дискуссий хорошо освещены в статьях И. Яхота (Яхот 1991), им посвящены специальные исследования (Гардавский 1975; Колчинский 1999; Ксенофонтов 1967; На переломе 1990). Дискуссии были идеологической и политической акцией, призванной унифицировать мировоззрение ученых, переделать науку на марксистский лад, устранить из активной научной жизни всех, кто не был марксистом или казался опасным вольнодумцем. В ходе дискуссии их мировоззрение догматически оценивалось как антимарксистское, а сами они подвергались политическому ostracismu и репрессиям.

В ходе идеологизированной философской дискуссии с «механистами» В.М.Бехтерева наряду с некоторыми другими учеными-естествоиспытателями раскритиковали как «механициста» и «метафизика». Коммунистическая партия поворачивала науку в русло диалектического и исторического материализма, и на этом повороте все ученые СССР обязаны были определить свои позиции.

Перед бехтеревцами встала задача переосмыслить теоретическое наследие своего учителя и приспособиться к новым условиям работы в советской науке. Сотрудники Института мозга провели большую методологическую работу в поисках путей своего дальнейшего научного развития. Но, это надо особо отметить, критика и самокритика в школе Бехтерева и последующая перестройка Института мозга не привели к полному отказу от программы Бехтерева. Главный принцип — комплексный подход — сохранял свое значение в деятельности Института. Он неизменно декларировался и рассматривался как основополагающий и специфический для него: «Задачей Института является *всестороннее* изучение личности как нормальной, так и патологической, и основных биологических и социальных факторов ее развития и деятельности. Основная особенность Института и отличие его от имеющихся как в системе Главнауки, так и вообще в мировой психоневрологической системе — это *стремление к организационно-научному единству всех научных дисциплин, изучающих человеческую личность*» (курсив мой. — Н. Л.) (Государственный рефлексологический институт 1930: 11).

Необходимость перестройки деятельности Института послужила причиной образования специальной Методологической секции, позднее комиссии при Обществе рефлексологии, неврологии, гипнологии и биофизики совместно с Ленинградским институтом методологии марксизма в ноябре 1928 г.⁷ Председателем секции стал новый директор Института мозга, ученик и сотрудник В.М.Бехтерева, крупный ученый психиатр В.П.Осипов (председатель комиссии), кроме него в секцию вошли физиолог Л.Л.Васильев, психологи Б.Г.Ананьев (секретарь комиссии), И. Ф.Куразов (консультант комиссии), В. Н. Мясищев (член Бюро комиссии), В. Н. Осипова, А. Л. Шнирман и другие.

Участники развернувшихся в 1928-1929 гг. методологических дискуссий в Институте мозга искренне стремились освоить марксизм-ленинизм и развивать рефлексологию на этой основе. Споры разгорелись по предмету рефлексологии, по вопросу соотношения ее с психологией и другими «поведенческими» науками. Многодневная дискуссия имела место на конференции 4 мая — 10 июня 1929 г.⁸

⁷ Общество неврологии, рефлексологии, гипнологии и биофизики было учреждено в Ленинграде 19 октября 1924 г. под руководством В. М. Бехтерева.

⁸ На конференции обсуждались доклады В.Н.Осиповой «Рефлексология или психология», Г. Н. Сорохтина «Предмет и метод рефлексологии», Б. Г. Ананьева «Предмет и метод рефлексологии», А.В.Дубровского «Сознание как

Тогда ставилась цель доказать, что рефлексология «не в ущерб содержанию, фактам и логике может снять психологию, объяснить всю полноту и конкретность поведения» (Рефлексология 1929: 10). У бехтеревцев в тот период преобладало представление о психологии как о субъективной, идеалистической науке. Они тогда считали, что «психология во все времена была оазисом идеализма» (Там же: 4).

Самый «антипсихологический» доклад сделал Г. Н. Сорохтин, его возмущали рудименты психологии в бехтеревской рефлексологии: «Наибольшая опасность для рефлексологии — это психологическая зараза» (Сорохтин 1929: 20). Он выступал за то, чтобы отменить понятие «личность» как якобы скомпрометированное своим психологизмом. Но таких ортодоксов, как Сорохтин, среди рефлексологов было меньшинство. В основном же бехтеревцы не отрицали психику и сознание, но рассматривали их как высшее свойство, качественную сторону соотносительной деятельности. Самый молодой участник обсуждений, один из организаторов методологической комиссии Б. Г. Ананьев настаивал на том, что «проблема сознания принципиально важна сама по себе... отрицать психику и сознание и сводить их к простейшим формам соотносительной деятельности — недопустимый методологический просчет... Психику и сознание не следует искать за пределами соотносительной деятельности, их нужно изучать и вскрыть в пределах этой деятельности» (Ананьев 1929: 33).

Все выступающие положительно оценивали рефлексологию как материалистическое направление и пытались отыскать резервы ее развития. Б. Г. Ананьев, например, утверждал, что В. М. Бехтерев дал ход научному течению не только материалистическому, но и потенциально диалектическому. Предметом рефлексологии единодушно признали соотносительную деятельность, не тождественную рефлексам, но основанную на них. «Соотносительная деятельность, — утверждала В. Н. Осипова в своем докладе, — активна, регулирует и контролирует поведение» (Осипова 1929: 14).

Участники дискуссии полагали, что именно рефлексологии суждено стать марксистской наукой о сознании и личности, а «отношение предмет рефлексологии», В. Н. Мясешева «Рефлексология и смежные дисциплины», А. Л. Шнирмана «Рефлексология или психология», Л. Л. Васильева «Рефлексология, психология и диалектика», В. П. Осипова «Физиология и рефлексология», И. Ф. Куразова «Предмет и метод рефлексологии» (Рефлексология 1929).

ние рефлексологии к эмпирической психологии подобно отношению химии к алхимии» (Ананьев 1929: 32)⁹. Если психология «отказывается от признания определяющего значения за интроспекцией, признает внешнее наблюдение основным методом и опирается на невролого-физиологическую систему понятий и метод, то она постепенно сближается с рефлексологией до полной невозможности их различения не на словах, а по существу. Но при этом название психология за ней может оставаться только по традиции, привычке или недоразумению», — утверждал тогда В.Н.Мясищев (Мясищев 1929: 44).

Рефлексология, преобразованная на основе марксизма, призвана была «снять» психологическую науку. Для обновления рефлексологии считалось необходимым социологизировать ее, ориентировать на изучение истории происхождения отдельных процессов и форм поведения. Как думал в то время Б. Г. Ананьев, «Социогенетическая рефлексология — очередной этап в развитии современной рефлексологии» (Ананьев 1929: 38). В тон ему В. Н. Мясищев предлагал в целях совершенствования рефлексологии произвести «коррекцию биологизма в исследовании человека, коррекцию аналитико-атомистического подхода», изучать роль социального фактора в развитии личности и синтетическую сущность соотносительной деятельности (Мясищев 1929: 42).

В процессе обсуждения докладов на первой методологической конференции ничего не говорилось об отражательной природе психики. Главный упор делался на включение психики в соотносительную деятельность: поведение — внешняя, психика — внутренняя сторона соотносительной деятельности. Таким образом, бехтеревское представление о невропсихике сохраняло свою силу в среде сотрудников Института мозга.

В преддверии I Всесоюзного съезда по изучению поведения человека рефлексологи провели еще две конференции, определяя методологическую платформу, с которой они намеревались выступить на съезде. Вторая, сентябрьская (1929) конференция прошла под знаком размежевания с другими науками о человеке и называлась «Методологические основания рефлексологии». Ее материалы были опубликованы в сборнике «Рефлексология и смеж-

⁹ Это резкое суждение двадцатидвухлетнего Б. Г. Ананьева направлено не против психологии вообще, а, как явствует из текста, против эмпирической психологии. Рефлексология в то время виделась ему самой перспективной наукой о человеке.

ные направления» (1929). Были представлены следующие доклады: И. Ф. Куразова «Категория развития в поведении животных», «Исторический материализм как метод рефлексологии человека»; Б. Г. Ананьева «Социогенетическая теория развития поведения человека», «Реактология и рефлексология»; А. Л. Шнирмана «Рефлексология и учение об условных рефлексах»; В. Н. Мясищева «Гештальтпсихология и рефлексология»; В. Н. Осиповой «Методология и рефлексология»; В. П. Осипова «Объективное направление в психиатрии».

В итоге участники конференции вышли на следующие позиции. Предмет рефлексологии — соотносительная (адаптивная по биологическому смыслу) деятельность, включающая и психику. Рефлексология должна заниматься психическими явлениями, их социобиологической детерминацией. Теория развития — основа методологии наук о поведении. Науки о поведении должны овладеть историческим методом, иначе остается опасность механицизма. Необходимо использовать все методы и достижения смежных с рефлексологией наук. Рефлексологи за сотрудничество разных материалистических школ и направлений.

Третья конференция, проходившая с 25 декабря 1929 г. по 20 января 1930 г., была уже посвящена материалистическому пониманию психики (заметим, не соотносительной деятельности). Материалы этой дискуссии не были опубликованы отдельным изданием, как это планировалось. Видимо, поэтому она «выпала» из поля зрения историков психологии. Так, в книге Е. А. Будиловой «Философские проблемы в советской психологии» (Будилова 1972) упоминаются только две конференции из трех, имевших место в Институте мозга. В отчете института за 1929/30 год эта конференция характеризуется как кульминационная точка методологической работы института (Отчет 1932).

По материалам конференции предполагалось издать книгу «Материалистическое понимание психики». О содержании ее мы можем судить лишь по программе этой конференции. На ней были сделаны доклады И. Ф. Куразова «Логика и психология», «Диалектическое понимание материи и проблема возникновения психического»; А. Л. Шнирмана «Механистическое понимание материи и проблема психического»; Л. Л. Васильева «Критика биопсихизма», «Сочетательный рефлекс и заранее обусловленная реакция»; Б. Г. Ананьева «Биогенез и социогенез поведения и психики», «Принципы и формы развития психического»; И. К. Зюзина

«Понятие рефлекса», «Понятие поведения»; А. М. Лукина «Понятия инстинкта и рефлекса»; А. Г. Панова «Сознание и идеология»; И. А. Боричевского «Борьба за метод в современной западноевропейской психологии»; И. Ф. Куразова и А. Л. Шнирман «Метод изучения психического»; В. П. Осипова «Методика изучения психического»; Р. И. Черановского «Методики изучения поведения»; В. Н. Мясищева «Сознательное и бессознательное», «Практика как метод изучения психического» (Там же).

Вторая и третья методологические конференции рефлексологов обнаружили новые тенденции, а именно — поворот к психологической проблематике, к признанию психологической реальности предметом обновленной рефлексологии. В результате интенсивной методологической работы ученые Института мозга продвинулись вперед в понимании сознания и психики, хотя по-прежнему делали упор на изучение поведения, что порой выглядело как терминологическая дань традиции. Часто в рассуждениях о поведении, соотносительной деятельности фактически речь шла о психическом. В некоторых публикациях этого периода авторы приближались к пониманию отражательной природы психики, формулировали положения о единстве психики и деятельности, об объективности психологического познания. Так, И. Ф. Куразов писал в 1930 г.: «Отображая внешние условия жизни, психика сама объективируется в объективной деятельности человека. Внешнее проявляется во внутреннем, а внутреннее — во внешнем. В этой системе взаимодействия психическое становится доступным объективному методу познания» (Куразов 1930: 7).

В 1929 г. И. Ф. Куразов сформулировал основные методологические принципы обновленной рефлексологии: 1) объективное материалистическое объяснение всех сторон и форм поведения, в том числе и психики; 2) причинно-монистическое понимание поведения; 3) принцип развития всех форм поведения; 4) принцип взаимопроникновения противоположностей, перехода неорганического в органический процесс, внешнего во внутреннее, материального в психическое; 5) социогенетическое, общественно-классовое поведение человека (Куразов 1929). Эти принципы по форме мало отличаются от тех, которые позже стали признанными в советской психологии (ср.: принцип объективности познания, детерминизма, развития, историзма)¹⁰.

¹⁰ Знакомство с работами И. Ф. Куразова 1920-х — начала 1930-х годов наво-

На методологических конференциях в духе того времени было заявлено, что рефлексология в будущем должна развиваться на основе исторического материализма и диалектики, на основе классового, конкретно-исторического подхода. Эти выводы были сформулированы декларативно и во многом абстрактно. Рефлексология все еще мыслилась как единственно истинная наука о психике и личности.

5 января 1930 г. в Ленинграде открылся I Всесоюзный съезд по изучению поведения человека. На съезд прибыли представители различных наук: морфологи, физиологи, психологи, зоопсихологи, рефлексологи, педологи, психотехники, философы. Съезд был крупномасштабным, в его работе участвовали 1402 делегата. На съезде выступали Л.С.Выготский, А.Б.Залкинд, К.Н.Корнилов, А.В.Луначарский, И. Н. Шпильрейн и многие другие (Психоневрологическая наука 1930). Ученые Института мозга принимали в подготовке и работе съезда самое активное участие, они сделали 23 доклада. В. П. Осипов, В. Н. Мясищев и аспирант Б. Г. Ананьев входили в руководящие органы съезда.

Съезд имел большой общественный резонанс. Он проходил под руководством компартии, под знаком борьбы за марксистскую методологию в науках о человеке, за активное участие ученых в социалистическом строительстве. Участники съезда заявляли о необходимости преодоления раздробленности и теоретической пестроты в науках о человеке. Но кто же из них понимал, что за этим неизбежно последует ликвидация остатков методологического плюрализма и подавление свободомыслия ученых? «Да здравствует объединенная психоневрология!»— провозгласил в заключение съезда его председатель А. Б. Залкинд. Но объединения тогда не произошло. Выступавшие на съезде критиковали друг друга и соглашались лишь в том, что еще нет настоящей марксистско-ленинской психологии, но имеются разные подходы к ее созданию. Поэтому все материалистические научные школы «имеют равноправие в деле своего марксистского самоопределения» (Там же: 179). Сотруд-

дит на мысль о его первенстве в формулировании важных методологических идей, получивших затем самостоятельное развитие в советской психологии. Судьба И. Ф. Куразова нам неизвестна, следы его научной деятельности обрываются в тридцатые годы. Последняя из известных мне крупная его публикация посвящена методологии психологии (Куразов 1931). Будущие историки психологии могли бы прояснить роль этого ученого в становлении методологических основ марксистской психологии в СССР.

ники Института мозга на съезде утверждали реальность создания диалектической рефлексологии, имеющей перспективу развития в качестве истинной науки о личности и сознании.

Участник съезда И. Ф. Куразов оценил съезд как «поворотный пункт в истории русской психоневрологии» (Куразов 1930: 3). Он подчеркнул, что на съезде только рефлексологи выступили с самокритикой и сформулировали свои новые позиции: исторический метод, социогенетический метод, конкретно-классовый подход в науках о человеке, объективно-исторический метод в объяснении психики, конкретно-историческое понимание предмета науки о поведении в условиях СССР. Куразов писал: «Наука о поведении изучает общие законы образования и развития форм сознательной деятельности конкретно-исторического человека, в его конкретных условиях и формах общественной деятельности» (Там же: 7).

Тенденции, намечившиеся после Поведенческого съезда, были усилены Реактологической дискуссией, организованной в Москве в Психологическом институте (тогда он назывался Государственным институтом психологии, педологии и психотехники — ГИППП) по инициативе его партийных сотрудников А. В. Веденова, А. А. Таланкина, Ф. Н. Шемякина. Реактологическая дискуссия утверждала психологию как самостоятельную науку, на методологических основах диалектического и исторического материализма. Был заявлен решительный поворот к психологической проблематике, особенно к проблеме сознания. Это было обусловлено не только логикой научного развития, но общественными потребностями и прямым политическим заказом.

Грандиозные планы первых пятилеток невозможно было осуществлять без нового человека. Сознание, сознательность граждан страны рассматривались как главный фактор успеха социалистического строительства. Ученые, психологи в том числе, были призваны советским государством и Коммунистической партией изучать сознание и личность советского человека, чтобы способствовать его коммунистическому воспитанию и более активному включению в осуществление планов социалистического строительства¹¹.

В Институте мозга в начале тридцатых годов продолжала дей-

¹¹ Современная критика теории и практики коммунистического воспитания слишком идеологизирована и потому мало научна. Восхитительный героизм советской молодежи в годы Великой Отечественной войны обязывает историков педагогики к более серьезному анализу характера социализации советского человека.

ствовать Методологическая комиссия, под председательством директора Института В. П. Осипова, которая оценивала и корректировала планы научных исследований с точки зрения их соответствия марксистско-ленинской платформе. В духе того времени шли «проработки» ученых с целью «освобождения от реакционных сторон учения Бехтерева» (Отчет о НИР института за 1931 г. — Архив РАН (СПб.). Ф.805. Он. 2. №9/1931/).

Показательна для того периода самокритичная статья Б. Г. Ананьева «О некоторых вопросах марксистско-ленинской реконструкции психологии», опубликованная в журнале «Психология» в 1931 г. (Ананьев 1931), которую в последнее время то и дело вспоминают, цитируют, но часто при этом искажают позицию Б. Г. Ананьева и его роль в методологических дискуссиях на рубеже 1920-1930-х годов. В статье Ананьев признал заблуждением свое недавнее мнение о том, что психология может быть только идеалистической. Высказал мысль, что вполне возможна и действительно необходима диалектико-материалистическая психология, предметом которой должен стать человек в социальных, конкретно-исторических, классовых условиях. Критикуя В.М.Бехтерева за «биологизаторство», неклассовый подход, энергетизм и упрощенность трактовки личности и поведения, Ананьев отнюдь не отрицал его заслуг и свою причастность к его школе: «Рефлексологическая школа Бехтерева, одного из крупнейших русских психоневрологов, ставшего в первые же годы советской власти на сторону пролетариата, несомненно, в свое время (до революции и в первые годы диктатуры пролетариата) сыграла значительную роль в борьбе с традиционной психологией в исследовании нервно-двигательных механизмов поведения человека. Поэтому рефлексология вошла одним из необходимых звеньев в историю советской психологии» (Там же: 332).

Ананьев положительно оценивал у Бехтерева комплексный подход к человеку, связь с естествознанием, генетический подход, критику субъективизма, использование и разработку объективных методов изучения личности, что было присуще рефлексологии. Он заявил в этой же статье, что реконструкция психологии должна опираться на опыт истории психологической науки, историко-психологические исследования необходимы для определения предмета и метода психологии. Несколькими годами позже он сам организовал и возглавил работу по истории русской психологии в Институте мозга.

В результате методологических дискуссий и Поведенческого съезда, приведших к отказу от рефлексологии, Институт мозга встал перед необходимостью перестройки собственной деятельности¹². В январе 1932 г. комиссия Народного комиссариата просвещения СССР обследовала Институт мозга, жестко критиковала за рефлексологические «грехи» и выдвинула требование изменить структуру института и направление исследований. Он получил новое название — Государственный институт по изучению мозга им. В.М.Бехтерева (до этого назывался Государственный рефлексологический институт по изучению мозга им. В.М.Бехтерева). В 1932 г. была утверждена его новая структура в составе секторов (отделов) морфологии, физиологии, сравнительной психологии и физиологии животных, психологии и педологии, физиологии труда и психотехники, психопатологии (Резолюция по докладу Колбановского на тему «Положение на психоневрологическом фронте и задачи Института им. В. М. Бехтерева. — Архив РАН (СПб.). Ф. 805. Оп. 2. №23/1932/; Организация советской науки 1974)¹³. Психология, таким образом, была представлена в четырех из шести секторов и занимала ведущее место¹⁴.

¹²Но это произошло не сразу. Так, в первоначальном пятилетнем плане научно-исследовательской работы (на 1928-1933 гг.) были представлены темы, соответствующие старой рефлексологической доктрине. Среди них числились такие, как сравнение сочетательных рефлексов на речевой и электрокожный стимул, экзогенные и эндогенные факторы высшей нервной деятельности, варианты рефлексологических типов в связи с конституцией и особенностями нервной системы, типические особенности поведения в связи с рефлекторной деятельностью. Много места в плане занимала проблема трудовой деятельности, возрастных и половых вариаций рефлекторной деятельности, сравнительное изучение поведения ребенка в коллективе и профессиография для транспортников, просвещенцев, строителей, милиционеров, работников искусств и др. (Краткий пятилетний план научных исследований на 1928-33 г. — Архив РАН (СПб.). Ф.805. Оп.2. №4/1928/). В 1930 г. научная деятельность концентрировалась на одной общей проблеме — проблеме поведения. Появились секторы биогенеза поведения, социально-производственных форм поведения, возрастных форм поведения. Это был временный вариант пути, вскоре отошедший в прошлое под ударами внешней и внутренней критики.

¹³Количество и названия секторов устоялись не сразу. В документах и публикациях по этому вопросу встречаются разночтения.

¹⁴Это положение психологии (ранее рефлексологии) специально отмечалось в изданиях Института. Например, в Справочнике за 1930 г.: «... центральным отделом Института является рефлексологический, изучающий человеческую личность, т. е. процессы соотношения и формы приспособления человека к естественной и социальной среде» (Государственный рефлексологический институт 1930).

В Постановлении коллегии Наркомпроса от 17 июня 1932 г. значилось: «Считать основной задачей Института научную разработку на основе марксистско-ленинской теории проблемы развития личности, выделяя в качестве ведущей работы изучение психики, физиологии и социальной практики ребенка и подростка, а также формы политехнического труда и обучения в политехнической школе» (*Вебер Л. Г., Вологодин И. Р.* Краткие сведения о состоянии работы за период 1930-33 г.— Архив РАН (СПб.). Ф. 805. Оп. 1. №41/1933/. Л. 1). Проводились исследования филогенеза вегетативных центров мозга в норме и патологии, фамильных и индивидуальных особенностей мозга выдающихся людей (Проблема борозд 1934); были получены материалы сравнительной биохимии нервной системы у животных в фило- и онтогенезе; новые данные о возрастных изменениях биокolloидного состава мозга (работы проф. Э. Е. Гольденберга). В секторе физиологии нервной системы (зав. Л. Л. Васильева) изучали биофизические явления, в частности было обнаружено ультрафиолетовое излучение нервной системы. В секторе психопатологии и невропатологии (зав. В. Н. Мясищев) изучали развитие глухих, умственно отсталых, трудновоспитуемых детей. В секторе физиологии труда и психотехники, тесно связанном с сектором психологии и педологии, продолжались работы, начатые при жизни Бехтерева, по профотбору, профориентации, профессиографии (Отчеты секторов Института мозга за 1934 г. — Архив РАН (СПб.). Ф.805. Оп.2. №12/1934/).

В выступлениях руководства Института мозга в тот период неоднократно было заявлено, что основной задачей по-прежнему остается комплексное изучение личности при ведущей роли психологии в союзе с естествознанием (*Вебер Л. Г., Вологодин И. Р.* Краткие сведения о состоянии работы за период 1930-33 г. — Там же. Ф. 805. Оп. 1. №41/1933/; Осипов 1933). На научном заседании 23 декабря 1937 г., посвященном памяти В.М.Бехтерева, директор института В. П. Осипов подчеркивал, что особенностью работы этого Института является объединение ряда проблем, касающихся изучения мозга и его функций и психологической деятельности в смысле всестороннего их изучения. Психология мыслилась базовой дисциплиной в структуре института. Вокруг психологии шла наиболее активная методологическая работа и интеграция структурных подразделений. Вот почему необходимо специально обратиться к характеристике сектора психологии и педологии тех лет.

В 1932 г. сектором психологии и педологии стал руководить

коммунист А. А. Таланкин, сыгравший значительную роль в критике рефлексологии и перестройке института. Он занимался военной психологией, выступал с публикациями по методологическим вопросам, в которых ратовал за психологию, за изучение субъективных явлений объективными методами (Таланкин 1929, 1931, 1931а). Он утверждал собственно психологическую проблематику исследований, особенно сознания, критиковал «бехтеревщину», но вместе с тем сохранил коллектив отдела психологии, не изгонял из Института мозга учеников Бехтерева.

В секторе (отделе) психологии развернулись психологические исследования в трех направлениях: 1) проблема мышления в онто- и филогенезе; 2) умственное развитие на основе политехнического обучения; 3) проблема личности и ее развитие (характерология) (Производственные планы работ Института во второй пятилетке (1933-1938).-Архив РАН (СПб.). Ф.805. Оп.2. №5/1933/). В архивных документах упомянуты и другие темы. Например, в «Проблематике работы института во второй пятилетке 1933-1938 гг.» общая проблема сформулирована так: «Одаренность и умственное развитие и их значение для политехнического обучения». Она включала изучение развития политехнического мышления, общей и специальной одаренности, развития характера в связи с одаренностью и умственным развитием (Проблематика работы Института во второй пятилетке (1933-1938). — Там же. Ф.805. Оп.2. №4/1933/). Некоторое время в институте работала лаборатория художественного творчества и воспитания, где изучали детскую литературу, детский театр и музыку, природу художественной одаренности, развитие художественного вкуса и интересов.

Результаты исследований психологов института были опубликованы в коллективной монографии «Общий и технический кругозор учащихся средней школы» (1934). Работа имела теоретический смысл — изучение единства гностического и практического интеллекта и была направлена в помощь педагогам средней школы. Для приближения работы сектора к жизни школы был организован политехнический кабинет — экспериментальная лаборатория в ленинградской школе № 154 им. М. Н. Покровского, а также экспериментальная комплексная лаборатория в базовой школе № 1 им. А. Л. Эпштейна (заведующий лабораторией Б. Г. Ананьев).

Исследовательская работа ученых института сочеталась с организацией практической помощи педагогам, своего рода психологической службой. «При разработке тематики и рабочих планов, —

писал в то время Ананьев, — исходной установкой была новая постановка научной теории изучения ребенка средствами *комплексно-го* (физиолого-психолого-психотехнического) исследования развития школьника в непосредственной связи с учебно-воспитательной работой школы» (курсив мой. — *Н. Л.*) (Отчеты секторов Института мозга за 1934 г. — Архив РАН (СПб.). Ф.805. Оп. 2. №12/1934/. С. 21). Так, утомляемость школьников изучалась совместно с физиологами, развитие конструктивного мышления — совместно с психотехниками.

Исследования по проблеме психологии педагогической оценки и ее всестороннего влияния на развитие личности школьников выполнялись под руководством Б. Г. Ананьева и завершились его первой монографией «Психология педагогической оценки» (1935). В исследованиях этого цикла участвовали Л. Ю. Богомаз, А. Н. Давыдова, Н. Г. Прудников, Л. И. Сергеев, Р. И. Черановский, А. Л. Шнирман. Общая гипотеза состояла в том, что развитие межличностных взаимоотношений в реальной психологической ситуации формирует индивидуальные особенности общающихся и отношения переходят в их черты характера (Протоколы и стенограммы научной сессии института по вопросам психологии. 17-20 июня 1935 г. — Там же. Ф.805. Оп.2. №11/1935/).

Б. Г. Ананьев намеревался подойти к развитию индивидуальности через изучение конкретных социальных отношений и общения педагога с учеником. «Мы начинаем, — писал он в тезисах "Проблема характера подростка школьника" (1935), — не с определений и классификаций характера, а с изучения отдельных фактов, стадий и сторон характерообразования конкретных индивидуальностей. Мы рассматриваем создание капитальной истории индивидуального развития в связи с историей воспитания в качестве важнейшего условия научного изучения характера и его развития, взаимоотношения характера и таланта, взаимоотношения характера, темперамента, типа нервной системы...» (Тезисы докладов Научной сессии института, посвященной 40-му юбилею проф. В. П. Осипова. 27-29 февраля 1935 г. — Там же. Ф. 805. Оп. 2. № 13/1935/. С. 10-11). Такой путь соответствовал традиции характерологии А. Ф. Лазурского и этот цикл исследований продолжил линию объективного познания личности в школе Бехтерева.

В итоге экспериментов, наблюдений, изучения биографий предполагалось не только ставить психологические диагнозы, но и давать прогнозы развития индивидуальности. В теоретическом же

плане — построить классификацию характеров и типов развития. По документам и публикациям можно видеть, что в замыслах Ананьева и в работе его исследовательской группы нашли отклик и даже продолжение старые исследования В. М. Бехтерева в Педологическом институте (лонгитюдный метод) и А. Ф. Лазурского (идея классификации характеров на эмпирической основе индуктивным путем) и, конечно, общая идея отношений личности.

Исследования лаборатории воспитания сектора психологии, проводимые под руководством и по программе Б. Г. Ананьева в 1933-1936 гг., заложили эмпирическую основу его концепции личности. Тогда зародились и прошли первую проверку теоретические представления о взаимосвязи черт характера и психогнозиса, о генетическом порядке возникновения черт — от коммуникативных к рефлексивным, о роли социально-психологических ситуаций в формировании личности. Годы и годы спустя эти идеи легли в основу самостоятельных исследований учеников Б. Г. Ананьева (А. А. Бодалев и его группа).

В связи с психологией педагогической оценки в секторе психологии оформилась более общая тема «Образование и развитие характерологических особенностей», в рамках которой предусматривалось изучение решительности (А. Н. Давыдова), настойчивости (Л. А. Шифман), устойчивости интересов (Д. Ю. Богомаз), воли и общительности (Б. Г. Ананьев), инициативности (Н. Г. Прудников), наблюдательности (П. Г. Сапрыкин) (Тематический финансовый план института на 1936 г. — Там же. Ф. 805. Оп. 2. № 6/1936/). Результаты этого цикла частично были опубликованы в серии брошюр Ленинградского городского института усовершенствования учителей в самом начале 1940-х годов (Ананьев 1940, 1940а-б, 1941). В 1936 г. в планах сектора психологии появилась новая, кроме указанных, проблема — восприятие цвета и формы (над ней работали И. К. Зюзин, Р. А. Каничева, В. Н. Осипова, Ф. С. Розенфельд, М. Ю. Шлепянова). Эта тема выполнялась в связи с госзаказом по строительству гигантского Дворца Советов в Москве и имела не только теоретическую, но и практическую направленность. В результате этих исследований был составлен Атлас восприятия цветов на расстоянии.

Достижения психологов Института мозга были продемонстрированы на его научной сессии 17-19 июня 1935 г. Это мероприятие по существу было Всесоюзной психологической конференцией — первой после Поведенческого съезда 1930 г. В ее ра-

боте участвовали 240 человек, в том числе ученые из Москвы, Киева, Харькова, Одессы, Ростова-на-Дону, Саратова и других городов. В программе сессии отразились результаты и направления работы советских психологов середины тридцатых годов. С докладами выступили А. А. Таланкин — «Проблема образования понятий в современной психологии», В. Н. Осипова — «Типы мышления подростков в конструктивно-технической деятельности», А. В. Веденов — «Представление и понятие в мышлении ребенка», Ф. С. Розенфельд — «Оптическое и логическое восприятие», С. И. Федоров — «Речь и мышление в умственном недоразвитии», Н. В. Опарина — «Об онтогенетическом и практическом в мышлении умственно отсталых», И. И. Розенблюм — «Восприятие и мышление дементных больных», П. О. Эфрусси — «Первые этапы в развитии сознания ребенка», В. Н. Мясищев — «Проблема личности в психологии и психопатологии», Б. Г. Ананьев — «Оценочные отношения и формирование индивидуальных особенностей», Е. Плотников — «Отношения и работоспособность при нервно-психических заболеваниях», Л. А. Шифман — «О воспитании работоспособности» (Протоколы и стенограммы научной сессии института по вопросам психологии. 17-20 июня 1935 г. — Архив РАН (СПб.). Ф.805. Он. 2. №11/1935/).

Судя по темам и содержаниям докладов, сектор психологии и педологии отошел от рефлексологической проблематики и старой терминологии и стал разрабатывать психологические вопросы на основе принципов развития и личностного подхода. Архивные материалы и публикации исследований института дают основание говорить о неизменности курса института на комплексное изучение мозга и психики, поведения и личности.

РЕАЛИЗАЦИЯ КОМПЛЕКСНОГО ПОДХОДА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНСТИТУТА МОЗГА (1936-1948)

В 1936 г. произошло событие, имевшее судьбоносное значение для психологической науки и психологов СССР — 4 июля вышло печально известное Постановление ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе Наркомпросов». Цель Постановления состояла, как декларировалось, в восстановлении в правах педагогики. На деле была организована репрессивная кампания против педоло-

гии и педологов, а заодно против детской психологии как отрасли науки и практической работы психологов в школе. Постановление обязывало «раскритиковать в печати все вышедшие до сих пор теоретические книги теперешних педологов» (Высшая школа 1936:16).

После опубликования Постановления 4 июля 1936 г. критика педологии, которая и ранее имела место, превратилась в разгромную кампанию огромного масштаба¹⁵. Под ее огонь попали не только вульгаризаторы педологии, но и психологи, серьезно, вполне научно изучавшие детство. В ходе антипедологической кампании были организованы острые обсуждения, «проработки» педологов и психологов, причем допускались тяжелые несправедливые обвинения, звучал жуткий призыв «добить до конца педологию». В то время педологию ассоциировали с антисоветизмом, вредительством. Ее обвиняли в том, что она находится на службе империализма и фашизма (Константинов 1936). Подобные обвинения вполне могли стать основанием для жестоких репрессий ученых.

В такой зловещей атмосфере стало невозможным продолжать прежние исследования и практическую деятельность, которые хотя бы внешне могли напоминать педологию. Только спустя десятилетия после этого постановления историки обратили внимание на то рациональное, что содержалось в педологии — учет возрастных и индивидуальных особенностей детей, комплексный подход к изучению детства, организация практической службы в школе. В восьмидесятых годах А. В. Петровский аргументированно заступился за педологию и предлагал восстановить ее в правах как комплексную науку о детстве (Петровский 1988). (К сожалению, в этой важной статье А. В. Петровский не связывает деятельность Педологического института с именем Бехтерева, как того требует историческая правда.) Появились и другие новые публикации, раскрывающие историю педологии в России-СССР и причины ее ликвидации (Курек 1998; Репрессированная наука 1994).

Сразу же после выхода в свет постановления о педологии в Институте мозга сектор психологии и педологии был переименован в сектор психологии, за чем последовало изменение тематики и свер-

¹⁵ Еще до Постановления педологов критиковали за эмпиризм, отсутствие теоретической проработки вопросов развития, упрощенность в понимании роли среды и наследственности. Методологические и теоретические основы педологии были в стадии становления. Комплексный характер педологии требовал синтеза знаний о ребенке, но осуществить его не удавалось, да и сегодня эта проблема не решена.

тывание опытной работы в базовой школе. Заведующий сектором ярый коммунист профессор А. А. Таланкин был вскоре репрессирован. Достоверно его судьба нам неизвестна, но, по слухам, он погиб где-то на сталинской каторге в рудниках.

Почти одновременно с разгромом педологии в СССР была подвергнута репрессиям и психотехника, были по существу полностью прекращены исследования по психологии труда, упразднены и соответствующие лаборатории, в том числе и в Институте мозга. Во всяком случае, из планов и отчетов по научной работе исчезли темы, связанные с психотехникой.

После 1936 г. проблема личности и характера школьников в секторе психологии Института мозга отошла на второй план, а после войны вообще вышла из планов института. В 1938 г. Институт мозга был передан из системы Наркомата просвещения в ведение Наркомата здравоохранения и поэтому еще более изменил тематику научно-исследовательских работ. Больше внимание стало уделяться изучению психических и нервных заболеваний, сравнительному изучению психики в норме и патологии.

В сентябре 1937 г. сектор психологии возглавил Б. Г. Ананьев. В сложившейся обстановке после разгрома педологии и психотехники, жестоких атак на педологов и вообще всех, кто занимался психологией, пришлось заново планировать работу сектора психологии. Ананьев приступил к давно уже задуманной теме и развернул цикл исследований по истории отечественной психологии, в котором поставил задачу изучить преемственные связи советской психологии с материалистической традицией, особенно с философией революционных демократов и рефлкторной теорией И. М. Сеченова. Ананьев видел смысл исторического исследования не только в изучении прошлого и сохранении традиций отечественной психологии, но и в связи с актуальными потребностями развития советской психологии¹⁶. В секторе психологии над проблемами истории отечественной психологии работали также другие его сотрудники.

В 1939 г., в возрасте тридцати двух лет, Б. Г. Ананьев успешно

¹⁶ В то время и даже намного позже преобладал нигилизм по отношению к дореволюционной психологии, например у А. Р. Лурия (Лурия 1933). А. Н. Леонтьев назвал русскую психологию начала XX в. глухой провинцией, где ничего существенного не происходило, в то время как в мировой психологии происходило значительное оживление (Леонтьев 1978). Памятуя хотя бы о Бехтереве, так писать о русской психологии было несправедливо и неадекватно ее роли в мировой психологии.

защитил докторскую диссертацию «Формирование научной психологии в СССР». Это был первый в XX столетии опыт освещения истории отечественной психологии¹⁷.

Основным направлением сектора психологии во второй половине тридцатых годов явилась проблема чувственного отражения. До этого здесь велись работы по восприятию, теперь тема расширилась и значительно углубилась, опираясь на философскую теорию отражения. Основной задачей стало изучение ощущений в их единстве с мышлением и практической деятельностью личности, изучение перехода от сенсорных процессов к мышлению и обратно. Планируя работу по проблеме чувственного отражения, Б.Г.Ананьев полагал, что аналитическое изучение процессов должно сочетать функциональный и личностный подход. В этой связи был поставлен вопрос о восприимчивости как свойстве личности, о роли отношений личности в работе сенсорных органов, о связи сенсорных процессов с динамикой потребностей. По Ананьеву, «на основе реальной жизни личности складывается определенный тип интеллектуального опосредования чувствительности, вследствие чего необходима и в отношении чувствительности постановка биографических и характерологических проблем» (Ананьев 1940в: 10). С другой стороны, по его мнению, характер личности нельзя понять в отрыве от особенностей психических процессов.

Исследования психологов Института мозга всесторонне охватывали явления чувственного отражения всех без исключения модальностей—зрения, слуха, обоняния, вкуса, боли, тактильных ощущений и др. В этом была их отличительная особенность и уникальность, даже в сравнении с исследованиями в мировой психологии. Соответственно в секторе выделились четыре лаборатории—по изучению чувствительности (зав. Н.К.Гусев), цветоощущений (зав. Б. Н. Компанейский), зрительных восприятий (зав. В.Н. Осипова), представлений (зав. А. В. Веденов).

Б. Г. Ананьев предположил, что «существует общая для индивидуальности сенсорно-пространственная асимметрия центрального происхождения, свидетельствующая о преобладании одного из

¹⁷ По оценке А.А.Смирнова: «В советской психологической науке первая попытка осветить и показать историю отечественной психологии с марксистских позиций и показать творческое усвоение русской психологической мыслью лучших достижений мировой науки, а также значительность вклада русской психологии в мировую психологическую науку принадлежит Б. Г. Ананьеву... » (Смирнов 1975: 9).

больших полушарий головного мозга в целостной работе коры» (Ананьев Б. Г. Индивидуальные различия чувствительности. — Архив РАН (СПб.). Ф.805. Оп. 1. №3/1940/. С.9). В ходе исследований Б. Г. Ананьев сформулировал гипотезу, над проверкой которой долгие годы работали его сотрудники и ученики, о специфическом значении парности органов чувств и больших полушарий головного мозга для пространственной ориентации. В плане института на 1941 г. читаем: «Симметрично расположенные парные органы чувств имеют наибольшее гностическое и дистантное значение, являясь основными органами пространственного различения. Исследование предполагает выяснение роли их взаимодействия в пространственном различении и особенно — установить роль взаимоотношения больших полушарий коры в работе в этом взаимоотношении» (Научно-производственный план института на 1941 г. — Там же. Ф.805. Оп.2. №8/1941/).

Важно обратить внимание, что этот цикл исследований проводился совместно с секторами морфологии, физиологии и психопатологии. Так, по плану Института 1939 г. физиолог И. М. Вул изучал онтогенез тактильной и болевой кожной чувствительности, биохимик Г. Г. Иванов — влияние болевых раздражителей на химизм крови (Научно-производственный план института и его секторов на 1939 г.—Там же. Ф.805. Оп.2. №10/1939/). В планах 1941 г. под одной рубрикой перечислены работы морфологов («Эмбриональное развитие коры зрительной области») и психологов («Изменение формы и величины цветных объектов на расстоянии») и др. (Научно-производственные планы института и его отделов III и IV кварталов 1941 г. Июль 1941 г. — Там же. Ф. 805. Оп. 2. № 10). Осуществление совместных, междисциплинарных исследований способствовало накоплению опыта сотрудничества и формировало междисциплинарное мышление их участников. Подобные объединения практиковались и в годы войны, когда институт перешел на оборонную тематику. Например, была определена межсекторная тема «Изучение нарушения и восстановления психических процессов, сознания в целом при открытых и закрытых травмах черепа» (Там же).

В конце тридцатых годов в секторе патопсихологии (зав. В. Н. Мясищев) разрабатывались проблемы патологии аффекта, воли и интеллекта. В. Н. Мясищев работал над темой «Психологическое значение гальванического феномена» (Научно-производственный план института на 1937 г. —Там же. Ф. 805. Оп. 2. №9/1937/). Он и его сотрудники приступили к теоретическому исследованию

проблемы отношений. В плане обозначены темы «Психологическая классификация отношений в связи с задачами психологического анализа», «Методы исследования отношений в связи с задачами психодиагностики», «Понятие типа поведения и характера в психологии» (Тематический финансовый план института на 1936 г. — Там же. Ф.805. Он. 2. №6/1936/).

Вопросы комплексного подхода в программе деятельности Института стали предметом обсуждения на Ученом совете 15 февраля 1941 г. Директор института В. П. Осипов предлагал сократить количество разрабатываемых тем, профессор Е. Э.Гольденберг высказывался за создание межсекторных бригад, В.Н.Осипов — за налаживание научного общения смежников. Свою позицию изложил Б. Г. Ананьев: «... вопрос достижения комплексности должен пройти через ряд конкретных исследований, но нельзя, чтобы один отдел был заказчиком, а другой — исполнителем. Это должно идти путем встречных заявок... Метод комплексного исследования будет иметь свои специфические особенности и должен потребовать к себе очень обдуманного отношения» (Протоколы заседаний Ученого совета. — Там же. Ф. 805. Оп. 2. № 3/1941/. С. 3). Реализация этих предложений и дальнейшая методологическая работа приостановились в военных условиях.

В годы Великой Отечественной войны все отделы Института мозга включились в исследования по оборонной тематике. В июле-августе 1941 г. по инициативе Б. Г. Ананьева были организованы специальные работы по изучению восприятия городских строений с высоты. Их проводила группа психологов Института мозга: Н. К. Гусев, Р. А. Каничева, З. М. Беркенблит, А. И. Зотов под руководством Б. Г. Ананьева, при участии архитекторов (под руководством академика архитектуры А. И.Гегелло). Они поднимались на башню Исаакиевского собора и проводили полевые эксперименты на восприятие удаленных объектов. Помогли довоенные, тридцатых годов, исследования по госзаказу, связанного с проектом Дворца Советов в Москве. Дворец небывалых размеров на месте взорванного большевиками храма Христа-Спасителя так и не был построен, а данные о закономерностях восприятия остались. В итоге эти работы и основанные на них рекомендации помогли защитить от разрушения многие ценные в художественном и стратегическом отношении объекты Ленинграда.

В начале декабря 1941 г. по решению Правительственной комиссии по эвакуации тринадцать сотрудников Института мозга во гла-

ве с директором В. П. Осиповым были эвакуированы из осажденного Ленинграда сначала в Казань, а затем в Самарканд. В Самарканде психологи Института мозга работали в госпиталях как врачи. Вместе с тем решали исследовательские задачи, в частности изучали постконтузионные изменения слуха (В. И. Кауфман) и зрения (А. И. Зотов). Б. Г. Ананьев с женой, О. Е. Короли, из Казани переехал в Тбилиси на родину жены и стал работать ординатором, а потом начальником психопатологического кабинета эвакогоспиталя. В Тбилиси он занимался восстановлением речевых и сенсорных функций. Он собрал клинический архив — истории болезни и энцефалограммы двухсот пятидесяти пациентов, на основе которого провел исследования по медицинской психологии и психологии речи.

Эвакуированные и оставшиеся в Ленинграде сотрудники Института мозга не прекращали научно-исследовательскую и практическую работу. «Общей проблемой для всех отделов и лабораторий Института стало изучение поражений центральной и периферической нервной системы морфологическими, физиологическими, клиническими методами. Особенное развитие в исследованиях этого периода получила тематика, связанная с травмами военного времени, в частности черепно-мозговыми; наряду с воздушными контузиями был изучен ряд групп мозговых ранений и их осложнений... В результате были вскрыты патофизиологические и психологические механизмы ряда посттравматических состояний, выявлена функциональная недостаточность ряда внутренних органов, явившаяся следствием поражения головного мозга; изучены были нарушения различных видов чувствительности к внешним и внутренним раздражениям, процессы адаптации, имеющие значение для понимания происхождения ряда постконтузионных состояний, вопросы о трудностях и ошибках распознавания мозговых ранений, что способствовало правильному и успешному лечению. Физиологические и психологические исследования показали особенность деятельности пораженного мозга и динамический, функциональный характер ряда нарушений» (Зюзин, Кауфман 1947: 14).

В отчете 1942 г. значились военные темы: «Вкусовая рецепция как показатель внутреннего состояния организма», «Причина потери аппетита у летчиков после полета (по литературным источникам)» (Н.К.Гусев), «Острота вкуса при дистрофии» (Н.К.Гусев, С. Е. Друпкина), «Стереогностические расстройства при травмах мозга» (А.Н.Давыдова), «Характер расстройств слуха при от-

крытых и закрытых травмах головного мозга» (С. Е. Драпкина) (Отчеты сотрудников по НИР за 1942 г.— Архив РАН (СПб.). Ф.805. Оп.2. №8/1942/).

В ноябре 1943 г. Б. Г. Ананьев вернулся в Ленинград и стал работать в Ленинградском государственном педагогическом институте им. А. И. Герцена. Здесь он организовал психологическую лабораторию по изучению речи, в которой развернулись экспериментальные коллективные исследования (Психология речи 1946).

Весной 1944 г. вернулась из Самарканда в Ленинград группа сотрудников Института мозга во главе с директором. На научной сессии института 3-7 марта 1945 г. были подведены итоги деятельности военного периода. В войну Институт мозга понес значительные потери. Здание было повреждено во время бомбежек, погибли сотрудники. Вскоре после войны, 22 мая 1947 г., ушел из жизни директор Института мозга В. П. Осипов, член-корреспондент АН СССР, академик АМН СССР, генерал-лейтенант, человек с большим авторитетом в научных кругах и во властных структурах. Потеря такого руководителя, а также целого ряда ученых, ушедших из института или погибших в войну, ослабила научное учреждение. Были и личностные причины такого исхода — околону научная борьба амбиций. (Устные свидетельства современников указывают на роковую роль в этом событии академика К. М. Быкова.)

В ноябре 1948 г. Институт мозга приказом Министерства здравоохранения СССР был закрыт. На его базе был создан новый Институт физиологии центральной нервной системы АМН СССР, директором которого был назначен физиолог академик К. М. Быков. В 1950 г. это учреждение было объединено с Институтом эволюционной физиологии и патологии высшей нервной деятельности и физиологическим институтом им. И. П. Павлова, в результате чего образовался нынешний Институт физиологии РАН им. И. П. Павлова.

Резолюция Всесоюзной конференции, посвященной 100-летию В. М. Бехтерева, констатировала, что «с ликвидацией в 1948 г. Института мозга им. В. М. Бехтерева в Ленинграде фактически прекратилась комплексная научная разработка проблем человеческого мозга и личности человека силами анатомов, физиологов, биохимиков, психологов, невропсихиатров, педагогов и гигиенистов, объединенных в одном учреждении, как это было в Институте мозга» (В. М. Бехтерев и современные проблемы 1959: 289).

* * *

На протяжении тридцатилетней жизни Института мозга его деятельность подчинялась принципам единства структуры и функций мозга, развития, сравнительного изучения нормы и патологии, связи теории и практики, наконец, принципу комплексного подхода. Последний в наибольшей степени определял лицо института. Комплексность неоднократно провозглашалась как принципиальная установка в выступлениях руководителей Института и осуществлялась на деле. Объекты комплексных исследований: нервно-психическая деятельность, мозг, личность, поведение, — подверглись многостороннему изучению с точки зрения нескольких научных дисциплины морфологическими, гистологическими, физиологическими, биохимическими, рефлексологическими, психологическими, психотехническими методами.

В институте отделы и сектора объединялись не только организационно, но и по содержанию проблем. В конце двадцатых годов общей проблемой была трудовая деятельность, в 1929-1930 гг. была предпринята попытка объединиться по проблеме поведения, после 1932 г. — по проблеме развития личности. В конце тридцатых годов в плане института было несколько *сквозных тем, над которыми работали ученые из разных секторов*. В годы войны общей задачей стала разработка теоретических и практических вопросов лечения и восстановления нервно-психических функций раненых, складывались и более локальные объединения, межсекторные бригады, например под руководством В. Н. Осиповой — для исследования шизофрении, под руководством Б. Г. Ананьева — для организации практической службы в школе.

Полидисциплинарность и вместе с тем фрагментарность исследований Института мозга обнаруживается при анализе его печатной продукции. Среди работ и публикаций не найти таких, которые носили бы синтетический характер, обобщались не только результаты исследований одного сектора, одной лаборатории, но нескольких в едином теоретическом контексте.

Надо признать, что замысел В. М. Бехтерева относительно комплексного научного учреждения был более обширным и смелым, нежели его реализация. Это видно даже из того факта, что структура института неуклонно упрощалась по сравнению с первоначальным планом Бехтерева. По его проекту намечалось 23 подразделения (Институт 1919). По отчету за первый год существования в институте числилось 16 научных подразделений (Институт 1919а). В 1919-1920 гг. их стало 11 (Отчет 1921), в Уставе, утвержденном

Наркомпросом РСФСР в 1922 г., предусматривалось 15 структурных единиц (Организация науки 1968: 25). Затем количество секторов сократилось. Постановление Наркомпроса в 1932 г. утвердило шесть секторов. Это количество сохранилось до конца существования института, хотя названия секторов и содержание их работы менялись. Внутри секторов образовывались лаборатории в зависимости от проблематики текущих исследований или рабочие группы, иногда межсекторные. В институте работал Музей сравнительной анатомии, физиологии и психологии с Пантеоном мозга при нем (Рогинский 1936).

Изменения первоначальных замыслов и планов В. М. Бехтерева обусловлены рядом причин. Во-первых, историческими обстоятельствами первых лет советской власти, когда из-за недостатка средств, кадров, оборудования некоторые лаборатории и отделы пребывали в зародышевом состоянии, не имея возможности развиваться, и были упразднены. Во-вторых, со временем уточнялся профиль института ввиду образования в стране новых научных учреждений, которые взяли на себя часть проблематики, ранее запланированной в Институте мозга. Например, Отдел развития с младенческим отделением был в 1932 г. переведен в Московский институт педиатрии. В-третьих, и это главное, были приняты государственные идеологические и организационные меры против рефлексологии, а потом педологии и психотехники, вследствие чего закрылись или были преобразованы некоторые подразделения. Так, после кампании против «механистов», и в том числе рефлексологов, в институте были ликвидированы самостоятельные рефлексологические секторы, а после 1936 г. из института исчезло все, что было связано с педологией.

Как бы то ни было, никто не отменит первенства В. М. Бехтерева и его школы в разработке комплексного человекознания. В истории психологии незыблем факт, что именно Бехтерев подготовил почву для реализации принципа комплексности самой организацией такого многопрофильного института, как Институт мозга, преемник дореволюционного Психоневрологического института. В нем были опробированы различные составы междисциплинарного комплекса наук, изучающих мозг и психическую деятельность, и шире — человека. Был накоплен опыт по организации комплексных исследований в разных формах. К таковым надо отнести межсекторные бригады, регулярное проведение заседаний Ученой конференции института, научных сессий, дискуссий с участием всех

секторов. Важно, что руководство института постоянно поддерживало дух коллективизма и единства, напоминало об общей целевой установке, обращало внимание на развитие чувства гордости за свой институт путем изучения его истории, проведения экскурсионной работы, привлечения в институт высоких гостей и т. д. В этом плане свою роль сыграли юбилейные сессии, посвященные 80-летию В. М. Бехтерева и 20-летию института в 1937 г. и 1938 г., 40-летию научной деятельности В. П. Осипова в 1935 г., и др.

Для перспективы комплексных исследований важно было то обстоятельство, что коллектив Института мозга был в основе своей воспитан В.М.Бехтеревым. Его сотрудники — ученики выдающегося ученого, для которых он был высочайшим авторитетом в научном и нравственном отношении. Личность Бехтерева была важнейшим фактором сплочения коллектива и налаживания междисциплинарного сотрудничества в нем. Кроме того, только В. М. Бехтерев предпринимал попытки синтеза тех данных, которые были получены в разных отделах и лабораториях Института и в системе всей Психоневрологической академии.

Противоречивые установки мировоззрения Бехтерева и известные исторические обстоятельства двадцатых-тридцатых годов привели его школу к отказу от рефлексологической доктрины. Однако и в этих условиях государственного идеологического диктата и контроля рациональные моменты программы Бехтерева не были преданы забвению и продолжали развиваться в новых исторических условиях, на новых методологических основах. К таким прогрессивным моментам надо отнести комплексный подход, с которым Бехтерев и его последователи связывали материалистическое решение фундаментальных вопросов психологии.

Знакомство с историей деятельности Института мозга показывает, что комплексные исследования здесь имели *суммативный* характер. Они не завершились построением какой-либо общей синтетической теории. В работе института превалировал аналитический подход к многостороннему системному объекту — человеку, личности.

При жизни Бехтерева рефлексология мыслилась общей для всех научных дисциплин теоретической базой комплексных исследований. Знаменательно в этой связи, что в 1925 г. Институт по изучению мозга и психической деятельности был переименован в Государственный рефлексологический институт по изучению мозга. Но после смерти В. М. Бехтерева его название вновь было изменено на

Институт по изучению мозга им. В. М. Бехтерева. Рефлексология в силу своей ограниченности, упрощенности в понимании личности и психики не смогла служить основой интеграции разнородных данных о человеке. После смерти В. М. Бехтерева ни одному из сотрудников института в тридцатых-сороковых годах не удалось предложить концепцию, которая стала бы общей основой деятельности разных специалистов и синтеза многообразных разнородных данных. Создание такой концепции было делом будущего.

Глава 4

ФОРМИРОВАНИЕ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ Б. Г. АНАНЬЕВА И ЗАМЫСЛА КОМПЛЕКСНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЧЕЛОВЕКА

После упразднения Института мозга идея комплексного изучения человека в психологии довольно длительное время существовала в латентном виде — в сознании учеников В.М.Бехтерева, бывших сотрудников института. Второе рождение этой идеи связано с именем Б.Г.Ананьева. Длительный период его деятельности после закрытия Института мозга можно считать подготовительным по отношению к комплексным исследованиям человека, организованным им в 1960-х годах. Вместе с тем этот период имеет вполне самостоятельную ценность и большое значение в биографии ученого. В это время под руководством Ананьева были проведены многочисленные конкретные исследования, научно-организационные мероприятия (конференции и т.п.); им опубликовано наибольшее количество научных трудов, в том числе капитальные монографии «Психология чувственного познания» (Ананьев 1960) и «Теория ощущений» (Ананьев 1961а). Без реконструкции событий данного периода невозможно понять, какими путями Б.Г.Ананьев шел к возрождению дела В. М. Бехтерева, какие задачи он решал, подготавливая для них все условия.

Одно из главных условий развертывания комплексных исследований — создание работоспособного научного коллектива. Процесс формирования такого коллектива протекал в лоне психологической школы Ленинградского университета, которую воспитал Б. Г. Ананьев. В истории психологии прослеживается единая линия развития научных школ В. М. Бехтерева и Б. Г. Ананьева. Эти школы преемственно связаны и имеют идейное родство. В этом смысле школа Ананьева принадлежит бехтеревскому направлению психологии (Логинова 1990, 1995). Вместе с тем она имеет свое лицо, поскольку строилась на иных методологических основаниях, в иную историческую эпоху.

В предреволюционные годы В.М.Бехтерев стоял в авангарде естественнонаучной психологии, а после Октября стремился осво-

ить марксизм, но не отказывался от собственного мировоззрения, сложившегося задолго до возникновения советской марксистской психологии. По-иному складывалось мировоззрение Б. Г. Ананьева. Он начал научную деятельность в 1925 г. студентом Горского педагогического института в родном Владикавказе. Его первый научный наставник доцент этого института Р. И. Черановский был сторонником рефлексологии Бехтерева¹. Вероятно, по совету и при содействии Р. И. Черановского Б. Г. Ананьев получил направление на стажировку в Институт по изучению мозга и практиковался там в течение нескольких месяцев 1927 г., еще при жизни В. М. Бехтерева. После окончания Горского педагогического института Ананьев поступил в аспирантуру Института мозга, а с конца 1930 г. стал его научным сотрудником. В этом учреждении Б. Г. Ананьев прошел основательную подготовку по психологии, рефлексологии, педологии, физиологии и морфологии нервной системы и другим смежным наукам, представленным в разных отделах института.

Он очень скоро стал активным участником методологических дискуссий и строителем советской психологии, искренне восприняв марксизм и ленинские идеи о психическом отражении. В настоящее время марксизм и тем более ленинизм рассматриваются преимущественно сквозь призму их роковой исторической роли для судеб нашей страны. Однако если искать ответ на вопрос о научном значении идей Маркса и Ленина, то их политизированная оценка явно недостаточна. Необходимо заново их осмысливать, не впадая в безудержную былую апологетику и полный нынешний нигилизм. Такую задачу мы не беремся решать, а лишь подчеркнем историческую предопределенность внедрения марксизма и ленинизма в советскую психологическую науку и в сознание ее деятелей.

Для научной молодежи тех лет этот процесс был органичным, в отличие от старшего поколения, мировоззрение которого сформировалось до революции. В 1920-1930-е годы, когда совершался «великий перелом» в науке и происходил процесс становления советской психологии, Б. Г. Ананьеву шел третий десяток лет. В этом сенситивном, студенческом еще возрасте он вместе с другими учеными пережил жестокие идеологические и политические кампании тех лет. Теперь трудно и даже невозможно определить, в каких случаях у российских психологов приобщение к марксизму было

¹Б. Г. Ананьев характеризовал Р. И. Черановского как представителя ленинградской школы Бехтерева и Павлова (Ананьев 1933).

по убеждению, а в каких вынужденно. Но несомненно, что фактор возраста играл при этом определенную роль.

Развитие комплексного подхода неразрывно связано как с деятельностью школы В. М. Бехтерева, так и школы Б. Г. Ананьева. Вот почему в нашем исследовании мы не можем обойти стороной историю психологии в Ленинградском, ныне Санкт-Петербургском государственном университете. При этом мы опираемся на представления современного науковедения о феномене научной школы (Антонов 1985; Бойко 1973; Умрихин 1987; Школы в науке 1977; Ярошевский 1973).

Научная школа — неформальное объединение ученых вокруг лидера, основателя школы. Она выполняет две главные функции — исследовательскую и воспитательную. Школа является коллективным субъектом научной деятельности и носителем методологических, организационных и нравственных традиций. Школа — «питомник» нового поколения исследователей. Здесь происходит приобщение молодой смены к научным традициям в процессе исследовательской деятельности под руководством главы школы, в непосредственном общении с ним и его старшими учениками.

Существуют различные типы научных школ в зависимости от доминирования в них тех или иных функций. М. Г. Ярошевский (1977) выделил три ее типа: 1) *научно-образовательная* школа, главной функцией которой является воспитание исследователей с определенным методологическим строем мышления; 2) *школа — исследовательский коллектив*, который выполняет главным образом исследовательскую функцию; 3) *школа — научное направление*, иначе говоря, носитель определенной традиции в широком научном сообществе; направление выходит за пределы «родительского» коллектива и существует как научная ориентация ряда коллективов и отдельных ученых. Указанные типы могут быть фазами развития одной и той же школы.

К. А. Ланге предложил типологизировать научные школы на основе различий в их организационной базе (1977). Так, существуют «классические» школы, которые формируются исключительно в высших учебных заведениях. По-видимому, в них преобладает воспитательная функция, тогда «классическая» школа по существу совпадает с первым из вышеназванных типов. «Современная» научная школа, как правило, создается на базе научно-исследовательского института, а ее главной функцией является получение новых знаний. Ее можно отнести ко второму типу, по Ярошевско-

му. В классификации К. А. Ланге имеется третий тип — разновидность современной школы — «научно-исследовательское» объединение, которое имеет комплексный, междисциплинарный характер и строится по проблемному принципу. И классическая, и современная школы могут стать научным направлением (третий тип, по Ярошевскому).

Вслед за М. Г. Ярошевским мы связываем процесс консолидации научной школы любого типа в первую очередь с наличием оригинальной исследовательской программы, выдвинутой ее лидером-основателем. Программа — системообразующий фактор научной школы, который проявляет себя в этом качестве в процессе исследовательской деятельности ученых по этой программе. Логично поэтому задаться вопросом, на основе какой исследовательской программы формировалась научная школа Б. Г. Ананьева? Важно также выяснить, к какому типу она относится, на каких этапах преобладали те или иные ее функции, какова роль личности основателя школы Б. Г. Ананьева в процессе становления школы. Поиск ответов на эти вопросы не может быть изолирован от истории науки и общества.

Согласно программно-ролевой концепции развития науки М. Г. Ярошевского (Ярошевский 1974, 1977, 1978, 1981), реконструкция истории научной школы должна проходить в «трехмерном пространстве», которое определяется логико-предметной, научно-социальной и личностно-психологической координатами. Таким образом, реконструкция может отразить историю школы в конкретных социально-исторических обстоятельствах ее деятельности по программе и под руководством ее основателя.

ФОРМИРОВАНИЕ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ Б. Г. АНАНЬЕВА

Начало психологической школы Ананьева можно отнести к середине тридцатых годов, когда он стал руководить лабораторией, а позже сектором (отделом) психологии в Институте мозга. Но все же в полном смысле слова его школа — это школа психологов ЛГУ-СПбГУ. Ее формирование стало возможным с открытием кафедры и отделения психологии в Ленинградском университете в 1944 г. По приглашению ректора ЛГУ А. А. Вознесенского Б. Г. Ананьев возглавил эти подразделения и приступил к обучению студентов —

первых новобранцев этого учебно-научного коллектива. Удивительно, но психологическое отделение было открыто в разгар войны, наряду с тем, что в 1943 г. была основана Академия педагогических наук РСФСР, а ранее, осенью 1942 г. была образована кафедра психологии в МГУ. В 1945 г. в Институте философии АН СССР организован и возглавлен С. Л. Рубинштейном сектор психологии.

Оживление в психологической науке и образовании сочеталось с новой волной идеологического и политического насилия в стране в послевоенный период. Как известно из истории советской науки, в конце сороковых и начале пятидесятих годов чередой следовали идеологические кампании и жестокие гонения на философию, генетику, психологию, кибернетику. По инициативе ЦК ВКП(б) и под присмотром Сталина проводилась ненаучная «критика», направленная на дискредитацию многих истинных ученых и их исследований²; имеется в виду борьба с так называемыми космополитами 1947 г., обернувшаяся изоляцией советской культуры и науки от мировой, приведшую к тяжелым человеческим драмам, насквозь идеологизированную сессию Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В.И.Ленина (ВАСХНИЛ) 1948 г., которая на много лет вывела из строя отечественную генетику и прервала нормальный рост биологической науки в целом, наконец, объединенную сессию АН СССР и АМН СССР, посвященную учению И.П.Павлова (1950) (Научная сессия 1950).

Последнее событие особенно сказалось на судьбе психологической науки. Прежде чем оценить сессию АН СССР и АМН СССР, надо сказать определенно, что союз психологии и естествознания органичен и не нуждается в насильственном внедрении, как это случилось под знаком «павловской» сессии. Тогда, на сессии, и в последующий период физиология высшей нервной деятельности была противопоставлена психологии, теория И. П. Павлова — теориям других ученых. Павловская физиология провозглашалась единственно научной, а все остальное в области изучения поведения и психики ненаучным, чуть ли не мракобесием. Такой подход вульгаризировал учение И. П. Павлова, исказил его истинную роль в истории науки. Физиолог академик К. М. Быков на сессии выступил с позиций отрицания всей «допавловской» психологии, вероятно, имея в виду в том числе исследования В. М. Бехтерева и его учени-

² Яркие воспоминания о событиях тех лет в отечественной генетике, их героях и подлесах опубликовала в 1983 г. в Нью-Йорке генетик Р. Л. Берг (Берг 1993).

ков. Подобные мотивы и выпады против психологии имели место и в других выступлениях.

После «павловской» сессии 1950 г. был создан культ И. П. Павлова, чуждый, как и всякий культ, духу свободной научной мысли. Возросли ликвидаторские, по отношению к психологии, настроения, стремления заменить ее физиологией высшей нервной деятельности. Все действующие психологи обязаны были внедрять в свои исследования понятия и методы физиологии высшей нервной деятельности и всегда ссылаться на труды И. П. Павлова и его сотрудников. Вольно или невольно приходилось корректировать тематику научно-исследовательских работ и интерпретацию полученных результатов в духе физиологии высшей нервной деятельности. Воспоминания современников и участников событий в период «позднего» Сталина (40-50-е годы) дают возможность почувствовать, в каких условиях приходилось тогда работать ученым. В. Н. Садовский, рассказывая о своих студенческих годах на философском факультете МГУ того времени, пишет: «Сказать, что эта атмосфера была ужасной, — это почти ничего не сказать» (Садовский 1993: 149). Подобное было и в других вузах, институтах, лабораториях. Работать было порой невозможно, но ученые не сдавались, боролись за сохранение науки как только могли.

Открытие кафедры и отделения психологии в Ленинградском университете в 1944 г. положило начало университетскому учебному и исследовательскому центру во главе с Б. Г. Ананьевым, который уже был к тому времени признанным лидером ленинградских психологов. Вместе с Б. Г. Ананьевым и чуть позже пришли в ЛГУ Р. А. Каничева, В. И. Кауфман, А. Г. Ковалев, А. А. Люблинская, В. Н. Мясищев, Н. В. Опарина, С. И. Поварнин, А. А. Прессман, Г. С. Рогинский, А. А. Самарин, Н. А. Тих, Ф. Н. Шемякин, Л. А. Шифман и другие. Более половины членов кафедры когда-то работали или учились в бехтеревских институтах.

Историческая связь университетской психологической школы с бехтеревским направлением особо подчеркнута Б. Г. Ананьевым в статье, посвященной юбилею Ленинградского университета: «Общность научного развития ученых, основавших и строивших психологическое отделение, дает основание считать важнейшим источником современной психологической школы Ленинградского университета бехтеревское направление объективной, генетической и личностной психологии, начало которой связано с Психоневрологическим Институтом — первым свободным университетом в

царской России» (Ананьев 1969а: 84). Б.Г.Ананьев не раз указывал также на связь университетской психологической школы с передовым естествознанием, представленным в Петербургском университете В. А. Вагнером, Н. Е. Введенским, И. М. Сеченовым, А. А. Ухтомским и другими замечательными учеными.

В планах кафедры в первые годы ее существования значились две проблемы, над которыми работали не только сотрудники, но и студенты. Во-первых, планировались исследования по проблеме ощущений, восприятия и представлений, главным вектором стала идея о диалектическом переходе от ощущения к мысли. Второе направление работы кафедры было характерологическим (Ананьев 1948). Как видим, тематика кафедры продолжала исследования Отдела психологии Института мозга конца 1930-1940-х годов. В конце 40-х годов Б.Г.Ананьев опубликовал значительные работы по характерологии и самосознанию ребенка, но затем сосредоточился на проблеме ощущений. Психология личности вышла в центр научной работы кафедры в середине 50-х годов, когда кафедрой психологии заведовал В. Н. Мясищев. Тогда были изданы монография В. Н. Мясищева и А. Г. Ковалева «Психологические особенности личности» в двух томах (1957, 1960), монография В. Н. Мясищева «Личность и неврозы» (1960), сборники по психологии способностей (Склонности и способности 1962), потребностей (Психология, 1959) и др.

Университетская школа формировалась под воздействием не только Б. Г. Ананьева, но и другого выдающегося ученого В. Н. Мясищева, что дает основание считать университетскую школу психологов школой Б. Г. Ананьева — В. Н. Мясищева (такой точки зрения придерживался Б.Ф.Ломов). Однако, учитывая, что именно ананьевская программа послужила платформой консолидации университетских психологов, честь создания университетской школы принадлежит все-таки Б. Г. Ананьеву с его государственным масштабом мышления, выходом на фундаментальные проблемы, всесторонним охватом проблемного поля психологической науки и тесной связью с разными сферами общественной практики. В. Н. Мясищев создал школу клинических психологов в ЛГУ и Психоневрологическом институте имени В. Н. Бехтерева на основе психологической теории отношений.

Б. Г. Ананьев отличался яркими организаторскими способностями. Те, кто был рядом с ним, говорят о необыкновенном обаянии его личности. Харизма Ананьева тем сильнее, что она действова-

ла при полном отсутствии саморекламы и демонстративности. Ему в высшей степени было свойственно благородство души и стиля поведения. Он умел сплачивать людей, вдохновлять, побуждать к интенсивному и радостному труду. К нему тянулись люди и находили поддержку своим научным интересам и поискам, у него они получали путевку в большую науку.

Воспитанию единомышленников служил уникальный педагогический талант Ананьева. Педагогической деятельностью он начал заниматься еще до войны, когда читал лекции в Институте истории, философии и лингвистики, Академии коммунистического воспитания им. Н. К. Крупской, педагогическом институте (ЛГПИ) им. А. И. Герцена и других учебных заведениях. Е. Г. Ананьев стремился развить лучшие потенциалы каждого своего ученика, заботился о своих воспитанниках, даже когда они становились самостоятельными исследователями³. Он хотел каждого университета психолога вовлечь в совместный научный поиск, творческий процесс. Закономерно, что в 1946 г. его, молодого тогда профессора, выбрали первым председателем студенческого научного общества Ленинградского университета.

Стиль педагогики Ананьева отличался гармоничным сочетанием теоретической подготовки и привития практических навыков. Обычно его ученики приобщались к науке в процессе выполнения эмпирического исследования, где можно испытать все этапы исследовательского цикла — от организации эксперимента, до обработки и интерпретации, где был непосредственный контакт с психологической реальностью, живыми людьми. «Чтобы стать теоретиком, прежде надо стать эмпириком», — внушал Борис Герасимович своим ученикам. Он воспитывал культуру исследования и справедливо полагал, что она возможна только тогда, когда есть опора на опыт предшественников: «Пора понять, что *преemptивность передовой культуры* есть одно из условий культуры каждого из научных исследований» (Стенограмма доклада Б. Г. Ананьева на засе-

³Характеризуя Б. Г. Ананьева, проф. А. Ц. Пуни отмечал, что в его личности сочетались «высокая принципиальность, требовательность (прежде всего к самому себе), иногда даже беспощадность, и в то же время удивительная чуткость, мягкость, чуть ли в некоторых случаях не нежность к людям, особенно молодым, еще не очень опытным, но перспективным работникам, готовность всегда прийти им на помощь и словом и делом» (из письма автору книги от 22 апреля 1981 г.). В том же духе пишет о нем проф. А. А. Люблинская: «Неизменная забота и доброжелательность по отношению к молодежи была его отличительной чертой» (из письма автору книги от 5 июля 1981 г.).

дании Ученого совета 26/11-1954 г. «К научной разработке проблемы системы учебно-воспитательной работы школы» и стенограмма обсуждения доклада. — Центральный государственный архив СПб. Ф. 9754. Оп. 1. № 1402. С. 11). Учитывая коллективный характер современной науки, он особенно ценил дух товарищества в научном труде. Он хотел бы выпускать своих питомцев не по одиночке, а студиями, как это делается в театральных вузах, чтобы к месту работы прибыл готовый коллектив.

Следует отметить еще одну грань его таланта, который весь был поставлен на службу психологической науке — редкостный дар оратора. Его лекции, выступления, реплики воспринимались как произведения ораторского искусства и неизменно покоряли слушателей... После одного выступления он получил записку из зала, которую сохранил в своем личном архиве: «Ваш доклад имеет отрицательную сторону. Он совершенно не дает слушать последующий». В речах Ананьева не было внешней эффектности, цветистости, тем более игры на публику. Был искренний пафос, который воодушевлял, и мощная логика, которая покоряла слушателей. В учебных лекциях и научных докладах Б. Г. Ананьев стремился к фактической аргументации, никогда не был голословным, не скрывал пробелы в научных знаниях за красивыми словесными построениями или домыслами. Ему была свойственна неуклонность в развитии мысли и точная яркая форма речи. Борис Герасимович излагал свои мысли строго, серьезно, с какой-то потаенной страстностью, которая прорывалась наружу в неожиданном всплеске голоса и четком, гармоничном жесте. На лекциях он раскрывал перед слушателями процесс своего мышления и побуждал к самостоятельным размышлениям. Любил, когда ему задавали интересные вопросы. Чутко и глубоко реагировал на чужое непонимание и нигилизм по отношению к дорогим для себя научным идеям и фактам.

Как руководитель Ананьев был чрезвычайно деловит, умел выбирать главное направление коллективной работы, расставлять кадры с учетом способностей, интересов и биографии каждого, умел искренне радоваться успеху сотрудников, самому учиться у них. При этом Борис Герасимович мог так «высветить» материалы, полученные другим, что они приобретали значительность, которую нередко не осознавал и сам автор. Он считал, что «нужно глубоко проникнуть в научные данные исследования, для того чтобы содействовать автору в обсуждении действительных результатов, *нередко скрытых от самого исследователя*» (Стенограмма докла-

да Б. Г. Ананьева на заседании Ученого совета 26/11-1954 г. «К научной разработке проблемы системы учебно-воспитательной работы школы» и стенограмма обсуждения доклада. — Там же. Ф. 9754. Оп. 1. №1402. С. 12).

Борис Герасимович был очень демократичным, всегда выслушивал с вниманием и уважением чужое мнение и поддерживал полезные самостоятельные суждения, обычно развивая их в своем заключительном выступлении. Все обсуждения проходили при нем энергично, интересно, продуктивно. Ему было свойственно «исключительно бережное отношение ко времени собственному и чужому не только в индивидуальных беседах, но и на заседаниях, совещаниях различного масштаба» (Из письма А. Ц. Пуни автору книги от 22 апреля 1981 г.).

Говоря об организаторской деятельности Б.Г.Ананьева, нельзя не вспомнить те крупные научные мероприятия, в которых он играл ведущую роль, и которые имели большое значение не только для становления и развития университетской школы и психологической науки в Ленинграде, но и для развития всей советской психологии. Большим событием в жизни психологов послевоенного времени стала научная конференция университетов страны по психологии, организованная по инициативе Б. Г. Ананьева и проведенная в 1947 г. на базе Ленинградского государственного университета. Открывая конференцию докладом «Новые пути развития психологической науки в СССР», Ананьев кратко и выразительно обрисовал историю становления советской психологии, ее принципиальную новизну. В качестве задач ближайшего будущего он выделил разработку психофизиологической проблемы, проблем речи, мышления, единства сознания и деятельности, развития характера, ратовал за союз с физиологией, логикой, языкознанием, философией, за практическую нацеленность исследований психологов (1949).

Свое понимание стратегических задач советской психологии Б. Г. Ананьев высказал с трибуны Всесоюзного совещания по психологии в Москве (1952). Он призвал психологов страны мыслить и действовать в масштабе эпохи, работать не покладая рук, открывать новые факты, обобщать их, чтобы совершить подъем на новый теоретический уровень. Показательно для него убеждение о своеобразном балансе теоретического и эмпирического в научном познании. Он доказывал, что «идеи еще не составляют науки, подобно тому как идеи еще не составляют художественного произведения. Единство идеи и образа составляет художественное произведение.

Единство идеи и конкретных научных знаний о фактах и закономерностях необходимо для научного исследования» (Ананьев 1953: 215). «Мне представляется, — говорил он далее, — что никакое теоретическое исследование в психологии, никакое решение проблем в психологии не может идти в отрыве от материала, накопленного в области психологии, физиологии высшей нервной деятельности и смежных наук» (Там же: 216-217). Опора на факты всегда была принципом исследований Б. Г. Ананьева и его школы.

Позже на базе ЛГУ и Ленинградского отделения Общества психологов СССР не раз проводились всесоюзные научные мероприятия, которые проходили под руководством или при активнейшем участии Б. Г. Ананьева: совещания по проблемам психологии личности (1956), по проблемам восприятия пространства и пространственных представлений (1959), по вопросам восприятия пространства и времени (1962), II Всесоюзный съезд Общества психологов СССР (1963). Б. Г. Ананьев был в числе руководителей XVIII Международного психологического конгресса в Москве (1966) и организованного на нем симпозиума «Восприятие пространства и времени».

Становление научной школы Ленинградского (Санкт-Петербургского) университета происходило в тесной связи с событиями истории советской науки. Основание психологического отделения, а затем факультета психологии в Ленинградском государственном университете способствовало слиянию в единое русло научной, организаторской и педагогической деятельности Б. Г. Ананьева и созданию его научной школы. Коллектив этой школы в большой степени формировался в процессе разработки программы Б. Г. Ананьева по психологии чувственного отражения.

ПРОГРАММА И РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ПРОБЛЕМЕ ЧУВСТВЕННОГО ОТРАЖЕНИЯ

Контуры программы психологического исследования чувственного отражения были намечены Б. Г. Ананьевым в конце 1930-х годов в секторе (отделе) психологии Института мозга, основные работы были проведены в 40-50-х годах, в период становления психологического научно-образовательного центра Ленинградского университета. Эта программа оказалась наиболее завершенной и во многом определила лицо его научной школы. Закономерно, что именно Б. Г. Ананьев подготовил статью «Вклад советской психоло-

гической науки в теорию ощущений» для коллективного обобщающего труда советских психологов, двухтомника «Психологическая наука в СССР» (1959а).

Б. Г. Ананьев разрабатывал многоаспектную программу исследований психологии чувственного отражения в соответствии с собственными представлениями о роли и месте сенсорно-перцептивных процессов в структуре сознания, деятельности и жизнедеятельности. Эта программа испытала на себе влияние учения И. П. Павлова, так как в 50-е годы особенно актуальным стало физиологическое обоснование психических явлений, союз психологии с физиологией высшей нервной деятельности. В исследованиях по программе Б.Г.Ананьева широко применялся метод условных рефлексов, что соответствовало установке его научной школы на объективность психологического познания.

Исследовательская программа Б.Г.Ананьева основывалась на его оригинальной идее сенсорной (сенсорно-перцептивной) организации, в состав которой входят все без исключения виды чувствительности. Одной из задач исследовательской программы Ананьева было выявление социальной природы всех сенсорно-перцептивных функций, как «высших» (зрение, слух), так и «низших» (обоняние, вкус, боль и др.). При этом социальность ощущений выступала в логическом опосредовании ощущений и восприятий, зависимости характеристик образа от структуры деятельности субъекта и отношений личности, в определяющей роли труда в развитии чувствительности. Итак, многомерность — первая характерная особенность программы Ананьева.

Вторая особенность программы Б. Г. Ананьева может быть определена исходя из понимания им общего жизненного смысла психических и, в частности, сенсорно-перцептивных явлений (наилучшее приспособление организма на основе адекватного отражения самых общих условий его существования). К ним, несомненно, относятся пространство и время. Адекватное отражение пространственно-временных характеристик объектов, в том числе культурных — орудий труда, знаков, другого человека, — фундаментальная функция психического. На ее основе осуществляется ориентация и регуляция деятельности и поведения субъекта.

В повестку дня Б. Г. Ананьев поставил вопросы об особенностях отражения пространства и времени в разных модальностях ощущений, восприятий, представлений, на разных уровнях организации психики и сознания, вопросы о физиологических и психологиче-

ских механизмах пространственной ориентации в разных видах деятельности, о взаимосвязи пространства и времени в психическом отражении.

Для программы Б. Г. Ананьева характерен ярко выраженный генетический подход. Во-первых — и это главное, — предполагалось изучать сенсорно-перцептивные функции в процессе онтогенеза на всех возрастных этапах. Особое внимание уделялось зрелости и поздним возрастам, наименее изученным в то время по сравнению с детским.

Во-вторых, программе была свойственна глубина генетического подхода, когда ставилась задача сравнительного изучения феноменов отражения у человека и животных, а в перспективе объединения онтогенетического и филогенетического подходов. Понятно поэтому многолетнее и тесное сотрудничество Ананьева с биологами (особенно с проф. Э. Ш. Айрапетьянцем) и его поддержка исследований Г. З. Рогинского, Н. А. Тих и других ученых в области сравнительной психологии. В исследованиях профессора кафедры общей психологии ЛГУ Н. А. Тих Ананьев обратил особое внимание на факты специфичности раннего онтогенеза человека по сравнению с обезьяной и сделал вывод, что «... не только к учению, но и к созреванию нервно-психических функций человека приложимы меры социально-исторической детерминации индивидуального развития» (Ананьев 1966а: 8). Данные биологических экспериментов на животных способствовали обоснованию идеи Б.Г.Ананьева о том, что «билатерализация нервных механизмов — явление биологического прогресса, усиливающееся по мере кортикализации нервно-психических функций» (Ананьев 1963: 90).

В-третьих, программа Ананьева охватывала все три ступени чувственного познания — ощущения, и лежащие в их основе сенсорные функции, восприятия и представления. Б.Г.Ананьев справедливо полагал, что «... развитие ощущений так же невозможно вскрыть без превращения их в восприятие и представление, как невозможно обнаружить источник образования представлений без анализа чувственных впечатлений, являющихся их генетическим основанием» (Ананьев 1939: 94).

Реализация исследовательской программы по психологии чувственного отражения проходила в нескольких циклах работ, тесно связанных друг с другом, одновременных и последовательных. В плане систематического изучения природы всех основных видов чувствительности по программе Ананьева в разные годы были вы-

полнены исследования: по болевым ощущениям (З. М. Беркенблит, А. Н. Давыдова), слуховым (В. И. Кауфман), вибрационным и температурным (Н. И. Борисова, А. А. Рыкова, Д. А. Ставрова), по комплексу ощущений в структуре осязания (Л. М. Веккер, А. Н. Давыдова, Б. Ф. Ломов, Л. А. Шифман, А. В. Ярмоленко), по вкусовой и обонятельной чувствительности (Н. К. Гусев, Л. Н. Гольбина, Ф. Р. Гильманова), по зрительным функциям (М. Д. Александрова, Л. Н. Гольбина, М. Д. Дворяшина, А. И. Зотов, В. Н. Осипова, Е. Ф. Рыбалко и другие), по соместезии (Б. Г. Ананьев, А. И. Торнова).

Характерным циклом исследований в программе психологии чувственного отражения явились экспериментальные работы, посвященные проблеме осязания. Как и в других циклах программы, было апробировано и получило оформление немало идей, которые позже легли в основу комплексных антропологических исследований. Осязание рассматривалось в гносеологическом отношении как наиболее непосредственная форма чувственного отражения действительности, поскольку здесь происходит прямой телесный контакт субъекта с объектом. На модели осязания Ананьев продемонстрировал существенность межфункциональных связей, которые опосредуют любой вид чувственной деятельности. Так, комплекс тактильных ощущений включается в процессы других модальностей, в результате чего появляются ощущения вроде вяжущего вкуса, едкого запаха. С другой стороны, познавательные возможности осязания и входящих в его состав ощущений — тактильных, температурных, болевых, мышечно-суставных — зависят от работы зрительного анализатора, как было показано в работах Л. А. Шифмана (1940). Благодаря межфункциональным связям осязания и зрения сукцессивный ряд осязательных ощущений преобразуется в целостный симультанный образ.

Указанный аспект изучения осязания раскрывал функциональные механизмы этого перцептивного процесса. Не менее важны его операциональные механизмы. Осязание наглядно демонстрирует перцептивные действия. В частности, в опытах Б. Ф. Ломова методом киносъемки обнаружена микроструктура движений при одноручном или двуручном осязании в разных условиях восприятия. Исследование конкретизировало операциональный состав осязания — его гностические, измерительные, построительные, корректирующие операции, в которых представлены информационные и энергетические компоненты познавательной деятельности.

Познавательные функции обеих рук неодинаковы. «Функциональные сенсорно-двигательные асимметрии рук, имеющие в своей основе динамические взаимодействия обоих полушарий головного мозга, также имеют своим источником предметную деятельность человека, для которой характерно взаимодействие предмета и орудий труда» (Осязание 1959: 253). Осязание — продукт труда в антропогенетическом и индивидуально-биографическом масштабе. Осязание — важный компонент профессионального мастерства рабочего, скульптора, врача. Культура осязания необходима для формирования трудоспособности человека, трудовых навыков и умений.

Роль осязания и входящих в его состав ощущений в таких функциях жизнедеятельности, как удержание и опробование пищевого объекта, регуляция полового акта, поддержание нормального теплообмена, оптимального самочувствия велика. Не случайно, как отмечал Ананьев, наука не знает случаев полной анестезии всего тела, всей его наружной поверхности, а также полной потери кинестезии даже при параличах и ампутации. «Можно предположить, что отсутствие фактов полной, всеобщей и невозобновимой утраты осязания и кинестезии не является случайным. Подобная утрата была бы равносильна утрате способности человека к непосредственному взаимодействию с окружающей действительностью, его общей жизнеспособности, равносильна смерти» (Там же: 21).

Итогом всего цикла исследований явились не только новые знания о природе осязания, но и абрис программы дальнейшего исследования чувственного познания. Б. Г. Ананьев поставил задачу систематически изучать возрастные изменения всех видов чувствительности на протяжении жизни. Предстояло выяснить относительную роль разных видов анализаторов в процессе познания, дать всестороннюю картину феноменов чувствительности, что возможно только в результате комплексных исследований, в союзе естествознания, психологии, медицины и других наук.

В исследованиях по психологии чувственного отражения стержневой проблемой явилось отражение пространства и времени. Первые гипотезы и эксперименты в этом плане относятся к работам в довоенном еще Институте мозга, но наиболее активно исследования пространственно-временной ориентации развернулись в конце 40-50-х годов. За это время было выполнено более 70 экспериментальных работ (Ананьев 1958). В результате был раскрыт полимодальный механизм пространственной ориентации — все без ис-

ключения анализаторы участвуют в ней. На перцептивном уровне интеграция анализаторов осуществляется на основе перцептивных действий, включенных в управление объектом, в изображение и чтение. Обобщенные образы пространства составляют содержание представлений. Отражение пространства происходит и в мышлении благодаря усвоению геометрических, географических, технических и других знаний, а также обобщению на основе речи опыта пространственной ориентации. При этом подкрепление вербально-логического отражения сенсорным и перцептивным опытом обеспечивает его адекватность и практическую эффективность.

Взаимодействие больших полушарий головного мозга как общего механизма отражения пространства было доказано в многочисленных экспериментах сотрудников Б. Г. Ананьева. Е. П. Мирошина, например, вырабатывала условно-рефлекторное повышение остроты зрения одного глаза и затем проверяла уровень остроты в рецепторах другого глаза. Оказалось, что острота зрения в нем также повысилась без всякой предварительной тренировки, благодаря переносу выработанного рефлекса с одной стороны тела на другую. Аналогичный опыт и результаты имели место относительно кожной чувствительности каждой руки (данные Д. А. Ставровой, А.А. Рыковой) (Ананьев 1955). На содружественную работу больших полушарий указывал факт возникновения биоэлектрической активности в них обоих при ощупывании объекта одной рукой (данные А. В. Идельсона) (Там же). Перенос сенсорных, а также двигательных и сосудистых рефлексов с одной стороны тела на другую выявляет единство в работе двух полушарий мозга, что обеспечивает целостность отражения и поведения в пространстве и времени.

Индикатором совместной работы больших полушарий служит также факт асимметрии различных функций, поэтому Б. Г. Ананьев считал важным изучать ее в разных анализаторах, в разных видах деятельности. Полученные факты, свидетельствующие об асимметрии в функционировании парных рецепторов, привели Ананьева к выводу о том, что во всех анализаторах есть явление диспаратности, которое играет определенную роль в пространственной ориентации.

Решающим опытом для проверки гипотезы об особой роли парной работы больших полушарий в пространственной ориентации можно считать эксперименты М. А. Гузевой, в которых сопоставлялись условные рефлексы на качество сенсорного стимула с условными рефлексами на пространственные отношения. Используя пле-

тизмодграфическую условно-рефлекторную методику, М. А. Гузева показала, что дифференцировка пространственных отношений оказалась для детей более трудной, чем дифференцировка качества сигнала. Но самое главное — асимметрия рефлексов правой и левой руки наблюдалась только в ответ на пространственные отношения сигнала и никогда не возникала при варьировании количественных и качественных признаков объекта (Гузева 1957, 1963).

Аналогичные эксперименты по выработке условно-рефлекторной сосудистой дифференцировки качества сигнала и его временных характеристик были проведены В. П. Лисенковой. При дифференцировке качества сигнала преобладали симметричные реакции сосудов обеих рук. Картина менялась, появлялись асимметрии при дифференцировке временных отношений (Лисенкова 1966, 1969). Итак, в школе Б. Г. Ананьева были доказаны полимодальность чувственного отражения пространства и времени, роль билатеральной организации мозга в этом процессе. Этот цикл исследований пересекался и объединялся с исследованиями индивидуального психического развития, где феномены чувственного отражения рассматривались в плане онтогенеза и в то же время выступали индикаторами целостного психического развития индивида.

В серии работ коллектива НИИ педагогики АПН РСФСР, которым в 50-х годах руководил Ананьев, изучалось развитие восприятия и представлений о пространстве и времени у детей в условиях школьного обучения. Были проведены специальные наблюдения, опыты, анализ продуктов деятельности школьников на уроках геометрии и географии (О. П. Сергеевич), арифметики (Н. М. Яковлева), черчения (Б. Ф. Ломов), ручного труда (М. А. Гузева), рисования (О. И. Галкина), физкультуры (Л. А. Кладницкая). В результате была изучена роль навыков измерительной, графической, спортивной и других видов деятельности для развития пространственных представлений школьников. Переход натуральных движений на уровень предметных действий в процессах деятельности сенсибилизирует пространственные функции и развивает пространственное воображение. Участие второй сигнальной системы в отражении пространства и времени переводит его на качественно более высокий уровень (Формирование 1956).

Очень убедительно показали роль опыта деятельности в развитии пространственной ориентации эксперименты Р. А. Вороновой по выработке дифференцировки пространственного положения светового стимула у детей с поражением опорно-двигательного аппа-

рата. Как оказалось, эти дети хуже всего дифференцировали положение сигналов в направлении «верх-низ», что понятно, если учесть невозможность для них свободно перемещаться в пространстве и сохранять вертикальное положение тела (Воронова 1956). Овладение вертикальной позой играет существенную роль в появлении у ребенка устойчивых асимметрий, которые необходимы для пространственной ориентации (Бушурова 1956).

Из многих подобных фактов детской психологии Б. Г. Ананьев сделал вывод о том, что «накопление чувственных знаний о предметах окружающего ребенка мира является первой предпосылкой для образования и развития восприятия пространства» (Ананьев 1961: 5). Отражение предметов, выделение их из фона предшествует отражению собственно пространственных признаков. «Для образования механизма пространственного видения не менее (чем развитие собственно зрения. — *Н.Л.*) необходим предварительный цикл развития кинестезии рук и опорно-двигательного аппарата, пассивного и активного осязания, сложных условно-рефлекторных установок вестибулярного аппарата, с которым связаны ощущения равновесия и ускорения» (Ананьев, Рыбалко 1964: 38). Таким образом, в данном цикле исследований, на стыке возрастной и общей психологии получены факты, еще более укрепившие представления Ананьева о системном характере чувственного отражения, о том, что *функциональные связи являются условием развития каждой функции. Эта идея стала одной из основополагающих в последующих комплексных исследованиях.*

Другой вывод состоял в том, что механизмы пространственной ориентации имеют значение для общего психического развития, а явления асимметрии функций мозга служат его индикаторами. Убедительным подтверждением этому явились эксперименты М. Г. Бруксон, которая измерила характеристики пространственных функций зрения у нормальных детей и детей-олигофренов. Она нашла, что у последних асимметрия функций выражена меньше, чем у здоровых. Более того, увеличение тяжести дефекта нервной системы сопрягалось с уменьшением асимметрии вплоть до состояния полной симметрии функций. Таким образом, функциональная асимметрия больших полушарий головного мозга соответствует более высокому уровню психического развития человека (Ананьев 1955).

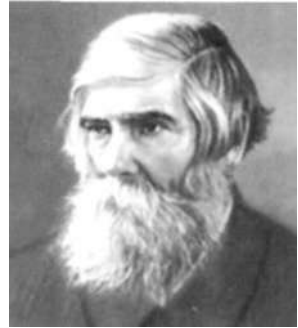
Позже, когда сотрудники Б.Г.Ананьева обнаружили явление асимметрии не только в анализаторах, но и в соматических функ-

циях, стало ясно, что «динамика билатеральных связей имеет регуляторное значение для поведения и жизнедеятельности человека» (Ананьев 1964: 17). На основе этой идеи выросла новая оригинальная неврологическая модель «горизонтального» контура регулирования, в котором происходит управление не только информационными, но и энергетическими потоками. Б.Г.Ананьев говорил о дополнительном источнике нервной энергии и усматривал в билатеральной организации мозга возможности компенсации энергетической недостаточности подкорковых отделов, что особенно важно для сохранения способностей в старости.

Генетический аспект проблемы чувственного отражения вышел на передний план в серии экспериментальных исследований 50-60-х годов. Б. Г. Ананьев поставил задачу изучить развитие сенсорно-перцептивных функций на всем протяжении жизненного цикла, прослеживая онтогенез по отдельным функциям в связи с онтогенезом мозга. Наблюдения онтогенетических изменений год за годом методом возрастных срезов впервые было использовано в данном цикле, а затем этот метод стал одним из основных в комплексных исследованиях Ананьева.

Сравнительно-генетический подход в масштабе всего жизненного цикла соответствовал новому пониманию предмета возрастной психологии, к которому пришел Б. Г. Ананьев в пятидесятые годы. Этот подход получил реализацию, в частности, в экспериментальных работах Е. Ф. Рыбалко, которая много лет подряд изучала возрастные преобразования зрительных функций у детей и подростков, а затем и старших возрастов (Ананьев, Рыбалко 1964; Рыбалко 1969).

Е.Ф.Рыбалко на большом экспериментальном материале показала, что даже в пределах зрения существует неоднородность структуры функционального развития, его гетерохронность и неравномерность. Так, было обнаружено периодическое понижение остроты зрения при расширении границ монокулярных полей. В определенные сроки происходит созревание функции глазомера, точность которого увеличивается в зависимости от обучения. Особое внимание обращалось на половой диморфизм функций, что позволило выявить более раннее наступление определенных возрастных состояний у девочек по сравнению с мальчиками. Е. Ф. Рыбалко наметила стадии развития в перцептивном поле: первая стадия — 5-14 лет, становление и быстрый рост, вторая — 14-59 лет — зрелость, третья — 60-69 лет — начало регрес-

В. М. Бехтерев

Сотрудники Института мозга (1935 год).
Сидят (слева направо): В. Н. Осипова,
Е. Э. Гольденберг, А. А. Таланкин (зав. Сектора
психологии), Тонкое, В. П. Осипов (директор
Института мозга), Л. Г. Вебер (зам. директора
по научной части), Л. Я. Пинес, Л. Л. Васильев;
стоят (слева направо): В. И. Кауфман (второй),
П. О. Эфрусси, А. В. Веденов,
Ф. С. Розенфельд (?), М. Я. Полякова,
Э. Э. Асратян, Горбач, Б. Г. Ананьев,
Л. А. Шифман, В. Е. Делов, И. М. Вул (?)

Б. Г. Ананьев в юности

Б. Г. Ананьев (1937 год)

Б. Г. Ананьев на защите докторской диссертации А. А. Бодалева (1965 год)

Заседание кафедры общей психологии (1964 год)

са. Е. Ф. Рыбалко сделала вывод об устойчивости по отношению к внешним воздействиям зрительных пространственных функций (Рыбалко 1969).

Аналогичные результаты, на примере константности зрения, были получены М. Д. Дворяшиной и Н. А. Кудрявцевой (Ананьев, Дворяшина, Кудрявцева 1968). Изучая феномен константности в возрастном диапазоне от 3 до 78 лет, авторы установили, что константность не является врожденным свойством. Ее становление происходит в процессе созревания зрительных функций и вместе с тем определенно связано с социализацией индивида. Если поле зрения непосредственно зависит от фактора биологического возраста, то перцептивная константность в значительной мере определяется индивидуальным (особенно профессиональным) опытом.

М. Д. Александрова в рамках геронтопсихологии изучала состояние остроты зрения у пожилых людей в сравнении с молодыми (19-28-летними). Помимо общих закономерностей снижения функций в старости, оказалось, что этот процесс зависит от профессиональной деятельности. Например, глазомер и цветоразличение у старых водителей сохранялись на хорошем уровне (Александрова 1965). Много раз подтвердился факт возрастной изменчивости асимметрии зрительных функций.

В работах по онтогенезу зрительных функций в школе Ананьева впервые были проанализированы корреляционные структуры, характерные для определенных возрастов. Как оказалось, уровень абсолютных величин и уровень коррелированности являются функцией возраста. Корреляционные структуры могут рассматриваться в качестве возрастных синдромов. Корреляционный метод анализа получил широкое применение в последующих комплексных исследованиях в школе Ананьева.

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЛЕНИНГРАДСКОМ НИИ ПЕДАГОГИКИ АПН РСФСР ПОД РУКОВОДСТВОМ Б. Г. АНАНЬЕВА

В 1951 г. Б. Г. Ананьев был назначен директором Ленинградского научно-исследовательского института педагогики АПН РСФСР. Это обстоятельство Б. Г. Ананьев «ассимилировал» в своей научной деятельности, создав новую программу исследований, тесно связанную с программой по психологии чувственного познания, общей

для них явились проблема индивидуального психического развития и представление о роли сенсорно-перцептивных процессов в нем. Можно сказать, что проблема развития в целом и сенсорно-перцептивной сферы в частности разрабатывалась в русле первой программы в общепсихологическом плане, а во втором цикле — в связи с детской психологией и возрастной педагогикой. Эти два цикла исследований — в Ленинградском государственном университете и в НИИ педагогики — разворачивались по разным программам, которые дополняли и развивали друг друга. Их источник — единая концептуальная система Б. Г. Ананьева (о ней пойдет речь в гл. 5).

Цикл психолого-педагогических исследований в НИИ педагогики под руководством Б. Г. Ананьева оказал значительное влияние на становление замысла и программы комплексных исследований человека, в которых наиболее полно была реализована его зрелая концептуальная система, поэтому следует обратиться к данному этапу деятельности Б. Г. Ананьева, связанному с работой в Ленинградском НИИ педагогики АПН РСФСР, тем более что в те годы завершилось формирование его концептуальной системы.

Ананьевская программа исследований в НИИ педагогики создавалась под влиянием педагогической антропологии К. Д. Ушинского и исследований бехтеревского Педологического института. Ананьев исходил из того, что «воспитание и обучение именно тогда соответствуют развитию, когда они достигают необходимой преемственности и целостности» (Ананьев 1959б: 218). Проблема преемственности и целостности стала предметом исследования его коллектива на тему «Система учебно-воспитательной работы и всестороннее развитие школьников» (Отчет о работе Ленинградского научно-исследовательского института педагогики за 1954 год. - Архив РАО. Ф.25. Оп. 1. №1754).

Главный смысл работы коллектива института Ананьев видел в создании основ *генетической (возрастной) педагогики*. Педагогика должна не просто учитывать возрастные особенности, но стать «наукой об истории развития обучения и учения учащегося, вскрывать истоки обучения и учения и открывать законы их развития от исходного к конечному пункту» (Стенограмма доклада Б. Г. Ананьева на заседании Ученого совета 26/11-1954 г. «К научной разработке проблемы системы учебно-воспитательной работы школы» и стенограмма обсуждения доклада. — Центральный государственный архив СПб. Ф.9754. Оп. 1. №1402. С. 19). Свой подход к проблеме Ананьев кратко выразил так: «Чтобы понять *диалектику* психи-

ческого развития ребенка, нужно... преодолеть метафизику в понимании самого воспитания» (Ананьев Б. Г. Педагогический опыт как источник психологических знаний о развитии ребенка (Рукопись). Л., 1949. — Там же. Ф. 9757. Оп. 1. № 536. С. 49). Воспитательные воздействия должны изменяться в соответствии с внутренними закономерностями развития ребенка, которые надо всесторонне исследовать.

Соответственно руководящей идее генетической (возрастной) педагогики была выдвинута генеральная гипотеза: «Система учебно-воспитательной работы школы... является комплексом целенаправленной и планомерно организуемой взаимосвязью и взаимодействием всех сторон и видов воспитательно-образовательных воздействий на подрастающее поколение, общим целостным результатом которых являются коммунистическая воспитанность, образованность и всесторонняя развитость личности будущего активного деятеля общественного развития» (Там же: 64-65). Речь шла о принципе системности в педагогике, или комплексном подходе, который был сформулирован в теории педагогики много позже и наиболее полно выражен в работах Ю. А. Бабанского (Бабанский, 1983; Бабанский, Победоносцев 1980).

Б. Г. Ананьев на посту директора института педагогики целенаправленно старался придать ему характер комплексного научного учреждения, устранить разобщенность секторов (как он говорил, «феодалную раздробленность»). Его планы предусматривали объединение психологов, педагогов (специалистов по дидактике и по теории воспитания) и методистов-предметников (в некоторых случаях к ним присоединились медики-гигиенисты) в процессе исследования одних и тех же эмпирических объектов (классов средней школы). Прообразом такого коллектива служил ему родной Институт мозга.

Комплексность института педагогики сложилась из антропологического характера его исследований, на что специально указывал Б. Г. Ананьев: «Именно в традициях педагогической антропологии и рефлекторной теории, — говорил он, — коренится комплексное направление нашего института, предыстория которого связана с взаимопереплетением идей антропологии и рефлекторной теории в Петербурге—Петрограде—Ленинграде» (Ананьев 1959в: 158). Как видим, антропологизм осознавался Ананьевым уже в пятидесятые годы ведущим принципом его научных исследований. И именно с ним ученый связывал комплексный подход к проблеме развития.

В психолого-педагогических исследованиях Ананьева, пожалуй, впервые в советской педагогике школа систематически изучалась как педагогическая среда развития детей. Каждая ступень образования рассматривалась и как качественная фаза индивидуального психического развития детей. Ставилась задача обнаружить закономерности глубоких влияний обучения и воспитания на личность и сознание ребенка, выяснить, в чем собственно состоят целостные эффекты развития, и как они достигаются.

Б.Г.Ананьев со свойственной ему энергией и настойчивостью проводил в жизнь намеченные планы и делал это сразу в нескольких направлениях. Исследования института по программе Ананьева были тесно связаны с педагогической практикой. В них наряду с сотрудниками института участвовали и учителя. Ежегодно издавались сборники и монографии по каждому разделу исследований, в том числе «Первоначальное обучение и воспитание детей: Первый класс», «Основные вопросы учебно-воспитательной работы в V классе». В дальнейшем предполагалось написать подобные монографии о каждом классе средней школы, чтобы всесторонне и последовательно раскрыть природу воспитания и обучения как главного фактора развития ребенка, подростка, юноши, при этом понять условия эффективности воспитания и его психологические критерии.

Б.Г.Ананьев работал с огромным напряжением сил. Если судить по количеству публикаций, это было самое продуктивное время его жизни. Он одновременно руководил исследованиями в НИИ педагогики и на психологическом отделении ЛГУ, преподавал, активно участвовал в работе АПН РСФСР, будучи действительным ее членом с 1955 г.⁴ и членом Президиума Академии. Выдающийся труд Б. Г. Ананьева высоко оценен государством — в 1954 г. он был награжден орденом Ленина.

Эта плодотворная многосторонняя и очень напряженная деятельность, к несчастью, была прервана тяжелой и длительной болезнью, после которой Ананьев оставил НИИ педагогики и вновь перешел в Ленинградский университет, где стал заведовать кафедрой психологии. Программа Б. Г. Ананьева по возрастной педагогике и психологии не была полностью выполнена в силу сложившихся вследствие болезни обстоятельств.

⁴Еще ранее, в 1945 г., Б. Г. Ананьев наряду с А. Н. Леонтьевым и А. Р. Лурия был избран членом-корреспондентом АПН РСФСР.

Тем не менее под руководством Б. Г. Ананьева в НИИ педагогики получены значительные научные и научно-практические результаты. Так, были экспериментально испытаны новые формы организации учебного процесса в школе, которые способствовали системности и преемственности обучения. В экспериментальных классах были проведены занятия по цикловой системе преподавания, что содействовало становлению межпредметных связей по содержанию и методам обучения. Были предложены и апробированы методики синтетических уроков, которые объединяли в определенный, завершающий момент обучения смежные учебные предметы, например географию с зоологией. Некоторые занятия проводились одновременно двумя педагогами-смежниками, что также было призвано содействовать усилению целостного эффекта обучения.

Было экспериментально доказано воспитательное влияние методов обучения, влияние связей между разными видами деятельности учащихся. Разнообразие методов, ориентация на разные анализаторы школьников при обучении, активная практика навыков в процессе обучения положительно влияют на развитие, являются условиями развивающего обучения. Особое внимание Б. Г. Ананьев уделил начальной школе, первому классу. На основе проведенных исследований был сделан вывод о том, что сквозными линиями педагогической работы с первоклассниками должны стать воспитание культуры речи, изобразительной, графической деятельности, навыков измерения. Усвоение грамоты, количественных и пространственных отношений в начальной школе — это тот фундамент, на котором может строиться дальнейшее обучение.

Цикл исследований НИИ педагогики позволил обосновать новое понимание целей воспитания и обучения. Генеральной целью были названы *жизнеспособность, психофизическое здоровье и долголетие человека*. В этом отношении выводы Б. Г. Ананьева созвучны идеям Я. А. Коменского, который впервые поставил проблему воспитания как важного фактора жизнеспособности человека (Ананьев 1959б). Генеральная педагогическая цель отодвинута за пределы школьного периода, в зрелость и старость, школьная жизнь — подготовительная фаза к ним, и оценивать ее надо по психическим и личностным характеристикам зрелого человека. Из исследований по возрастной педагогике Б. Г. Ананьев вынес твердое убеждение, что «правильно организованное обучение не только обеспечивает усвоение знаний и навыков, но и совершенствует нервную систему, повышает жизнеспособность человеческого организма» (Ананьев

1952: 11). Стратегия педагогического воздействия должна состоять «не в том, чтобы начинить учащегося определенными знаниями, а в том, чтобы подготовить к жизни, и не только в смысле умелости, опытности, но и в смысле сил» {Ананьев Б. Г. Общие проблемы современной советской педагогики и психологии: Стенограмма доклада. 23/ХП-1957. — Центральный государственный архив СПб. Ф.9754. Оп.2. №197. С. 46).

Исследования по программе возрастной педагогики и психологии привели к значительным результатам в области педагогической психологии. Были изучены связи между обучаемостью и обученностью, что позволило сделать вывод о разных уровнях воздействия педагогического процесса на развитие школьника. Первоначально это воздействие приводит к изменению в содержании и структуре его знаний, навыков и умений. Знания дают основу для освоения видов деятельности и далее — для формирования способностей. Способности — самый глубокий результат обучения: они возникают после усвоения знаний, навыков и умений в результате их обобщения и применения в разных видах деятельности, в рамках разных предметов школьного образования.

В основе любых способностей лежат общие сенсомоторные и вербально-логические механизмы, которые формируются благодаря воспитанию простых фундаментальных видов умственной деятельности—слушания, наблюдения, изложения, изображения, измерения. Эти виды деятельности особенно интенсивно формируются в первом классе начальной школы, который имеет пропедевтическое значение. В Ленинградском НИИ педагогики было установлено, что существует переход методов обучения в структуру деятельности и затем в способности учащегося. В результате формируются речевой слух, правильная артикуляция, расчлененное зрительное восприятие, активное осязание, кинестезия, накапливаются разнообразные представления. Все это —общие эффекты воспитания, которые составляют механизмы более сложных специальных способностей и интеллекта.

Общая одаренность детей многокомпонентна и может развиваться в различных видах деятельности средствами разных учебных предметов. Отсюда понятен педагогический вывод о ценности всех без исключения предметов школьного образования, включая и те, которые обычно считают второстепенными —рисование, физкультура, пение, труд.

Результаты коллективной многолетней работы по педагогиче-

ской психологии были осмыслены Б. Г. Ананьевым и с точки зрения общих проблем индивидуального психического развития. Он сформулировал теоретический вывод о том, что эффекты развития в разных видах деятельности пересекаются или конвергируют в сенсомоторном развитии человека. Сенсомоторика является базой для интеллекта и любых способностей.

В рамках изучения развития школьников были специально рассмотрены вопросы становления чувственных форм пространственной ориентации детей. На материале педагогической психологии подтвердились представления о природе отражения пространства, о его роли в интеллектуальном развитии человека. Фактический материал позволил обосновать идею о неравномерности психического развития. Эта закономерность, как оказалось, действует во всех фазах жизненного цикла.

Опыт психолого-педагогических исследований 50-х годов под руководством Б. Г. Ананьева в методологическом плане послужил для организации комплексных исследований взрослых людей и их психического развития 60-х годов. В НИИ педагогики были опробованы лонгитюдный метод, психография, когда комплексную характеристику на ученика составляли сразу несколько исследователей. В организационном аспекте ценным был опыт создания исследовательских бригад, каждая состояла из специалистов разного профиля, объединенных для изучения одного и того же объекта (например, начальной школы). Окрепи традиции в организаторской работе Ананьева, такие как коллективность, проведение обязательных обсуждений промежуточных результатов исследований на конференциях, создание коллективных монографий на основе собранного эмпирического материала, заботливое и требовательное воспитание кадров, настойчивость в достижении поставленных целей.

В 1950-х годах концептуальная система Б. Г. Ананьева, сложившаяся в целом в сороковые годы, стала зрелой, дифференцированной и во многих аспектах обоснованной собственным фактическим материалом. В ней определились те главные идеи, которые легли в основу программы комплексных исследований человека, о чем свидетельствуют статьи «Человек как общая проблема современной науки» (19576), «О системе возрастной психологии» (1957a), «Комплексное изучение человека как очередная задача современной науки» (1962).

Две программы Б. Г. Ананьева, которые разрабатывались почти

одновременно и взаимопроникали друг друга, объединялись общей проблемой индивидуального психического развития. В первом цикле работ она рассматривалась в связи с изучением сенсорно-перцептивных явлений пространственного отражения и разворачивалась сначала как онтогенетическая с последующим обращением к социальным факторам, опосредующим природный онтогенез. Во втором цикле развитие выступало как результат обучения и воспитания, которые преобразуют естественный процесс онтогенетического созревания нервно-психических функций. И в первом и во втором циклах наметились общие подходы к развитию как целостному психобиосоциальному процессу, охватывающему все фазы жизни, объединенные генетическими связями.

Воплощению научных замыслов, размаху организационных дел Б. Г. Ананьева способствовали большие социальные перемены в результате XX съезда КПСС, оздоровившем в значительной мере общественную и духовную атмосферу в нашей стране. В середине 50-х годов начался подъем в психологических науках, который внушал уверенность в своевременности постановки вопросов человекознания и центрального места психологической науки в нем.

* * *

Школа Б.Г.Ананьева формировалась в основном из выпускников Ленинградского государственного университета благодаря целенаправленной педагогической деятельности Б.Г.Ананьева и его ближайших сотрудников старшего поколения. Консолидация научной школы психологов Ленинградского университета проходила в процессе разработки программы Б. Г. Ананьева по чувственному отражению. Исследования же по педагогической психологии и педагогике под его руководством в НИИ педагогики АПН РСФСР не стали почвой для формирования школы потому хотя бы, что там работали люди, пришедшие в науку другим путем (что, однако, не означает отсутствия влияния личности Б. Г. Ананьева, его идей и стиля работы на их научное развитие).

Школа Ленинградского (ныне Санкт-Петербургского) государственного университета сочетает в себе черты разных типов научных школ: образовательного учреждения и исследовательского коллектива. Становление школы Б.Г.Ананьева шло в единстве с развитием его конкретных исследовательских программ, в которых определились такие линии, как изучение а) сенсорной орга-

низации, б) отражения пространства и времени, в) психофизиологических феноменов в масштабе жизни человека. По мере реализации исходных задач происходило смещение фокуса исследований на новые вопросы при сохранении общей программы, в основе которой лежала концептуальная система Б. Г. Ананьева, ее формирование завершилось в пятидесятых годах. Обращение к ней необходимо для осмысления идейной платформы психологической школы Ленинградского-Санкт-Петербургского государственного университета, концептуальная система стала источником программы комплексных исследований человека и индивидуального психического развития, предпринятых Б. Г. Ананьевым в шестидесятых годах.

Глава 5

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СИСТЕМА Б. Г. АНАНЬЕВА КАК МЕТОДОЛОГО-ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА КОМПЛЕКСНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЧЕЛОВЕКА

Комплексный подход в психологии явился методологическим следствием определенной трактовки предмета психологии, природы человека, детерминации его сознания и поведения. В гл. 2 мы попытались показать логику комплексных исследований В. М. Бехтерева, анализируя его научное мировоззрение. По-своему подошел к комплексным исследованиям человека Б. Г. Ананьев, в основе его подхода лежит оригинальная концептуальная система, без анализа которой не понять замысла, программы и пафоса комплексных исследований человека—индивидуальности, развернутых в 1960-1970-е годы.

Концептуальная система Б.Г.Ананьева сложилась в процессе его жизненного пути, насыщенного и многогранного, тесно переплетенного с историей родной страны XX столетия. Эта система следует определенной научно-исторической традиции русской психологии и естествознания. В числе тех предшественников, кто наиболее повлиял на формирование научных взглядов Б. Г. Ананьева, можно в первую очередь назвать из представителей русской науки И. М. Сеченова, К. Д. Ушинского, В. А. Вагнера, А. Н. Северцева и, конечно, В. М. Бехтерева. Из иностранных ученых Б. Г. Ананьев особенно чтит Пьера Жана за эволюционный подход к проблеме личности. Близки ему были и взгляды Жана Пиаже, в частности об интегрирующей роли психологии в системе наук и о внутренних закономерностях развертки интеллектуальных структур в процессе развития ребенка.

Б.Г.Ананьев постоянно развивал свою концептуальную систему, соотнося ее с новыми научными идеями и достижениями. Так, его внимание привлекли исследования биолога И. И. Шмальгаузена, из которых он взял на вооружение понятие о трех видах корреляций в процессе развития организма. Он внимательно отнесся к

новым идеям и разработкам кибернетиков, специалистов по теории систем, эволюционистов. Он опирался на философские исследования классиков марксизма и современных ему советских философов. Ему были близки антропоцентричные идеи Тейяра де Шардена, чья книга «Феномен человека» впервые была издана на русском языке в 1965 г. Интерес Ананьева к философии был глубок и закономерен. И хотя Борис Герасимович специальных философских произведений не писал, не считая себя специалистом в этой области (он придерживался правила «все надо делать профессионально»), тем не менее в его работах всегда присутствует отчетливая философская позиция, проявляются самобытное философское мышление и разносторонняя эрудиция.

К ПОНЯТИЮ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Понятие концептуальной системы, которое мы предлагаем для анализа научной школы, родственно принятому в науковедении понятию исследовательская (научная) программа. Соотнесение этих понятий необходимо для определения сути концептуальной системы. Исследовательская программа была выдвинута в центр науковедческой проблематики английским философом И. Лакатосом (Lacatos 1970; Лакатос 1978). Он раскрывает суть этого явления через структурный анализ, выделяя в программе так называемое «жесткое ядро», т. е. ряд устойчивых гипотез, постулатов, и «защитный пояс»—теоретические положения, которые играют вспомогательную роль и подвергаются время от времени пересмотру под давлением новых фактов и доводов, противоречащих основополагающим идеям. Благодаря «защитному поясу» основные идеи сохраняются в программе, несмотря на критику извне и новые контрфакты. Тем не менее наступает момент смены программы, когда появляется более мощная конкурирующая программа, способная преодолеть «защитный пояс».

В науковедческой литературе концепция И. Лакатоса подвергалась специальному анализу и критике за логизацию научного развития (Меркулов 1982). Одним из оппонентов И. Лакатоса выступил М. Г. Ярошевский. Он предложил рассматривать феномены научного развития, в частности исследовательскую программу, в трех аспектах: предметно-логическом, научно-социальном и личностно-психологическом (Ярошевский 1973; 1974; 1978).

Программа отражает определенную область реальности и име-

ет предметное содержание — в этом ее предметно-логическое измерение. Исследовательская программа личностна. Она — плод труда ученого, обладающего творческой индивидуальностью, неповторимой биографией, переплетенной с историей современности (личностно-психологическая координата программы).

Программа — научно-социальное явление. Она «...изначально организует групповой процесс на всем его протяжении и со всеми сопряженными с ним феноменами (перцепция, коммуникация, мотивация, распределение ролей и т.д.)...» (Ярошевский 1978: 46). Программа служит базой для совместных исследований научного коллектива, для его самоопределения среди других научных школ в научном сообществе. Она существует в контексте развития всей науки, создается в процессах взаимодействия автора с другими учеными — учениками, последователями, а также идейными противниками, составляющими «оппонентный круг» (Ярошевский 1983). При этом роль оппонентного круга в научной деятельности подобна функции препятствия в поведении. Оба они вызывают объективацию установки, по Д. Н. Узнадзе, и побуждают ученого к более аргументированному рассуждению.

Суть научной программы вытекает из ее главной функции — регуляции исследовательской деятельности индивидуального или коллективного субъекта (само слово «программа» означает по-гречески «предписание»). Программа «является организатором исследовательского процесса, его проспектом, определяющим как круг задач (проблемных ситуаций), подлежащих решению, так и набор средств («инструментов», операциональных схем) для достижения этих целей. Она прогностична и орудийна, поскольку намечает порядок конкретных исследовательских действий. Она директивна (в смысле предписания, указывающего, какие из этих действий разрешены и какие запрещены) и эвристична, поскольку предназначена производить информацию, которой наука прежде не располагала» (Ярошевский 1981: 368).

Предметно-логическое ее содержание включает категории, содержательные принципы (теории), моделирующие представления о предмете и объекте исследования, а также об операциях познания данного объекта (Умрихин 1987). Если согласиться с тем, что главной функцией программы является регуляция исследовательской деятельности, особенно коллективной, то, надо полагать, ее содержание должно быть настолько отчетливо, чтобы служить руководством к исследовательскому процессу, к совместному действию

коллектива ученых. Это значит, что программа должна быть в значительной степени отчуждена от личности автора, чтобы ее можно было противопоставить программам других ученых, заявить свое «кредо», или передать на разработку последователям, членам своей научной школы. Даже если исследовательская программа выполняется самим автором, она как бы противостоит ему как задаче, которую надо выполнить. Отчужденность и некоторая обезличенность программы делает возможным ее функционирование и после смерти ее творца. С другой стороны, слишком сильная идентификация учеников с программой учителя, с его идеями может привести к размыванию их собственной творческой индивидуальности, что отрицательно сказывается на жизнеспособности программы и основанной на ней научной школы.

Учитывая трехмерную, объемную характеристику научной программы, зададимся вопросом, не является ли предлагаемое здесь понятие «концептуальная система» избыточным? Думается, нет. Из трех аспектов исследовательской программы наиболее выраженными оказываются предметно-логический (он, собственно говоря, и конституирует программу) и научно-социальный. Личностно-психологический аспект присутствует в ней латентно, однако он занимает существенное место в структуре исследовательской деятельности, в индивидуальном творчестве ученого и потому требует специального анализа. Понятие концептуальной системы призвано отразить более полно этот личностный аспект. Без этого понятия трудно объяснить наблюдавшуюся в истории науки смену или сосуществование разных исследовательских программ у одного и того же ученого. Например, как известно, В. Вундт выдвинул программу по экспериментальной психологии и наряду с ней программу изучения психологии народов, а И. М. Сеченов выдвинул программы по центральному торможению и по газообмену (Ярошевский 1978). По-видимому, имеется общее основание для разных программ одного автора, иначе научное развитие ученого представало бы порой непоследовательным, нецельным, объединенным лишь хронологически-биографическими связями. На самом же деле биографии великих ученых обнаруживают более или менее ясную внутреннюю логику их научного пути. Эта логика вытекает, как мы полагаем, из целостной концептуальной системы ученого, которая является *непосредственным источником возникновения его исследовательских программ.*

В структуре научного развития программа соотносится с поня-

тием научно-исследовательской деятельности (это именно программа деятельности индивидуального или коллективного субъекта). Концептуальная же система соотносится уже не с деятельностью, а с личностью ученого. Научная программа и концептуальная система связаны в том же отношении, что и деятельность с личностью: не бывает деятельности без субъекта, не бывает научной программы исследовательской деятельности без глубинной основы — концептуальной системы личности.

Концептуальная система — это мировоззрение профессионала, созданная им картина мира (в терминах А. Н. Леонтьева — образ мира) — физическая, биологическая, социологическая, психологическая или другая, в соответствии со специальностью ученого. В ней на мировоззренческом уровне обобщаются результаты его теоретических и эмпирических исследований, плоды философского размышления над природой объекта своей науки в связи с данными других наук. Концептуальная система ученого является центральным элементом структуры его творческой индивидуальности. Далеко не каждому ученому под силу создать свою концептуальную систему и стать философом в своей области науки. Естественно, концептуальная система как таковая неотчуждаема от личности и существует в форме личностного знания (Полани 1985) в субъективном мире ученого. Лишь частично она объективируется в публикациях.

Исследовательская программа — одна из форм объективации концептуальной системы. Другая форма — конкретные теории или концепции, которые вырастают на основе концептуальной системы. Естественно, что предметное содержание программы, теории (концепции) и концептуальной системы в целом совпадают — в их основе лежат одни и те же идеи. Научная программа генетически и структурно связана с концептуальной системой. По объему же и по степени персонализации содержания эти две структуры научного творчества различаются между собой. Концептуальная система охватывает объект данной науки в целом — это именно мировоззрение. Программа же может касаться какого-либо одного аспекта или уровня объекта. Широта концептуальной системы определяется также тем, что в ней заключены не только зрелые идеи и представления, но и догадки, малоосознанные образы, даже переживания. По мере обработки этой массы ученый все отчетливее осознает и вербализует, структурирует и выстраивает содержание концептуальной системы — делает ее именно системой.

Этот процесс идет всю жизнь, и ученый, вероятно, никогда не успевает опубликовывать всего того, что открылось ему в процессе внутренней работы. Об этом выразительно писал П. К. Анохин: «Область неустойчивых, недоказанных, а часто «безумных» идей остается секретным фондом творческой лаборатории ученого... И, к сожалению, именно этот фонд претерпевает обычно трагическую участь, когда ее носитель, сам ученый, уходит из жизни... Надо представить себе на одну минуту, какие богатейшие перспективы научных исканий уходят вместе с ученым!» (Анохин 1984: 107).

Программа и отдельные теории ученого входят в содержание публикаций, которые представляют «надводную часть» концептуальной системы. Все остальное скрыто и обнаруживает себя лишь отчасти, порой намеком и весьма опосредованно — в горячем научном споре, но еще сильнее в беседах с учениками, единомышленниками, когда бездействуют защитные механизмы личности и самоцензура. Это и понятно, так как самораскрытие индивидуальности ученого, как и всякого человека, облегчается в атмосфере любви и уважения. Во многих других ситуациях этот процесс затруднен или вообще невозможен, и потому проникнуться идеями и пафосом большого ученого удастся лучше всего тем, кто непосредственно и доверительно с ним общался. Есть, правда, другой путь приобщения к концептуальной системе ученого, единственно возможный, когда его уже нет в живых. Это путь биографического исследования, которое предполагает изучение научного наследия в контексте истории жизни личности. Как и личность в целом, концептуальная система — продукт своего времени, она исторична и личностна. Ее нельзя получить в готовом виде, но ее можно довольно достоверно реконструировать на основе публикаций, биографических источников, в том числе личных документов, свидетельств современников и т. п., как это делается в исторических и литературоведческих исследованиях, в историко-биографических работах психологов.

Различие между концептуальной системой и исследовательской программой состоит также и в том, что они направлены разным «адресатам». Научная программа ориентирована на научное сообщество, она может быть плодом коллективного творчества (например, программа гештальтпсихологии, разработанная группой немецких психологов В. Келлером, К. Коффкой, М. Вертгеймером). Концептуальная же система как бы адресуется личности автора. Он развивает ее в неотступном думанье и тем самым строит свою творческую индивидуальность изнутри. Концептуальная система

ученого — составная часть его мировоззрения. Она тесно связана с его этическими и эстетическими взглядами. Научные идеи приобретают в концептуальной системе нравственную и эстетическую окраску, они являются ценностью для личности и выступают регулятором не только исследовательской деятельности, но и социального, гражданского поведения ученого. Научные идеи могут поэтому задавать вектор жизненного пути. Возникает единство личности ученого и гражданина, для которого служение науке, истине есть способ служения благу общества. (Не это ли слияние научного творчества и жизни, характерное для человека науки, имел в виду В. И. Вернадский, когда говорил: «Познать научную истину нельзя лишь логикой, можно лишь жизнью»?) (Вернадский 1977: 39).

Как научная программа, так и концептуальная система в конечном итоге выходит в практику. Их объективная ценность зависит от влияния на профессиональное сознание членов научной школы и научного сообщества, а затем на исследовательскую или инженерную, в широком смысле, практику. Путь от концептуальной системы ученого до практической реализации идей опосредован гносеологической структурой, которую Н. Г. Алексеев обозначил понятием «концептуальная схема» (Алексеев 1975). Концептуальная схема в простой и наглядной форме представляет суть теории таким образом, чтобы ее можно было использовать при проектировании и преобразовании реального объекта. Она содержит взаимосвязанные основные положения, квинтэссенцию теоретической системы. Если научная программа адресуется исполнителям, теория — научному сообществу, концептуальная система — автору, то концептуальная схема ориентирована на потребителей научных знаний — практиков (инженеров, медиков, педагогов...). В практику выходит не концептуальная система во всем ее объеме, не выросшие на ее почве отдельные теории и исследовательские программы, но наиболее обработанная, осознанная, вербализованная и формализованная схема. По мере продвижения к практическому выходу идеи все более обобщаются, формализуются, а потому неизбежно деперсонализуются.

Концептуальная система Б. Г. Ананьева раскрывается как система его научных взглядов. Мы обращаемся к ней, чтобы понять идейные основы комплексных исследований человека, которые организовал ученый, продолжив тем самым дело В. М. Бехтерева. В этих исследованиях не все идеи стали программными, однако все они так или иначе повлияли на формирование программы. Вот

Коллектив кафедры общей психологии (1967 год): внизу слева сидят А. В. Ярмоленко, В. А. Андреева, В. Н. Мясищев, И. М. Палей, Б. Г. Ананьев, М. Д. Александрова, Н. А. Тих, Ю. Г. Трошихина, А. А. Бодалев; стоят В. Г. Гербачевский, В. П. Лисенкова, Г. И. Акинщикова, Н. А. Розе, К. Д. Шафранская, Е. Ф. Рыбалко, В.Н. Куницына

Б. Г. Ананьев

Б. Г. Ананьев и Б. Ф. Ломов

Б. Г. Ананьев и Е. С. Кузьмин

почему необходимо представить концептуальную систему в целом. Это тем более важно, что творчество ученого недостаточно изучено и мало популяризовано. Такое положение дела неадекватно идейному и фактологическому богатству его наследия, значимости его вклада в развитие отечественной и мировой психологии¹.

В этой связи стоит отметить одну нарастающую тенденцию в науке. Здесь, как и в современном искусстве, политике, общественной жизни в целом все более действуют искусственные социально-психологические факторы славы, которые не всегда согласуются с подлинными ценностями. Популярность в науке становится зачастую зависимой от рекламы и саморекламы, более того, целенаправленного имиджмейкерства. Можно, оказывается, сделать имя не качеством, а количеством публикаций, особенно научно-публицистических и просто публицистических, не корпением над экспериментом в лаборатории, а участием в престижных мероприятиях, не благодаря оригинальности и перспективности идей, а благодаря руководящему посту, связям с влиятельными людьми, столичной «прописке», наконец. Распространенность таких «мнимых величин» в научном мире обусловлена и тем обстоятельством, что вследствие дифференциации науки специалистам все труднее вникать в чужие труды и проводить сравнительный анализ огромной массы фактического материала и разнообразных концепций. К тому же это занятие неблагодарное: трудовые затраты огромны, а личной выгоды никакой. Более того, критика становится социально опасной для ее субъекта, вызывает раздражение и даже озлобление оппонентов.

Сравнительно-аналитическую и синтезирующую функцию должен взять на себя историк науки. Он обязан это делать честно и скрупулезно, чтобы послужить сохранению в научном обороте ценных идей и фактических накоплений прошлого, объективной и справедливой оценке труда и идейно-теоретического наследия того или иного деятеля науки. В известном смысле он, историк, высту-

¹В зарубежных обзорах, статьях и монографиях, посвященных советской психологии, наиболее популярными фигурами являются И. П. Павлов, В. М. Бехтерев, Л. С. Выготский, А. Р. Лурия, в меньшей степени С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев. Гораздо реже встречаются хотя бы упоминания о Б. Г. Ананьеве и В. Н. Мясищеве, например (Present-day Psychology in 1972; Russian 1966; Smith 1983; Some views 1962). Показательна в этом отношении пятнадцатитомная «Психология двадцатого столетия», изданная в Швейцарии в 1981 г. (Die Psychologie 1981). В этом издании имя Б. Г. Ананьева встречается лишь дважды.

пает пропагандистом научного наследия. Разумеется, его задачи шире, но нас волнует вопрос адекватного понимания и оценки научного вклада ученого, его роли в развитии науки. Можно, конечно, надеяться, что время расставит все по своим местам, и мнимые величины сами собой превратятся в нули. Однако бывает, что в истории науки по разным причинам забвению предаются замечательные ученые, с чем нельзя примириться, по крайней мере, из чувства справедливости.

Реконструкция концептуальной системы Б. Г. Ананьева имеет свои трудности и потребности. Во-первых, надо учесть, что она охватывает все основные проблемы психологии и имеет тенденции перерастания в модель человекознания. Во-вторых, его концептуальная система опирается на большой и разнообразный эмпирический материал, взятый не только из фонда психологии, но и из других наук. Источниками ее явились многие современные теории и научные представления. В-третьих, концептуальная система Ананьева связана с определенной исторической традицией. Этому способствовали углубленные историко-психологические поиски ученого, который еще до войны стал признанным знатоком истории отечественной психологии.

Для Ананьева было характерно «неантикварное» отношение к корифеям науки, в них он видел соратников в делах современности. Он умел находить в истории не только «архив идей, имевших значение в прошлом, но и живой источник ее теории» (Ананьев 1959б: 206). Чтобы раскрыть систему взглядов Ананьева, следует установить, с какими концепциями прошлого она связана, где ее исторические корни (отчасти эта задача решалась в предыдущих главах). В-четвертых, Б.Г.Ананьев не был склонен к подробному разъяснению своих идей. Ему чуждо было абстрактное методологизирование. В публикациях он лаконично высказывал основные мысли, полагаясь, вероятно, на активное встречное думанье читателя. При реконструкции концептуальной системы Б. Г. Ананьева необходимо проштудировать все без исключения его произведения, а не только итоговые монографии. Вся совокупность публикаций Б. Г. Ананьева предстает как единая книга со многими главами, примечаниями и прологом². В ней, однако, нет эпилога. Б. Г. Ананьев не завершил ее, да и в принципе не мог это сделать,

²Мы считаем таким прологом первую публикацию Б.Г.Ананьева — брошюру «Современная Армения», написанную в студенческие годы в соавторстве с однокурсником (Ананьев, Барсегов 1926).

так как его замыслы были устремлены далеко в будущее, за пределы индивидуальной жизни.

За разнообразием проблем, которыми он занимался, нельзя не почувствовать цельности его научного движения и единства творческой индивидуальности. Чтобы понять эти характеристики, надо выделить доминанту творчества, определить профилирующие методологические принципы его системы.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ Б. Г. АНАНЬЕВА

Идея целостности человека и его развития явилась системообразующей в концептуальной системе Б. Г. Ананьева. Эта система была нацелена на понимание психического как эффекта всей структуры человека. Человек — носитель и субъект психики и сознания. Без понимания природы человека и без представления о его структуре нельзя понять психику во всех ее формах и уровнях существования. Как и В. М. Бехтерев, Б. Г. Ананьев всегда в качестве отправной точки объяснения психического имел в виду его носителя — человека как природного и социального, практического и духовного существа. А это означает, что Б. Г. Ананьев был привержен *антропологическому принципу*. Он был убежден, что «перечень основных принципов психологии следует дополнить антропологическим принципом, что стало очевидно после того, как была сделана попытка разобраться в судьбах этого принципа в философии и психологии...» (Ананьев 1976: 17). Он стремился развить его на основе понимания единства психического, социального и биологического в структуре человека.

Понятие антропологического принципа не имеет четкого определения, указывается на стремление объяснять социальную и даже физическую действительность, исходя из природы человека, в ней видят высший продукт развития всей материи. Антропологический принцип отстаивает самоценность человека, его психофизиологическую целостность, его духовность и активность. В философской литературе оформление антропологизма связывают с именем Л.Фейербаха (например: Уткина 1975). Антропологический принцип существует в двух формах — антропологического материализма (Л. Фейербах, Н. Г. Чернышевский, П. Л. Лавров) и идеализма (германская философская антропология, экзистенциализм, в России В. С. Соловьев, Н. А. Бердяев, П. А. Флоренский и другие).

Антропологический принцип, перенесенный из философии в психологию, открывает новую перспективу изучения психики. Следуя ему, можно изучить сложную гетерогенную структуру человека, в которой свое место находит и его психологическая структура. Соответственно раскрывается многофакторная (или системная) детерминация отдельного психического и поведенческого явления и развития личности в целом. Антропологический принцип дает объемное видение психических явлений в контексте целостного человека и его мира. Антропологический принцип Б. Г. Ананьев (подобно В. М. Бехтереву) напрямую связывал с комплексным подходом и содержательно обосновывал его. Комплексный подход был адекватным средством изучения многоуровневой и разнородной целостности, каковой является природа человека — носителя психики.

Сказанное выше еще весьма схематично характеризует антропологический подход Б. Г. Ананьева к предмету психологии. Далее мы попытаемся конкретизировать его суть через анализ других принципов и сторон концептуальной системы ученого. Но прежде обратим внимание на отношении Б.Г.Ананьева к представителям философского антропологизма, особенно к тем, которые являлись для него идейными предшественниками. Он критично относился к идеалистической философской антропологии, экзистенциализму, потому что там постулировалась духовная индивидуальность человека как нечто изначальное и ничем не детерминированная сущность. Ананьева огорчало и, более того, возмущало фактическое игнорирование достижений конкретных наук о человеке, свойственное идеалистическим философам-антропологам. В их философской антропологии рассуждения о человеке далеко не всегда подкрепляются конкретно-научными знаниями о его природе. Более того, философские антропологи-идеалисты противопоставляют науки о духе наукам о материи³.

Б.Г.Ананьев как историк отечественной психологии хорошо знал, что для передовых ученых России до Октябрьской революции антропологический принцип, или антропологический материализм служил идейным ориентиром. К таким ученым относились И.М.Сеченов, К. Д. Ушинский, Н. И. Пирогов, а позднее — П. Ф. Лесгафт и В. М. Бехтерев.

Для Б. Г. Ананьева представители антропологического матери-

³ Иное отношение к достижениям конкретных наук о человеке отличало философско-антропологические исследования С. Л. Рубинштейна и И. Т. Фролова, но они в основном были изданы после смерти Б. Г. Ананьева.

ализма, и в первую очередь Н. Г. Чернышевский, были идейными предшественниками, на труды которых он постоянно опирался, разрабатывая стратегию современного человекознания. Им Ананьев посвятил немало ярких страниц своего творчества (Ананьев 1945; 1945а; 1947; 1966б; 1969 и др.), где подчеркивал генетические связи разрабатываемого им антропологического комплексного подхода с материалистической линией русской философии и естествознания. Ананьев считал, что марксистская критика философского материалистического антропологизма не должна затенять его прогрессивную сторону, «а именно *монистическое понимание человека как целого, преодоление психофизического дуализма, стремление вскрыть единство общественного и естественного в структуре человека, являющегося одновременно высшим, сложнейшим организмом и общественным индивидом*» (Ананьев 1968б: 18).

Б. Г. Ананьев выступал за развитие материалистической философской антропологии, за ее союз с многочисленными конкретными науками о человеке. Он считал, что антропологизм в его наиболее прогрессивной материалистической форме не только перспективен в научном плане, но и имеет большой гуманистический смысл. Он раскрывает самоценность каждого человека как венца развития всей материи. Ананьев считал, что «проблема жизни и смерти человека, деятельности и сознания — в общем, реального бытия человека в конкретно-исторических условиях — не может быть узурпирована экзистенциализмом и другими направлениями идеалистического антропологизма...» (Там же: 33). Он призывал советских философов разрабатывать философские проблемы человекознания. Закономерен положительный отклик Б. Г. Ананьева на первую публикацию отрывков рукописи С. Л. Рубинштейна «Человек и мир» в 1966 и 1969 г. в журнале «Вопросы философии». Ананьев с удовлетворением констатировал поворот ее автора от проблемы «бытия и сознания» к более фундаментальной и общей проблеме «человек и мир». В этой его реакции нам видится иное, нежели господствовавшее в советской психологии и философии, отношение к антропологическому принципу⁴.

⁴ Марксизм был против свойственной старому антропологизму автономизации человека, недостаточного внимания к практической деятельности людей как главной силы их исторического и индивидуального развития. В работах В. И. Ленина вопросы философской антропологии фактически не обсуждались, и для него «и антропологический принцип и натурализм суть лишь неточные, слабые описания *материализма*» (Ленин ПСС: XXIX, 64). Такая оценка за-

Вторым основополагающим принципом в концепции Ананьева является хорошо известный советским психологам *принцип отражения*. В школе Ананьева он был востребован в максимальной степени при разработке проблемы чувственного отражения. Третий профилирующий принцип — *генетический*, точнее, развития. Он последовательно применялся ученым в разных исследованиях и был наиболее полно реализован в его проекте онтопсихологии.

Выделяя указанные принципы — отражения, антропологический и генетический (принцип развития), мы далеки от мысли сводить к ним всю методологию Ананьева, но методологический профиль его концептуальной системы определялся именно ими⁵.

В каждой развитой концептуальной системе психолога должен содержаться ответ на вопрос о природе психики и, следовательно, способах ее детерминации. «Проблема причинной детерминированности явлений — центральная узловая проблема научной методологии» (Рубинштейн 1973: 358). В связи с принципом детерминизма, сформулированным С. Л. Рубинштейном, раскрываются и другие принципы психологической науки, которые в совокупности дополняют и конкретизируют его, (как это показал, в частности, А.Н.Ткаченко (1977, 1982)). С точки зрения развития детерминизма освещена история мировой психологии в трудах М. Г. Ярошевского (1985). То или иное решение вопроса о наличии и способе детерминации психического создает водораздел между разными мировоззренческими позициями психологов.

Подходы к интерпретации этого принципа определяют своеобразие концептуальных систем, принадлежащих разным ученым. В «формуле» детерминизма С.Л.Рубинштейна «внешние причины (внешние воздействия) всегда действуют лишь опосредствованно через внутренние условия» (Рубинштейн 1973: 241) главное внимание психологов привлекает природа внутренних условий, т. е. природа самого субъекта. С. Л. Рубинштейн и другие раскрывали суть внутренних условий через понятие о личности. Отсюда возник принцип личностного подхода как конкретизация принципа детерминизма, в той его части, которая касается внутренних, «преломляющих» условий.

крепилась в советской науке на долгие годы и определяла сдержанное, а то и скептическое отношение к антропологическому направлению в отечественной психологии.

⁵ В научной литературе были названы генетический и системно-структурный принципы как наиболее характерные для Б.Г.Ананьева (Палей 1976).

Что конкретно входит в состав внутренних условий, или в состав структуры личности? С. Л. Рубинштейн указывал главным образом на внутренние моральные установки, мотивацию. Он считал необходимым учитывать и психические состояния личности. Вместе с тем в процессах детерминации психического участвуют природные свойства человека. Физиологические свойства нервной системы, строение органов чувств как результат истории биологического вида, исторически изменчивые формы чувствительности (например, фонематический слух) входят в состав внутренних преломляющих условий. По С. Л. Рубинштейну, внутренние условия содержат свойства человека — результат видового, социально-исторического и индивидуально-биографического развития. По мнению С.Л.Рубинштейна, и природные, и собственно личностные свойства опосредуют внешние воздействия.

Б. Г. Ананьев развивал антропологический по содержанию и комплексный по форме подход, согласно которому *вся* многоуровневая система свойств человека опосредует внешние воздействия и сказывается на качестве психического процесса и поведенческого акта. «Промежуточные переменные между ситуацией и поведенческой реакцией на нее образуются из взаимодействия основных характеристик человека как индивида, личности и субъекта деятельности, характером которых является структура личности» (Ананьев 1977: 209). Психология должна со своей точки зрения изучать человека в целом именно потому, что все основные характеристики человека (не только собственно личностные, или психосоциальные) являются внутренними детерминантами психики и поведения. Предмет психологии в свете антропологического принципа — многоуровневая системная организация психических явлений, совокупно с разными сторонами природы человека, его структурой, развитием и деятельностью. При этом принцип деятельности раскрывает способ развития структуры человека и способ активной взаимосвязи субъекта с объектом. Принцип развития указывает на изменчивость структуры личности во времени и, следовательно, на изменяющийся во времени характер детерминации психики и поведения. Динамическая структура человека становится и развивается во времени в процессах деятельности и поведения.

При узком понимании внутренних условий, опосредующих психический и поведенческий результат, в качестве этих условий фактически берутся только психосоциальные свойства личности — опыт, моральные установки, интересы, значимость предмета от-

ражения и деятельности и т.д. При этом раскрываются важные закономерности — их можно назвать собственно психологическими. Признавая важность их изучения, надо видеть, что они не могут полностью объяснить психический или поведенческий результат взаимодействия субъекта с объектом. Исходя из идеи С.Л.Рубинштейна о «послойном» принципе уровней детерминации» (Рубинштейн 1973: 289), можно утверждать, что исследование психологических закономерностей в связи с психосоциальными детерминантами «снимает» только один, верхний слой детерминации, когда психический процесс или поведенческий акт объясняется психическим же явлением — психическим состоянием или свойством (способностью, характером личности, ее интересами, установкой). Но за системой психосоциальных, собственно личностных, свойств всегда стоят более глубокие, в конечном счете материальные, причины, породившие сами эти свойства, всю психологическую структуру личности. Глубокие слои детерминации лежат в материальном бытии человека — в его естественноисторической природе и социально-историческом образе жизни. Конечное объяснение психическому (или поведенческому) акту приходится искать за пределами психологической структуры субъекта и актуального акта его взаимодействия с объектом. В самом общем смысле эти причины кроются в истории человека как индивида и личности, на что указывал С. Л. Рубинштейн. Сходным образом В. М. Бехтерев и Б. Г. Ананьев считали, что поведение личности обусловлено ее прошлым опытом, историей, которая вовсе не сводится к истории субъективного мира.

Такой ход мысли нередко расценивается как редукционизм, отрицание самостоятельности психики, сознания, их онтологического статуса. Ананьев же полагал, что определенная редукция для психологии неизбежна, поскольку сама психическая реальность вторична, зависима от материи, поскольку она по содержанию есть отражение материи и по происхождению — ее продукт и ее свойство. При этом он вовсе не отрицал наличие собственно психологических закономерностей и самостоятельного статуса психологической науки. Просто в поисках закономерностей детерминации психического надо идти до конца, к его материальному основанию — человеку как субъекту, многоуровневая структура которого *завершается* сознанием.

Психологическая структура в определенном отношении — эффект интеграции биологического и социального в человеке, эффект целостной полисистемы всех его характеристик, включая пол,

возраст, конституцию, а с другой стороны — социальные функции, роли, объективные отношения личности. Относительно включения природных свойств в состав внутренних условий детерминации Б. Г. Ананьев высказывался весьма определенно: «Нейрофизиологический подход к индивидуально-психическим особенностям человека показал, что к числу внутренних детерминант перцептивных процессов, несомненно, относится природная организация человека» (Ананьев, Дворяшина, Кудрявцева 1968: 14). Хотя в приведенной цитате говорится о перцепции, это принципиальное мнение распространяется и на другие психические процессы. В школе Ананьева более всего изучена детерминация психического природными свойствами индивида.

В антропологии Б. Г. Ананьева, точнее антропономии⁶, природа человека выступает как диалектическое единство биологического и социального. Это единство выражает целостность системы «человек». Идея целостности развивалась в разных конкретных исследованиях и выступала в различных формах. В одной из своих ранних статей он выступал против дуализма биологического и социального, против отождествления биологического с «внутренним», а социального с «внешним» по отношению к человеку, указывая на социогенетическую сущность нейродинамической структуры человека. Молодой Ананьев писал о том, что сама природа человека исторична: «Только потому культурные формы (исторический опыт) не внешни человеку, что органический его опыт (внутренний органический фонд) также по существу социально-историчен» (Ананьев 1930: 18).

В конце 1930-х годов Б. Г. Ананьев на основе идеи целостности сформулировал задачу объединения функционального и личностного подходов в психологии. Эта задача решалась им в цикле исследований по проблеме ощущений, когда ощущения изучались в связи с трудовой деятельностью, биографией, мотивацией субъекта. Позднее единство функционального и личностного было раскрыто в теории внутренней речи, которая рассматривалась как психофизиологическая функция и в то же время как личностный механизм — «голос совести» (Ананьев 1960). В характерологических исследованиях Ананьева целостность личности выступала как результат единства ее жизненной направленности и образа действий.

⁶ Б. Г. Ананьев, желая различать антропологию как науку об историческом становлении биологического вида «человек» и систему наук о человеке в разных его качествах, предложил последнее назвать *антропономией*.

В отличие от распространенного понимания целостности человека преимущественно на уровне его смысловой сферы, духовности, субъективного мира В. Г. Ананьев стремился изучить *разноразноуровневую* природу этой целостности и механизмы ее осуществления. Б. Г. Ананьев искал формы и уровни интеграции разнородных свойств и характеристик в структуре личности (индивидуальности). Знаменательно, что свою последнюю статью, опубликованную в итальянском журнале «Totus homo», он посвятил этой проблеме и назвал «Интеграция различных свойств человека. Некоторые формы и уровни интеграции». На фактическом материале его научной школы в ней доказывалась важная и во многом новая для психологии мысль, что «интеграция функций и свойств человека, ведущая к его единству, реализуется на разных уровнях — от сенсорно-перцептивного до интеллектуально-характерологического» (Ananiev 1972: 47).

Интеграция — это процесс и результат развития индивидуальности в реальной ее жизнедеятельности в определенных условиях социально-исторического пространства и времени. Изучение этих форм интеграции и становления целостности человека возможно в комплексном исследовании, охватывающем многие уровни и формы интеграции разнородных элементов его структуры. *Антропологический принцип и комплексный подход — две стороны единой концепции целостности человека, развиваемой Б. Г. Ананьевым.* Антропологический принцип диктует необходимость изучать материальную структуру человека как системное основание для психических структур и процессов. Всестороннее, комплексное изучение человека и его связей с миром служит основой для материалистического подхода к объяснению природы психики, сознания.

В свете антропологического принципа понятно стремление Ананьева связать психологическое познание со многими (в идеале со всеми) науками о человеке. Он проанализировал междисциплинарные связи наук, имеющих своим объектом человека в разных формах его существования, и еще в 1957 г. в статье «Человек как общая проблема современной науки» (19576) пришел к выводу, что психология закономерно стоит в центре междисциплинарных связей, и успех психологического познания зависит от содружества психологии со смежными науками о человеке — индивиде, личности, субъекте. В постановке проблемы *синтетического человекознания* мы усматриваем еще одно проявление антропологизма Ананьева. Именно в системе человекознания, в тесном содружестве с есте-

ственными, обществоведческими и гуманитарными науками психологическая наука, по его убеждению, получает новые возможности для решения своих собственных задач.

Согласно антропологическому принципу вся полисистема разнородных свойств человека, интегрированная структурой личности, детерминирует психические процессы изнутри. Но есть и детерминация психических процессов извне, со стороны объектов, действующих на органы чувств в процессах отражения и практического действия субъекта. Принцип детерминизма органично связан с принципом отражения, который указывает на зависимость психических явлений от окружающего материального мира, а также собственной телесности субъекта, данной вначале во множестве ощущений, которые обладают всеми родовыми свойствами психического.

В отличие от гештальт-психологов и других научных школ, которые игнорировали ощущения как самостоятельные психические феномены, Б. Г. Ананьева направила усилия на раскрытие всего богатства сенсорики человека, ее роли в развитии восприятий, представлений, мышления, а также движений и действий в составе деятельности и поведения. Более того, в работах Ананьева и его сотрудников были показаны глубинные связи ощущений с потребностной сферой человека и их участие в процессах жизнедеятельности организма, поведения личности и внутренней жизни индивидуальности.

Многолетние исследования сенсорно-перцептивных явлений привели Б.Г.Ананьева к выводу о том, что ощущения — ключ к пониманию природы психики в целом. Для него было отчетливо ясно, что ощущения не только источник познания, но и источник всей психологической структуры человека. «Если раньше ощущения рассматривались только как элементы познания и сознания, как источник умственного развития, то теперь мы имеем возможность рассматривать их также как элемент деятельности-поведения и как необходимый компонент всего процесса жизнедеятельности» (Ананьев 1960: 90), — констатировал Б. Г. Ананьев в результате всесторонних исследований ощущений, выполненных в его научной школе. Из сказанного следует, что Б.Г.Ананьев вовсе не гносеологизировал психику, в частности ощущения. Напротив, он видел в ней жизненные функции, включал ее в разные формы жизнедеятельности.

Идейные установки концептуальной системы Ананьева и иссле-

довательская практика его научной школы проникнута духом *последовательного сенсуализма*. В этом еще одна принципиальная особенность его концептуальной системы. Как известно из истории философии и психологии, сенсуализм — это учение о чувственных основах психического, учение, которое сводило все формы познания к ощущениям и к их ассоциациям.

Б. Г. Ананьев признавал положительное значение материалистического сенсуализма в развитии научной психологии. Так, по мнению Б. Г. Ананьева, «последовательный сенсуализм И. М. Сеченова... явился одним из выражений его детерминистических и монистических воззрений...» (Ананьев 1966б: 40). Б. Г. Ананьев писал, что «благодаря материалистическому сенсуализму естествознание и психология были направлены на исследование не только чувственных источников мышления, но и на выявление происхождения всякого знания из процесса отражения в мозгу объективной действительности, воздействующей на органы чувств» (Ананьев 1959б: 207).

Для советских психологов много значила философская теория отражения, представленная в книге В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». В ней проводилась в общем старая мысль материалистического сенсуализма о том, что «ощущение есть действительно непосредственная связь сознания с внешним миром, есть превращение энергии внешнего раздражения в факт сознания» (Ленин ПСС: XVIII, 46). Ленин критиковал махистов за агностицизм и субъективизм в теории отражения, за то, что «они *недостаточно* доверяют показаниям наших органов чувств, непоследовательно проводят сенсуализм» (Там же: 130). На самом деле по своему биологическому смыслу ощущения должны быть адекватными движущейся материи. Эти и другие мысли Ленина были близки взглядам Б. Г. Ананьева.

Особенностью теории ощущений и конкретных исследований Ананьева является охват сенсорики во всех известных ее модальностях. Ананьев рассматривал как феномены чувственного познания не только зрительные, слуховые, тактильные, мышечные ощущения, но и болевые, интероцептивные, температурные и др.

Ощущения выполняют не только функцию отражения, но также регуляции и ориентации. «Сенсорно-перцептивные процессы, будучи отражением объективной действительности и регуляторами деятельности, относятся, видимо, к коренным феноменам жизнедеятельности, связанными с глубокими слоями целостной структуры

человеческого развития личности (Ананьев 1977: 51)⁷. Это означает, что ощущения являются первичным и необходимым элементом в структуре человека как живого, познающего и действующего существа. Такой взгляд объединяет сенсуализм с антропологическим принципом в концептуальной системе Ананьева, подобно тому как это было в истории философии (Л. Фейербах). Но в отличие от старых сенсуалистов Б. Г. Ананьеву удалось избежать редукции всего богатства личности к ощущениям, чувственности, что стало возможным путем последовательного и глубоко осознанного применения *принципа развития*.

Принцип развития органичен для всей научной системы Ананьева. Он пронизывает все ее разделы, включая теоретические представления о психических процессах и концепцию индивидуальности. Действие других принципов нельзя представить вне развития. Так, процессы психического отражения выступают как временная их развертка — актуалгенез с участием перцептивных, мнемических, логических действий. Ощущения, восприятие, память, мышление и все другие процессы несут на себе печать исторического времени. С другой стороны, эти процессы зависят от возрастной и биографической фазы жизни человека. Человек, его полисистемная структура предстает как продукт и причина собственного развития в онтогенезе и на жизненном пути.

Исходя из идеи целостности человека и его психики, Б.Г.Ананьев ставил вопрос о генетических переходах от элементарных психофизиологических функций мозга к собственно психическим явлениям (процессам, состояниям, свойствам), а от них — к психоидеологическим, или духовным, т. е. возникающим на рефлексивном уровне сознания (личностные состояния типа экзистенциальных переживаний, воспоминания, мечты, размышления, высшие уровни направленности — идеи и принципы личности, ее жизненная философия). Последовательное применение принципа развития во всех его формах (микрогенетическом, онтогенетическом, биографическом, историческом, филогенетическом) ко всем уров-

⁷Выступая в 1947 г. на обсуждении книги С.Л.Рубинштейна «Основы общей психологии», Б. Г. Ананьев подчеркнул генетическое значение ощущений: «Если говорить о том, из чего развиваются и формируются психические процессы, то, конечно, такими (единицами. — *Н. Л.*) являются и будут являться ощущения, как бы не заменяли их всякими другими словечками и терминами» (Стенограмма заседания, посвященного обсуждению книги С.Л.Рубинштейна «Основы общей психологии» 29 марта 1947 г. — Российская Государственная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 642. К. №27. Ед.хр.№22).

ням психического позволяет избежать противопоставления (или даже отрыва) биологического и социального, психофизиологического и психосоциального, материального и духовного в структуре целостной личности-индивидуальности.

Думается, что Б. Г. Ананьев указал наиболее перспективный путь развития психологической науки на основе принципа развития, который только и позволяет объединять разные уровни психической реальности и, соответственно, разные уровни и методы ее исследования, начиная от психофизики порогов и кончая духовными способностями человека. Именно в такой логике и проводились комплексные исследования человека в школе Б. Г. Ананьева.

Принцип развития раскрывает временной, генетический и исторический аспект детерминации психики и поведения. Внутренние условия, преломляющие внешние воздействия, развиваются, т. е. созревают, формируются, перестраиваются, инволюционируют и т. д. Эти преобразования непрерывно происходят посредством функционирования, «практикования» всей структуры личности и ее элементов в поведении, деятельности, жизнедеятельности, творчестве.

Движущей силой развития психического являются внутренние противоречия, которые, по Ананьеву, возникают уже потому, что структура личности и ее элементов неоднородна. Так, в структуре психических процессов сочетаются онтогенетические феномены — психофизиологические функции, органические мотивирующие потребности — и социально детерминированные операции, а также социальные формы мотивации. К факторам развития Ананьев относил разнообразные условия среды (социальной, биотической, абиотической), наследственность, обучение и воспитание, сложившуюся к определенному моменту времени структуру личности, индивидуальность. С индивидуальностью он связывал возможность перехода от воспитания к самовоспитанию, создание собственной среды, развития. Главным же фактором считал *развитие самой жизни*, существенным содержанием которой выступает деятельность человека (труд, общение, познание, а также игра, учение и многие производные виды деятельности).

Принцип единства сознания и деятельности, по мнению Б. Г. Ананьева, «...имеет методологическое значение как в том смысле, что определяет объективную познаваемость субъективного, так и в том, что указывает на возможность генетического исследования различных форм отражения в связи с реальным процессом жизни и деятельности» (Ананьев 1977: 156). Сознание — отра-

жение объективной действительности, и деятельность — ее преобразование являются атрибутами субъекта. «Функционирование и само становление сознания понятно только как характеристика регулирования деятельности, практического взаимодействия человека с внешним миром» (Там же: 175). Жизненный и биологический смысл психики как раз и состоит в регулировании жизнедеятельности, поведения и деятельности на основе отражения и ориентации. Деятельность — необходимое звено в детерминации психического.

Ананьев ввел в психологию представление о трех основных видах деятельности — труде, познании и общении, и предложил трактовку субъекта и его психического развития как эффектов их конвергенции (Там же: 169, 173 и др.). Труд, познание и общение в индивидуальном развитии соответствуют фундаментальным общественным процессам, обеспечивающим возможность существования человека и общества. Поэтому они являются основными видами деятельности, по отношению к которым игра, учение и другие оказываются производными. Основные виды деятельности выступают средством преобразования условий существования человека. В этих видах деятельности развитие осуществляется путем экстерииоризации сущностных сил человека, объективации его внутреннего мира. В игре и учении преобладает механизм интериоризации, благодаря которому происходит развитие в форме присвоения общественного опыта человечества, культуры в широком смысле слова. Механизмы экстерииоризации и интериоризации сосуществуют и дополняют друг друга. В зрелости большее значение приобретают процессы экстерииоризации, а интериоризация становится все более зависимой от нее, от производства материальных и духовных ценностей субъектом.

В концептуальной системе Б.Г.Ананьева деятельность субъекта рассматривается как субъектная, т.е. принадлежащая субъекту и им определяемая детерминанта психического. В формуле детерминизма «сбалансированы» принцип отражения, с одной стороны, а с другой — антропологический и принцип деятельности⁸. На основе процессов отражения объективной действительности возникают психические состояния и устойчивые свойства, составляющие психологическую структуру личности. Актуальное взаимодействие субъекта с объектом преобразует психофизиологические

⁸ «В интересующем нас плане социальной детерминации индивидуально-психического развития понятия субъекта и деятельности оказываются неотделимыми» (Ананьев 19686: 155).

функции мозга и порождает на их основе новые потенциалы субъекта, которые сами уже детерминируют последующие циклы взаимодействия. Переходы «внутреннее-внешнее», «потенциальное-актуальное» делают психологическое познание особенно трудным. Эти трудности разрешимы только на основе принципа развития. В психологии, как нигде, важно знать историю системы, кристаллизованную в ее структуре, чтобы понять ее актуальное поведение.

Психические процессы, структуру личности и их развитие Б. Г. Ананьев рассматривал системно и комплексно. В его трудах принцип системности-комплексности проводился по отношению к различным психическим явлениям, начиная сенсорно-перцептивными и кончая индивидуальностью. Реализацию методологических принципов в их взаимосвязи в исследованиях Б. Г. Ананьева можно проследить по основным блокам его концептуальной системы.

Б. Г. АНАНЬЕВ О ПСИХИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ

Теория психических процессов и лежащих в их основе элементарных функций мозга — наиболее разработанная глава в научном наследии Б. Г. Ананьева. Он рассматривал психические процессы как основные феномены психической реальности: «Центральное значение для отражения объективной действительности, ориентации в ней и регуляции действий имеют *психические процессы* (восприятие, память, мышление, эмоции и т.д.)...» (Ананьев 1968б: 136). Процессы составляют поток, динамику внутренней жизни, на их основе образуются состояния и устойчивые свойства личности. В этом Б.Г.Ананьев вполне солидарен с С.Л.Рубинштейном, который писал, что «психические деятельности (то же, что и процессы. — *Н. Л.*) — это тот «строительный материал», из которого складываются психические свойства и способности человека» (Рубинштейн 1973: 248).

Б.Г.Ананьев рассматривал процессы в двух отношениях. Во-первых, в гносеологическом, в связи с объектом отражения, что позволило выявить зависимость структуры образа (мысли) от объекта, с которым взаимодействует субъект. При этом определяются информационные характеристики, механизмы кодирования и декодирования информации, фазы становления адекватного образа⁹.

⁹В школе Б. Г. Ананьева эту сторону психических процессов активно изучала Л. М. Веккер (1964) и Б. Ф. Ломов (1966) с сотрудниками.

Во-вторых, существует отношение психического процесса к субъекту—его можно назвать онтологическим. Здесь выделяются связи процесса с 1) деятельностью, в которой процессы выполняют регуляторную функцию и в то же время сами являются ее эффектом; 2) возрастными и индивидуально-типологическими особенностями человека; 3) установками и мотивами, в том числе обусловленными общением и коммуникацией в социальных группах.

В соответствии с доминированием антропологического принципа в концептуальной системе Б.Г.Ананьева он сосредоточился в основном на онтологическом отношении и ставил задачу изучить психические процессы как активные компоненты, регуляторы деятельности, поведения и жизнедеятельности, как эффекты целостной системы «человек». По Ананьеву, «образ (аналогично мысль. — Н. Л.) выражает целостность субъекта и взаимосвязь в нем различных свойств» (Ананьев, Дворяшина, Кудрявцева 1968: 35).

Ананьев стремился раскрыть детерминацию психических процессов со стороны субъекта, разнородной его структуры. В школе Ананьева были изучены возрастно-половые и индивидуально-типологические детерминанты психических процессов. Личностные детерминанты исследовались в связи с проблемой социальной перцепции А. А. Бодалевым и его сотрудниками (Бодалев 1965 и др. работы).

В 60-е годы Б. Г. Ананьев сформулировал теоретическое положение о структурной организации психических процессов. Психические процессы — целостные единицы психики в том смысле, что они, во-первых, неразложимы далее без потери качества психического, во-вторых, выполняют жизненно важные функции психики, в-третьих, в них проецирована структура личности. Последнее значит, что каждый психический процесс имеет в своей структуре *функциональные, операциональные* и *мотивационные* элементы (механизмы). Эти элементы как бы представляют в структуре процесса целостные интегральные системы свойств человека, соответственно: функциональные — систему индивида, операциональные — субъекта, мотивационные — индивида и личности.

Б. Г. Ананьев особенно уделял внимание в своих исследованиях функциональным механизмам, связанным со структурой и мозга и индивида в целом. В полемическом задоре он называл себя функционалистом, что в его понимании означало признание природной обусловленности психики, выражающейся в участии мозго-

вых функций в структуре психических процессов¹⁰. Причем именно эти функции являются исходным элементом в ней. Это относится не только к ощущениям, но и ко всем другим процессам, включая абстрактное мышление, словесно-логическую память, волю и высшие чувства.

Сенсорно-перцептивные, вербально-логические, мнемические, психомоторные, тонические функции, будучи сами по себе *отправлениями мозга*, не есть еще собственно психические явления, но их возможность. Эта возможность становится действительностью при взаимодействии субъекта с объектом. Функции не определяют содержания образа или мысли, но задают предельные динамические характеристики психических процессов — точность и скорость реакций, в том числе интеллектуальных, пределы выносливости анализаторов, глубину и прочность следов памяти (Ананьев, Дворяшина, Кудрявцева 1968: 32). Психофизиологические функции поддаются тренировке, благодаря чему расширяются их лимиты, тем самым увеличиваются природные потенциалы субъекта.

Все функции связаны с определенными структурами мозгового субстрата, «являются эффектами тех или иных нейродинамических свойств, генерируемых этими структурами. Иначе говоря, функциональные механизмы могут быть поняты лишь в связи с основными характеристиками человека как индивида» (Ананьев 1977: 207). Они изначально развиваются по генетической программе, в процессах онтогенеза.

Б.Г.Ананьев придавал большое значение психофизиологическим механизмам психических процессов, поскольку они и только они являются исходным материалом всех психических структур. Психофизиологические функции лежат в основании структуры субъекта (Ананьев 1967). Каждая из функций рассматривалась им как отправление мозга, задаток частной способности — перцептивной, мнемической, мыслительной и проч.

Что касается операциональных механизмов психического процесса, то они напрямую не зависят от субстрата — мозга, и его психофизиологических характеристик. Операции носят культурно-ис-

¹⁰ Понятие «функция» в психологии имеет разные смыслы. Иногда оно означает психический процесс, вне деятельности и личности (отсюда «абстрактный функционализм»). В других случаях, как, например, в культурно-исторической теории Л. С. Выготского, имеется в виду психический процесс, опосредованный знаком, возникающий в результате интериоризации совместной деятельности людей.

торический характер, зависят от техники, которой вооружен субъект. Они формируются у индивида в процессе накопления индивидуального опыта путем научения, усвоения культуры. Речь идет о разнообразных сенсорно-перцептивных, мнемических, логических операциях, которые совершаются с помощью орудий — техники и знаков. Для овладения операциями требуется определенный уровень функционального развития. Более или менее развитые функциональные механизмы составляют внутреннее основание операционных компонентов психических процессов. Формирование последних происходит путем преобразования, систематизации, организации психофизиологических функций в соответствии со структурами действий, выработанными в культурно-историческом развитии человечества.

Третьим компонентом — механизмом психических процессов, является *мотивация*. Она определяет тонус, направленность, избирательность процесса. Мотивационные механизмы функционируют на уровне индивида и на уровне личности. В первом случае в них выражаются органические потребности, «связанные с обслуживанием основных безусловных рефлексов на сохранение постоянства вещества и внутренней среды, оборонительно-защитных, размножения и родительских функций, рефлексов на экологические стимулы и т.д.» (Ананьев, Дворяшина, Кудрявцева 1968: 37). На уровне индивида в сенсорно-перцептивных процессах связь мотивации с потребностями проявляет себя в состоянии сенсорного голода. Другим ее проявлением можно считать факт деформации структуры потребностей под влиянием сенсорных нарушений. Ананьев пытался представить элементарную мотивацию процессов в связи с ощущениями (особенно кинестическими и интероцептивными). Это возможно, потому что «в структуре любой ассоциации ощущений имеются компоненты, одни из которых выполняют функцию *сигнала*, другие — *подкрепления*. Поэтому в ассоциации ощущения элемент информации всегда связан с наличием активации в форме подкрепления» (Ананьев 1977: 70).

На уровне личности мотивационные элементы психических процессов обусловлены познавательными, этическими и эстетическими потребностями. Таким образом, «мотивационные механизмы, включающие все уровни мотивации (от органических потребностей до ценностных ориентации) относятся к характеристикам человека как *индивида и личности*» (Там же: 208).

Сенсуалистическая трактовка психических процессов придает

своеобразие взглядам Б. Г. Ананьева на эти явления. Так, Ананьев в отличие от других ученых, расширял чувственную основу мышления и сознания в целом за счет включения в нее ощущений «второстепенных» модальностей. Он доказывал, что не только зрение и слух являются чувственными источниками мышления, но и другие ощущения, вплоть до interoцепции. Широка и разнообразие чувственной сферы человека порой игнорируются в такой степени, что отсутствие слуха и зрения вследствие врожденного дефекта расценивается как полный апсихизм. Такое мнение высказывал Э.В.Ильенков, отзываясь на успехи советской тифлосурдопедагогики (Ильенков 1977). Но это мнение совершенно противоречит научным данным о богатстве чувственной сферы человека. В исследованиях Ананьева и его сотрудников показано значение для становления сознания и самосознания соместезии, кинестезии, тактильных, температурных, болевых ощущений, что далеко не всегда принимается во внимание при обсуждении вопросов о природе сознания и самосознания личности.

В гносеологическом плане Ананьев был убежден, что «без ощущений и помимо их не может возникнуть никакая самая абстрактная мысль, никакое мысленное (обобщенное и опосредованное) отражение бытия» (Ананьев 1955: 7). Кроме того, «ощущения являются источниками мышления не только в том смысле слова, что когда *кончается* чувственный акт, начинается акт логический, но и в том смысле слова, что уже в самом процессе различения происходят сравнение, анализ, индукция, т. е. формируются механизмы мышления» (Ананьев 1948: 37).

Единство чувственного и логического отражения, сенсорно-перцептивных и мыслительных процессов обеспечивается общими для них ассоциативными механизмами. Б. Г. Ананьев не противопоставлял логические, смысловые связи ассоциативным. Так, он думал, что наглядное отражение пространственных связей предшествует и подготавливает отражение причинно-следственных, составляющих специальный предмет мысли. В процессах мышления Ананьев видел частный вариант ассоциативной деятельности и полагал необходимым изучать законы ассоциации и диссоциации, чтобы понять мышление, в том числе и творческое (Ананьев 1966б).

Сплав чувственного и логического особенно сильно проявляется в структуре представлений. Благодаря обобщенным и устойчивым симультанным образам представлений мышление приобретает значительную автономность от текущей ситуации, воздействующей на

органы чувств. Внутренний план умственной деятельности обеспечивается преимущественно переводом образов разной модальности в зрительную форму и обозначением их словом. Процессы визуализации и вербализации чувственного опыта служат механизмом интеграции сознания. Но визуализация зависит не только от информационной емкости зрения, но и от связи зрительной системы со всеми другими анализаторами, благодаря чему происходит перекодирование информации из других модальностей в зрительную. «Мы полагаем, что доминантность зрительной системы определяется также тем, что она играет роль внутреннего канала связи между всеми анализаторными системами (подобно кинестетическому анализатору) и является органом-преобразователем сигналов» (Ананьев 1977: 126).

Одной из причин доминирования зрения является также более легкая сигнификация-вербализация зрительно воспринятой информации. Обнаруженный Ананьевым в годы войны на психопатологическом материале факт расстройства сновидной деятельности при афазиях свидетельствует о том, что расстройство визуализации возникает «при поражении каждого звена визуально-словесной цепи при нарушении взаимосвязи между системами зрительной интеграции опыта и сигнификативно-регуляторной организации речи» (Там же: 125).

Ананьев подошел к проблеме речи со стороны ее роли в интеграции чувственного опыта, но не ограничился этим. В его исследованиях речь выступала как психический процесс с фазами установки на наречение, коммуникацию, постепенное построение суждения и его воплощение во внешней устной или письменной речи. Речь — это поведение, поступок, в связи с чем проявляется нравственная ее сторона — сначала в общении, а затем во внутреннем мире личности, в феномене «голоса совести».

В личностном же ключе он рассматривал и другие психические процессы — память (1940б), внимание (1940), восприятие-наблюдение (1940а), эмоции, волю. Последние два процесса не отразились в какой-либо специальной работе Б. Г. Ананьева, но рассматривались в связи с проблемой характера (1941, 1949а), психологии искусства (1941б), а также в теории чувственного отражения. В концепции Ананьева эмоции выступают в неразрывной связи с познавательными процессами. «Познавательные акты являются одновременно переживаниями, охватывающими различные сферы целостной личности» (Ананьев 1959: 185). Тонические функции мозга (потен-

циал эмоциональности) наряду с сенсорными включаются в процессы ощущений, сообщая им эмоциональный тон. Таким образом, элементарные эмоции являются не самостоятельными процессами, а стороной ощущений¹¹. Это особенно заметно в болевых, температурных, вкусовых, обонятельных, инteroцептивных ощущениях, непосредственно связанных с потребностями организма, с его жизнедеятельностью.

К высшим эмоциям личности возможно применить трехчленную схему анализа, отработанную на примере познавательных процессов. Эти представления Б. Г. Ананьев, к сожалению, не развил, тем не менее он указал, что функциональным механизмом являются тонические психофизиологические функции, связанные с метаболическими и другими процессами жизнедеятельности. В качестве операциональной стороны выступают «сложные системы общественного поведения с их символикой, правилами и моральными нормами, отношениями, регулируемые правом и моралью» (Ананьев 1977: 208). Мотивационный механизм этих процессов Ананьев находит в нравственных и эстетических чувствованиях, идеалах и вкусах личности.

Психические процессы Б. Г. Ананьев рассматривал как самостоятельные явления и как механизмы осуществления личности, ее внутренней жизни и социального поведения. Внутренняя речь, мышление, память, представления и вместе с ними сенсорно-перцептивные процессы и эмоции служат средствами регулирования социального поведения. При этом они поднимаются на уровень психоидеологических, духовных явлений, становясь «голосом совести», размышлением, воспоминанием, мечтой, переживанием любви, ненависти, энтузиазма и т. п. Таким образом, Б. Г. Ананьев стремился охватить весь диапазон психической жизни — от элементарных ощущений индивида до экзистенциальных переживаний личности. Ананьев был убежден, что психологическую теорию личности нельзя построить в отрыве от теории психических процессов. Он продемонстрировал это в своих характерологических работах, наметив логику перехода от теории процессов к теории личности. Но Ананьев также утверждал, что абстрагирование процессов от личности оправданно в целях выяснения универсальных, независимых от структуры субъекта законов построения образа и мыс-

¹¹ В трактовке элементарных эмоций Б. Г. Ананьев близок В. М. Бехтереву, который видел в эмоциях мимико-соматические рефлексы.

ли, адекватных объекту. Психическое содержание личности может быть раскрыто в связи с процессами отражения и переживания действительности в психических процессах¹².

СТРУКТУРА ЛИЧНОСТИ-ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ В СИСТЕМЕ ВЗГЛЯДОВ Б. Г. АНАНЬЕВА

Согласно антропологическому принципу Б. Г. Ананьева, психическое можно понять только в его связях с объективными свойствами человека, свойствами, которые определяются его включенностью в природные и социальные системы¹³. При этом сам человек представляет собой полисистему природно и социально обусловленных элементов.

Б. Г. Ананьев обосновал наиболее дифференцированную структурную модель человека, в которой отражены основные классы его свойств. Его модель противостоит встречающемуся в науке отождествлению понятий человека и личности. Ананьев различает собственно личностные свойства, а наряду с ними свойства психофизиологического организма, индивида. Индивид и личность — основные формы существования человека как природного и социального явления. Структура индивида и структура личности не исчерпываются психологическими характеристиками. То же можно сказать и о структуре субъекта, который является производной формой существования человека, поскольку в структуре субъекта интегрированы индивидные (природные) и личностные (социальные и психо-социальные) свойства.

Наиболее интегральной формой существования человека, по Б. Г. Ананьеву, является индивидуальность. Это обуславливает трудности ее изучения. Дело в том, что индивидуальность может быть понята только при знании полного набора основных характеристик и свойств человека как индивида, личности и субъекта. Но индивидуальность не сводится к сумме этих свойств, она предстает как новая полисистема, в которой интегрируются все три указан-

¹²Л. М. Веккер—теоретик психологии процессов—любил повторять парадоксальный афоризм Б. Г. Ананьева: «И слава Богу, что существует безличная психология, только на ее основе может быть построена подлинная психология личности» (Веккер 1981: 4).

¹³Много позже Б. Г. Ананьева П. Фресс также пришел к убеждению, что психологи должны стать антропологами, чтобы более успешно решать собственные психологические задачи (Фресс 1981).

ные системы свойств. По уровню интеграции понятие индивидуальности, по Б. Г. Ананьеву, совпадает с понятием структуры личности (не путать со структурой собственно личностных свойств). В структуре личности «.. пересекаются (обобщаются) важнейшие свойства не только личности, но также индивида и субъекта» (Ананьев 1977: 211). В своих работах Ананьев чаще употреблял более привычное понятие «структура личности», хотя по смыслу было бы точнее говорить о структуре индивидуальности. Эта особенность терминологии затрудняет понимание текстов Б. Г. Ананьева, тем более что у него есть еще понятие о структуре личности в узком смысле слова, относящемся к социальным и психосоциальным свойствам, к моносистеме «личность».

Структура личности-индивидуальности включает только самые устойчивые, характерные для полисистемы свойства и воплощает, так сказать, статику индивидуальности. Но есть и динамика — внутренняя жизнь, сфера глубоко личностных переживаний, предельно индивидуализированных, уникальных. Не только структура, но и зависящая от нее динамика субъективного мира опосредует воздействия внешнего мира на человека и детерминирует его поведение. Как показал Б. Г. Ананьев, индивидуальность может быть познана в системе комплексного человекознания. Междисциплинарные связи этого комплекса стягиваются к определенным проблемным узлам, первым из которых является проблема индивида.

Индивид. Понятие «индивид» имеет в концепции Б. Г. Ананьева смысл природного психофизического существа, особи биологического вида *Homo Sapiens*. Природные его свойства первично детерминированы наследственностью. Вторичная же детерминация складывается из взаимодействия генетической программы с условиями онтогенеза — абиотическими, биотическими и социальными факторами среды. К этим же условиям относится воспитание и деятельность человека. Содержание понятия «индивид» раскрывается в ходе структурного анализа.

Первый шаг анализа приводит к различению двух классов индивидных характеристик — возрастно-половых и индивидуально-типологических. Возраст индивида — одна из форм биологического времени, он рассматривается в связи с проблемой психического развития.

Половой диморфизм относится к постоянным характеристикам онтогенетической эволюции индивида, причем степень его зави-

сит от возраста. Внимание к половым особенностям психики — характерная черта исследовательской программы Б. Г. Ананьева. Он исходил из представлений о более высоком уровне саморегуляции женского организма, а потому большей его жизнестойкости. Психологическое значение пола определяется также диморфизмом социализации. Поэтому пол, будучи изначально природной характеристикой, становится также свойством личности. Пол и возраст социально значимы и учитываются обществом в моральной и правовой регуляции общественной и индивидуальной жизни, а личностные качества мужчины и женщины формируются в процессах социализации под влиянием культурно-исторических эталонов мужественности и женственности.

Индивидуально-типологические свойства индивида включают общую конституцию и конституцию мозга. К первой относятся морфологические особенности — габариты и пропорции тела, что оказывается немаловажной предпосылкой некоторых видов деятельности (спортивной, хореографической, например) и опосредованно влияет на формирование характера, благодаря социально значимому фактору внешности в общении и межличностных отношениях.

Более непосредственное отношение к психологическим особенностям имеют разнообразные формы реактивности организма — биохимическая, связанная с метаболизмом, сердечно-сосудистая, психовегетативная, психомоторная. Любой психический процесс имеет глубокие связи с соматическими функциями, протекает на том или ином фоне реактивности организма и потому «заземлен» на жизнедеятельность индивида.

Конституция мозга выражается в особенностях нейродинамики и функциональной геометрии мозга, его билатеральности. Ананьев, исходя из идеи целостности человека, стремился преодолеть разрыв между учением об общей конституции и конституции нервной систем. Он считал, что «типологические свойства нервной системы являются частью конституциональных свойств организма в целом» (Ананьев 1966: 177). Он полагал необходимым и перспективным искать общие свойства нервной системы в анализаторах, наиболее тесно связанных с жизнедеятельностью организма — в температурном, вкусовом, обонятельном, интероцептивном анализаторах. Его подход, таким образом, отличается от подхода В. Д. Небылицына, который локализовал общие свойства в регуляторном блоке головного мозга (Небылицын 1976).

В структуре индивида как психофизиологического существа основное место занимают психофизиологические функции: сенсорно-перцептивные, мнемические, вербально-логические, моторные, тонические, аттенционные; наряду с ними существуют органические потребности. Все вместе они образуют как бы второй слой индивидной структуры. На этом уровне особо выделяется *сенсорно-перцептивная организация*, включающая в себя все сенсорно-перцептивные функции.

Понятие сенсорной организации предложено и обосновано Б. Г. Ананьевым в пятидесятых годах и направлено против устаревшего представления о бессистемности чувственных форм отражения. На самом деле, доказывал Ананьев, существует стройная единая система анализаторов всех видов и соответственно взаимодействие ощущений разных модальностей. Сенсорная организация сложилась в филогенезе и обеспечивается безусловно-рефлекторными связями между анализаторами. У человека она исторически преобразована и отражает историю его деятельности и общественный образ жизни.

Ананьев считал, что «широко распространенное и в настоящее время представление о том, что сенсорно-перцептивные процессы относятся к низшим психическим функциям и, составляя как бы периферию субъекта, не входят в его основную структуру и индифферентны к личности, надо признать безнадежно устаревшими» (Ананьев 1977: 51). Сенсорная организация личностна в том смысле, что она индивидуально-своеобразна. Каждый человек характеризуется свойственным ему типом чувствительности, *сенситивностью*. Сенситивность — это общий для данного человека способ чувствительности, являющийся системным свойством его сенсорной организации. Она определяется по темпу сенсорных реакций, психомоторному ритму, особенно по переключению с одного вида чувственного различения на другой, по силе сенсомоторных и вегетативных реакций на различные раздражители, по следовым реакциям (последствию).

Сенситивность входит в структуру темперамента, является формой его существования в сенсорно-перцептивной сфере. Темперамент и задатки интегрируют все элементы индивида и завершают его структуру. Задатки характеризуют индивид со стороны потенций, служат генетическим источником способностей, темперамент соотносится с характером, а органические потребности индивида лежат в основании направленности личности и характеризуют ин-

дивид со стороны тенденций. В целом индивид рассматривается Б. Г. Ананьевым как «сырье» для строительства личности.

Личность. Понятие «личность» в трудах Ананьева имеет неоднозначный смысл. Во-первых, оно употребляется в широком значении как отдельный человек с многообразными природными, социальными и психологическими качествами, субъект деятельности и сознания. Во-вторых, Ананьев сужал данное понятие, относя его только к социальным и психосоциальным свойствам. При этом общественные отношения —экономические, социально-политические, правовые, нравственные — составляют первичную сущность человека. Психическое как душевное и духовное содержание субъекта при таком подходе рассматривается уже как сущности второго и третьего порядка (Ананьев, Ельмеев 1969). «Для человека как личности существенными могут считаться лишь те характеристики, которые связаны с развитием общества, особенно с производством его материальной жизни, и выполняют, следственно, определенную социальную функцию» (Ананьев 1966: 179).

Психология личности раскрывается только в связи с материальным ее бытием, в связи с «*современным* для данного общества и народа укладом жизни, с историей общественного развития, особенно с историей культурного, политического и правового развития, определившей становление современного образа жизни» (Ананьев 19686: 107).

Личность сочетает в себе свойства объекта и субъекта социально-исторических процессов. Функциональная заданность поведения личности в общности делает ее в определенном отношении функционером. Поведение функционера «...в целом и в отдельном своем акте (действии) осуществляется в соответствии с *ролью* человека в данной системе отношений, опосредующих действительность, с *процедурами поведения*, предписываемыми этой ролью, — общественной функцией человека в данной ситуации» (Там же: 287). Учитывая указанную объектность, функциональность личности, Б. Г. Ананьев высказывал мысль о том, что «личность как *общественный* индивид не есть отдельная (саморегулирующаяся) система, не есть единичный элемент общества, из совокупности которых строится и с помощью которых функционирует общество. Такой структурной единицей, "элементом" общества является не отдельный человеческий индивид с его отношениями к обществу, а группа... » (Там же: 295). Этот тезис нуждается в пояснении. Не

надо думать, что Ананьев отрицал активность и самостоятельность личности. Но он понимал ее как относительное качество, проявляющееся в континууме активности — от ее объектного полюса, где личность выступает в качестве социального индивида, функционера, до субъектного полюса, на котором человек выступает уже как творческая, самобытная личность — индивидуальность¹⁴. Диалектика личности такова, что из объекта воздействий она становится субъектом, впрочем, никогда не теряя и свойств объекта. Человек осуществляет социальные функции по-разному в зависимости от степени их осознания и отношения к ним. Личность может воспротивиться предписаниям, направляя деятельность на преобразование своего статуса и системы ролей. Она не только функционер, но и субъект социального поведения, деятель, борец. Опираясь на социологический анализ статуса, функций-ролей и ценностных ориентации, Ананьев обращается к системе внутренних, субъективных отношений, установок и мотивов личности. Они составляют вторичный класс личностных свойств.

Мотивация — главный блок в структуре собственно личностных психологических свойств. В мотивах социального поведения актуализируется *направленность личности*. По Б.Г.Ананьеву, структура социального поведения также входит в структуру личностных свойств. В отличие от тех советских психологов, которые сводили содержание понятия «поведения» к его животным формам или же критиковали его как только бихевиористское, Ананьев придавал ему самостоятельное значение в персоналистике. Одно из предложенных им определений личности строится на этом понятии: личность — субъект социального поведения (Там же: 86). В социальном поведении осуществляются функции-роли и в нем реально функционируют мотивы. Его содержание определяется общественными отношениями, преломленными сознанием личности.

Еще в 1933 г. Б. Г. Ананьев писал: «Поведение не есть общественное отношение само по себе, общественная деятельность сама по себе, но поведение определяется именно ими, выражая в себе общественное содержание личной деятельности» (Ананьев, Шнирман 1933: 729). В концептуальной системе Ананьева поведение —

¹⁴Такое «континуальное» видение активности личности и ее двойственного состояния — в форме объекта и субъекта, родственно взглядам В. М. Бехтерева (см. гл. 2), который утверждал, с одной стороны, активность и ответственность личности, а с другой — снимал с нее ответственность за преступления, считая, что бесчеловечное общество толкает человека на преступные деяния.

это личностный план деятельности, когда последняя рассматривается не с точки зрения опредмечивания сущностных сил человека в продуктах, произведениях, но как созидание общественных отношений, новых обстоятельств жизни, а с другой стороны — как реакция на социальные стимулы (предписания, нормы, ожидания и т.д.).

Если деятельность личности направлена на создание продукта, то поведение — на защиту, отстаивание, утверждение ее жизненных целей, на преодоление препятствий на пути к ним. Социальное поведение в таком случае становится борьбой, исходом которой будет успех, победа, триумф или, напротив, неудача, поражение, крушение личности. Эти исходы отражаются в психических состояниях личности и в дальнейшем влияют на формирование и развитие ее характера.

Поведение имеет личностные, главным образом, мотивационные эффекты, связанные с *тенденциями* личности. Деятельность же изменяет субъективные, операциональные свойства, связанные с *потенциями* субъекта. С точки зрения Б. Г. Ананьева, «... когда нас интересуют именно *личность* и ее структура, можно считать поведение человека в обществе родовой характеристикой, по отношению к которой все виды деятельности (например, профессионально-трудовая) имеют частное значение» (Ананьев 1968б: 315). Когда же речь идет о *субъекте*, родовой характеристикой является его *деятельность*.

Следуя логике Б.Г.Ананьева, можно расценить один и тот же феномен социальной активности то как деятельность, то как поведение. Ананьев считал правомерным говорить не только о трудовых действиях, но и о *трудовых поступках*, которые становятся вехами биографии, ее поворотными моментами. Таковы, например, трудовые и спортивные рекорды, лучшие сыгранные роли, картины и книги, научные открытия, взятые по отношению к личности, ее самосознанию и к ее социально-психологическому статусу в обществе (Ананьев, 1945). После совершения научного открытия, спортивного рекорда, исполнения значительной сценической роли, создания книги или картины человек поднимается на новую ступень в глазах окружения и в собственном мнении. Эти произведения обобщают прожитую жизнь, оформляют накопленный потенциал личности и переводят человека в новую фазу жизненного пути. Вся жизнь может измениться вследствие такого трудового поступка, а потому он — биографическое событие.

Разработка Б. Г. Ананьевым понятия поведения позволяет более дифференцированно и глубоко представить природу активности человека, не сводимую к предметной деятельности. Именно в формах поведения проявляется активность человека в различных социально-исторических событиях и коммуникативных ситуациях при взаимодействии с другими людьми. В терминах поведения адекватно описываются такие феномены, как паника, фрустрация, помощь, подвиг. Эти давние идеи Ананьева о социальном поведении личности соответствуют современным представлениям общей и социальной психологии.

Система личностных свойств завершается *характером*. «Статус и социальные функции-роли, мотивация поведения и ценностные ориентации, структура и динамика отношений — все это характеристики личности, определяющие ее мировоззрение, жизненную направленность, общественное поведение, основные тенденции развития. Совокупность таких свойств и составляет характер как систему свойств личности, ее субъективных *отношений* к обществу, другим людям, деятельности, самой себе, постоянно реализующихся в общественном поведении, закрепленных в образе жизни... *Структурной интеграцией отношений является именно характер личности...*» (Ананьев 1968б: 259, 260).

Для Б. Г. Ананьева характер — квинтэссенция личности. С образованием характера связана самобытность человека, самостоятельность его общественного поведения. Генетическим предшественником характера является темперамент, хотя не он определяет содержание и сущность характера. Сущность и содержание характера связаны с жизненной направленностью, идейностью, мировоззрением, жизненной философией личности, первично зависящими от общественных отношений. Темперамент в структуре характера становится его динамической, формальной стороной и теряет самостоятельное значение в регуляции поведения личности. Как думал Ананьев, не исключено, что под влиянием характерогенеза может измениться тип темперамента (1949а).

На основе непосредственных взаимоотношений людей возникают коммуникативные черты характера, формируется тип общительности (широта, избирательность, интенсивность, мотивированность общения). На основе отношений к другим людям развивается система отношений личности к самой себе, или *рефлексивные* черты характера. Становление рефлексивных черт связано с переходом сознания в самосознание.

Тип самосознания и тип общительности, тип воли, эмоциональности, характерность интеллекта (ум) образуются при закреплении в образе жизни определенных стилей общения, познания и труда, социального поведения и внутренней жизни личности. Та или иная черта характера — это своего рода привычка думать, чувствовать и поступать в определенных обстоятельствах свойственным данному человеку, характерным для него образом. Поэтому так важен метод приучения воспитуемого к образцовому поведению, выработка нравственных привычек.

Характер завершает систему собственно личностных свойств, он как бы представляет их в общей структуре личности. В некоторых работах Б. Г. Ананьев рядом с характером ставил склонности, однако весьма скупо характеризовал их, можно понять так, что склонность — это сторона направленности личности, обращенная к структуре субъекта и связанная с деятельностью.

Субъект. В концепции Б.Г.Ананьева субъект — центральное явление, предмет психологической науки. Он считал, что именно субъект — собственный предмет психологии. (В одном из своих выступлений он говорил: «Психология в концептуальном отношении—это диалектика субъекта».) Субъективное есть свойство субъекта, чтобы его понять, надо сначала узнать материальную структуру самого субъекта как активного деятеля в окружающем его мире (Ананьев 1967: 240). Ананьев усматривал своеобразие психологии в том, «что изучаемый ею человек как субъект может быть понят как *личность* и *индивид* (целостный организм) *одновременно*» (Ананьев 19686: 35). В концептуальной системе Ананьева субъект всегда индивид, т. е. его природные свойства непременно включаются в его структуру. В школе Б. Г. Ананьева они стали предметом эмпирических исследований (в частности, работы по проблеме психомоторной организации человека Н. А. Грищенко-Розе, Л. А. Головей, исследования инженерных психологов). Личностный уровень субъекта, несомненно, признавался ведущим в структуре субъекта, но эмпирически был изучен в меньшей степени.

Фокусирование проблемы субъекта на его потенциалах, генетически связанных с природной структурой индивида отличает антропологический подход Б. Г. Ананьева от субъектного подхода С.Л.Рубинштейна. В трудах С.Л.Рубинштейна и его школы, особенно его учеников К. А. Абульхановой и А. В. Брушлинского проблема субъекта исследуется преимущественно на личностном

уровне, особенно в эмпирических исследованиях. При этом теоретически природные свойства индивида признаются неустранимой стороной единой природно-социальной сущности человека. Следуя заветам С.Л.Рубинштейна, К. А. Абульханова и А. В. Брушлинский возвеличили категорию субъекта, полагая, что в ней раскрывается высший уровень развития личности (Брушлинский 1991, 1992, 1993 и др.; Абульханова-Славская 1973, 1980, 1991, 1999 и др.). В их трудах обосновывается идея С. Л. Рубинштейна о том, что субъект-личность проявляет активность не только в осуществлении отдельных видов деятельности, но в построении собственной жизни в целом. Субъект соотносит и опосредует своей активностью противоречивые обстоятельства жизни и тенденции собственного развития.

В концепции Б. Г. Ананьева структура субъекта интегрирует свойства индивида и личности. Ананьев разводит близкие понятия «личность» и «субъект». «Оба эти определения человека взаимосвязаны в такой мере, что субъект — общественное образование, а личность образуется и развивается посредством определенных деятельностей в обществе... Сложнейшая целостная структура человека как субъекта раскрывается лишь на социальном уровне развития человека как личности» (Ананьев 1977: 243, 244). Способом проявления и развития личности служит социальное поведение, а субъекта — деятельность. Субъект не тождествен личности, потому что «... сама деятельность (труд и т.д.) с ее предметом, орудием и операциональной техникой и субъект деятельности с его сенсомоторным, речемыслительным и знаковым аппаратом не сводятся к общественным отношениям, совокупность которых составляет сущность личности» (Ананьев 1968б: 87).

Субъект — познающее и сознательно действующее существо, он не сводится к субъективным явлениям. Напротив, субъективные явления базируются на объективных характеристиках субъекта. К последним относятся предмет деятельности, средства (орудия и знаки) и способы действий с ними (операции), наконец, продукты и производительность деятельности¹⁵. Такова внешняя структура субъекта.

Внутренней же его структурой, в которой обобщаются свойства

¹⁵ Еще на заре своей научной деятельности Б.Г.Ананьев пришел к пониманию роли искусственных «органов» человека — орудий и знаков как усилителей естественных органов. Позже он не раз писал о технических средствах как усилителях и преобразователях психофизиологических функций субъекта.

личности и индивида, являются *потенциалы* человека, определяющие его готовность к выполнению разных видов деятельности и возможный уровень продуктивности. Ананьев проводит параллель между связями «потенции-субъект» и «тенденции-личность» (Ананьев 1977: 274). Потенциалы субъекта иерархически организованы. Имеются субординационные и координационные связи между классами ресурсов и резервов человека. Причем все потенциалы представляют собой синтез различных сторон природы человека — направленности личности, ее функционального уровня, ее структуры и динамики (1966бв).

Природные, первичные потенции субъекта кроются в самой жизнедеятельности индивида и составляют его *жизнеспособность*. Б. Г. Ананьев впервые ввел это понятие в психологию и показал его необходимость при анализе структуры трудоспособности и других потенций. Жизнеспособность — эффект структуры индивида, природное основание всех других потенциалов. В определенном отношении жизнеспособность — это готовность организма и особенно мозга к эффективному функционированию. Иначе говоря, жизнеспособность — это психофизическое здоровье человека, характеристика субъекта на уровне индивида. На уровне личности образуется трудоспособность «как синтез функциональной работоспособности организма и его приспособленности к определенным условиям работы и профессии» (Ананьев 1977: 179).

Трудоспособность — «ядро потенциальной характеристики личности, рассматриваемой со стороны ее структуры и уровня развития» (Ананьев 1966бв: 38). Для формирования трудоспособности «нужен весь комплекс свойств человека, взятых в отношении любой возможной трудовой деятельности. Реализация жизнеспособности человеческого организма в трудовой деятельности и является исходным компонентом общей трудоспособности человека» (Там же: 47).

Общая трудоспособность формируется еще до начала профессиональной деятельности, а затем развивается вместе с профессиональной трудоспособностью и не исчерпывается с ее прекращением. Она имеет исторический характер и зависит от социальной системы трудового воспитания, накопления жизненного и профессионального опыта в виде знаний, умений и навыков. С помощью орудий труда человек расширяет диапазон своих возможностей, поэтому техника, орудия труда являются ультра- и инфрапотенциалами субъекта.

Трудоспособность — свойство субъекта труда, конкретным видам которого соответствуют специальные способности. Психофизиологический механизм трудоспособности — преимущественно психомоторные функции. В общей трудоспособности и специальных способностях необходимо присутствует интеллектуальный компонент, поскольку он имеет существенное значение для всех видов деятельности. Действительно, интеллект необходим для адекватного отражения предмета деятельности, ее условий и самого процесса, без чего невозможна успешная деятельность.

Теория интеллекта служит Б. Г. Ананьеву моделью субъекта в целом. Как субъект в целом, так и его интеллект существуют в двух системах связи. На уровне индивида интеллект представлен задатками умственных способностей, на уровне личности — собственными способностями (мыслительными в первую очередь), эрудицией, креативностью, социальной продуктивностью. Ананьев выдвинул идею о существенности для интеллектуальной деятельности связей интеллекта с жизнедеятельностью организма — его биохимической, вегетативной реактивностью, метаболизмом, предложив понятие «цены интеллектуального напряжения». По мысли Ананьева, успешность умственной деятельности зависит не только от оперирования информационными единицами, не только от мотивации, но и от энергетической обеспеченности процессов переработки информации в мозгу.

Интеллект — многоуровневая организация познавательных сил, охватывающая психофизиологические функции, процессы, состояния и свойства. Каждый психический процесс можно рассматривать как актуализацию какой-либо частной способности. В способностях интегрированы задатки, знания, умения, а также склонности. Структура способностей аналогична структуре психических процессов: знания и умения представляют операционную сторону способностей, сформированную в результате обучения, а склонности — их мотивационную сторону. В основе способностей, так же как и процессов, лежат психофизиологические функции мозга. Каждая способность есть *готовность* к той или иной деятельности. «Умственные способности есть различные формы готовности к более продуктивной умственной деятельности» (Ананьев 1958а: 29).

В концепции Ананьева проблеме потенциалов уделялось перво-степенное внимание, поскольку он считал потенциалы основным содержанием субъекта. В качестве потенциалов выступают не только

трудоспособность и интеллект, т. е. собственно потенции, но и характерологические свойства, генетически связанные с тенденциями личности. Поэтому можно сказать, что *структура субъекта — это структура личности в отношении к деятельности и ее продуктивности, рассмотренная с точки зрения ее готовности к эффективному выполнению тех или иных видов деятельности.*

Совокупность свойств личности, определяющих готовность к деятельности на творческом уровне, составляет *талант*. Талант — творческий уровень способностей человека. Творческая деятельность интегрирует все потенциалы субъекта, потому что процессы творчества наиболее интенсивны и требуют всех сил, активизации всей структуры субъекта как индивида и личности. В таланте представлен ансамбль различных способностей в единстве с характером, жизненной направленностью. О таланте можно говорить тогда, когда развитие способностей направляется самим субъектом в соответствии с мировоззрением и самосознанием. Осознание собственных способностей и направленности, выраженное в стремлении следовать своему призванию, отличает талантливого человека от просто способного (Ананьев 1956). Наличие таланта и призвания указывает на то, что субъект стал индивидуальностью.

Индивидуальность. Творческая биография Б. Г. Ананьева показывает неизменность его интереса к проблеме индивидуальности. Вероятно, первым проявлением этого интереса можно считать неопубликованную студенческую работу «Эволюция миропонимания и мироощущения в юношеском возрасте». Позднее он обращался к проблеме индивидуальности в связи с характерологическими экспериментальными исследованиями середины тридцатых годов и теоретической характерологией сороковых. Генетический подход к индивидуальности на материале детской психологии, как это было в тридцатые, оказался явно недостаточным, поскольку индивидуальность не только и не столько предпосылка воспитания, исходный пункт развития, сколько, напротив, его конечный эффект. Поэтому новое обращение к проблеме индивидуальности закономерно совпало по логике и по времени с разработкой психологической акмеологии; это произошло в шестидесятых годах.

Б. Г. Ананьев заново поставил проблему индивидуальности, не ограничивая ее психофизиологическими основами индивидуальных различий¹⁶. Понимание Б.Г.Ананьевым индивидуальности

¹⁶0 приоритете Б.Г.Ананьева в постановке и разработке проблемы индивиду-

как высшего уровня развития человека близко пониманию субъекта в школе С.Л.Рубинштейна и самоактуализирующейся личности в гуманистической психологии. Но Ананьев в отличие от гуманистических психологов не постулирует индивидуальность человека, а видит в ней результат длительного процесса индивидуального развития. Если индивидуальное развитие у гуманистических психологов трактуется как спонтанное развертывание «лучших потенциалов», целевых и смысловых структур, якобы имеющихся у человека с самого рождения, то в теории Ананьева развитие человека видится как преобразование — под воздействием многих и особенно социальных факторов — природных задатков, психофизиологических функций, которые изначально не имеют никакого духовного содержания. Среди факторов развития индивидуальности важное место занимают воспитание, влияние широкой социальной среды и господствующего в ней образа жизни. Но есть, по Б. Г. Ананьеву, и «строительство личности изнутри», когда личность сама детерминирует свое развитие на основе самосознания и рефлексивных черт характера.

В концептуальной системе Б. Г. Ананьева индивидуальность выступает конкретно-научным эквивалентом философской идеи о всесторонне развитой, гармоничной личности. Индивидуальность — зрелый плод индивидуального развития человека. Генетический порядок здесь индивид—личность—индивидуальность. Отнесение индивидуальности к высшим уровням развития человека специфично для подхода Ананьева. Вместе с тем он настаивал на том, что нельзя исключать из ее структуры простые индивидуализированные свойства индивида.

В структуре личности, по Ананьеву, «пересекаются (обобщают) индивидуальности писал В. С. Мерлин, отвечая на вопросы нашего заочного интервью: «Наиболее яркое впечатление на меня произвел доклад Б. Г. Ананьева, в котором он впервые в нашей стране развивал проблему целостного междисциплинарного исследования человека и взаимоотношения различных уровней и аспектов этого исследования. .. В этом докладе (речь идет о его выступлении на III Всесоюзном съезде Общества психологов СССР в Киеве. — *Н. Л.*) меня больше всего поразили: 1) идея интегрального исследования человека, совершенно противоположная узко аналитическим исследованиям в дифференциальной психофизиологии и психологии; 2) идея сложной иерархизации уровней в целостной характеристике человека; 3) развитие понятий индивида и индивидуальности личности. В общем и целом наиболее глубоким было впечатление о гуманистическом взгляде на человека в отличие от биологизаторских и социологизаторских концепций» (Из письма В. С. Мерлина автору от 1 мая 1981 г.).

ся) важнейшие свойства не только личности, но также индивида и субъекта» (Ананьев 1977: 211). Открытие законов, механизмов целостности человека при множественности его состояний, процессов и свойств составляет основную задачу психологии индивидуальности. Строго говоря, не только индивидуальность, но и другие формы существования человека интегральны. Интеграция и дифференциация — взаимосвязанные тенденции в развитии любой системы. Однако уровень интеграции может быть различным. В системе индивидуальности он наивысший. Индивидуальность нельзя поставить наряду с личностью или индивидом. Пользуясь метафорой Б.Г.Ананьева, можно сказать, что она — производная второго порядка (после субъекта).

Говоря об интегральной природе индивидуальности, Ананьев допускал относительную автономность отдельных ее подсистем и элементов, которые могут вступить в противоречие с целостной системой: «Создается впечатление, что у взрослого человека как бы умножается число степеней свободы каждого из компонентов сложной системы поведения и жизнедеятельности» (Ананьев 1968б: 333). Этому содействуют координационные, паритетные отношения между структурными элементами данной системы, отношения, существующие наряду с субординационными (Ананьев, Палей 1969).

Психика, сознание — интегральное качество, атрибут личности и вместе с тем субъекта, а также индивидуальности. Индивидуальность не сводится к сознанию, но и не существует без него. Сознание в системе индивидуальности выступает как внутренний субъективный мир, возникающий на основе отражения и переживания мира внешнего, объективного. Сознание — это и отражение объективной действительности, и относительно независимый от нее внутренний мир (благодаря этому возможен уход в себя вплоть до аутизма)¹⁷. Существуют связи внутри сознания, обеспечивающие его целостность и относительную замкнутость.

¹⁷Идея индивидуальности как замкнутой, закрытой системы не нова сама по себе. Б. Г. Ананьев ссылается при ее обсуждении на один из «мировых законов» В. М. Бехтерева, который полагал, что «мир строится в форме замкнутых систем, представляя собой особые индивидуальности. Каждая индивидуальность может быть различной сложности, но она представляет всегда определенную гармонию частей и обладает своей формой и своей относительной устойчивостью системы. .. Гармония частей есть основа индивидуальности. .. » (Бехтерев 1926б: 350). Б. Г. Ананьев развивает идею индивидуальности в психологическом плане, опираясь на опыт современного человекознания и собственных исследований.

Феноменология сознания как внутреннего мира выразительно описана Б. Г. Ананьевым: «В этом относительно обособленном от окружающего внутреннем мире складываются комплексы ценностей (жизненных планов и перспектив, глубоко личностных переживаний), определенные организации образов («портретов», «пейзажей», «сюжетов») и концептов, притязаний и самооценки» (Ананьев 1968б: 328). Здесь происходит осмысление опыта, выработка собственных позиций и убеждений, стратегии жизни. Психологическими механизмами внутреннего мира служат визуализированные и вербализованные представления, внутренняя речь, мышление, эмоции — в общем, психические процессы в их личностной форме. Так, память выступает в форме воспоминания, или автобиографической памяти, внутренняя речь становится голосом совести, воображение — мечтой, эмоции — высшими переживаниями (этически, эстетическими, интеллектуальными), а мышление приобретает характер размышления, раздумья.

Содержание внутреннего мира, процессы внутренней жизни опосредуют поведение личности. Более того, вся структура личности-индивидуальности преломляет, опосредует поведение и деятельность. Хотя структура и процесс этого опосредования не осознаются полностью, обретение человеком своей индивидуальности означает возможность и необходимость сознательной саморегуляции социальной жизнедеятельности, указывает на становление личности субъектом собственной жизни. Зрелость личности, характера и зрелость индивидуальности в общем совпадают. Она зависит от наличия идейности, «идеологии» личности, выработанной путем осмысленного усвоения общественной идеологии на основе собственного жизненного опыта. Интеллектуальная развитость необходима для зрелости характера и индивидуальности в целом, так как способствует правильному осознанию человеком своих потенциалов и тенденций, программированию жизненного пути.

Если способности — продукт социализации задатков, то талант — *продукт индивидуализации способностей*. В связи с талантом встает вопрос о творчестве как форме осуществления индивидуальности и объективной основе ее социальной ценности. «В *продуктах творческой деятельности*, изменяющей окружающую действительность, выражается *неповторимый вклад личности* в общественное развитие... Одним из важных индикаторов человеческой индивидуальности является активность созидающей, творческой деятельности человека, *воплощение, реализация* в ней всех

великих возможностей исторической природы человека» (Ананьев 1968б: 328, 329). «Мера» индивидуальности состоит не в степени отклонения от некоей статистической средней, а в масштабе создающей, творческой деятельности. Об индивидуальности судят по ценности и оригинальности ее вклада в культуру человечества, народа, общности. Не индивидуальное своеобразие, особость частных феноменов определяет индивидуальность, а наоборот, индивидуальность детерминирует неповторимость, уникальность человека и всех его проявлений. «Единичное не становится индивидуальностью потому лишь, что оно отличается от других в однородном ряду (по полу, возрасту, статусу и личности, мотивации и т.д.). Это отличие... еще не составляет феномена индивидуальности, связанного с образованием *синтеза свойств как замкнутой саморегулирующейся системы*... Единичный, отдельный человек (каждый) именно потому уникален, что он — индивидуальность» (Там же: 93).

В разных связях и отношениях человек выступает и как индивид (в отношении «человек — среда обитания»), и как личность (в отношении к обществу, к общностям). В отношении же к продуктивной деятельности в обществе человек раскрывается как субъект. В каком же отношении человек определяется как индивидуальность? Можно думать, что в этом случае доминирующим становится отношение к самому себе (поэтому в структуре индивидуальности возникает «я» как система самоотношений). На этой основе возможна *самобытность* личности, ее автономность в определенных пределах, создание ею собственной среды развития. Именно с рефлексивными чертами характера, в которых обобщаются отношения человека к себе, Б. Г. Ананьев связывал функцию саморегулирования и самоконтроля развития, так как они «наиболее интимно связаны с целями жизни и деятельности, ценностными ориентациями, установками» (Там же: 314). Можно сказать, что для личности (собственно личности, социального индивида) важно быть как все, а для индивидуальности — быть самим собой.

Человек, как всякая система, имеет тенденцию самосохранения (Аверьянов 1985). Поскольку меняются условия существования в метасистеме, самосохранение системы возможно только при ее постоянном движении, развитии. На уровне индивидуальности происходит сознательное саморазвитие системы «человек». Это значит, что индивидуальность выходит на новый уровень жизнеспособности. Не случайно Ананьев считал индивидуализацию фактором

долголетия и активной старости. Вместе с тем индивидуальность, как заметил А. Г. Асмолов, выполняет в метасистеме — человеческой общности — функцию творческого поиска. Таким образом, по отношению к самой себе индивидуальность — фактор сохранения, по отношению к общности — фактор изменения. В этом и состоит ее общественная и личностная ценность.

ОНТОПСИХОЛОГИЯ — КОНЦЕПЦИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Идея развития пронизывает все разделы теоретического наследия Б. Г. Ананьева и постоянно служит стержнем его исследований. Для Ананьева характерно материалистическое понимание неотъемлемости психического развития от *бытия* человека в природе и обществе, от естественного жизненного цикла человеческого организма и истории личности в современной ей эпохе. Такой подход реализован им в *онтопсихологии*¹⁸. Б. Г. Ананьев понимал онтопсихологию как комплексную науку, объединяющую все разделы возрастной психологии¹⁹, интегрированные с дифференциальной психологией. Дифференциальная психология в составе онтопсихологии необходима, чтобы уловить индивидуальную изменчивость возрастного развития и роль личностного фактора в нем, чтобы вместе с природным онтогенезом индивида изучать исторический путь личности в единой структуре жизни человека. По Б. Г. Ананьеву, онтопсихология должна быть направлена на «психологическое исследование самого бытия человека как *индивида и личности*» (Ананьев 1970: 14).

«Для онтопсихологии, — писал Б. Г. Ананьев, — естественный масштаб измерений — человеческая жизнь в целом» (Ананьев, Дворяшина, Кудрявцева 1968: 7). В этом масштабе значение детства, отрочества и юности состоит в подготовке к зрелости, реализующей творческие потенциалы человека в процессах продуктивной дея-

¹⁸ Термин «онтопсихология» используется в гуманистической психологии (Buler 1974). В наше время этим словом называет свою психологическую концепцию итальянский психолог А. Менегетти. У Б. Г. Ананьева была собственная оригинальная концепция онтопсихологии, и сходство с другими скорее только терминологическое.

¹⁹ До Б. Г. Ананьева систему возрастной психологии обсуждал в 20-х годах Н. А. Рыбников (1928), но его идеи тогда не получили развития и мало повлияли на возрастную психологию.

тельности. Воспитание и обучение в подготовительной фазе жизни рассматриваются Ананьевым как факторы создания потенциалов развития в последующих фазах, факторы жизнеспособности и долголетия человека. Фокусирование проблем индивидуального развития на фазе зрелости-акме в концепции Б.Г.Ананьева позволяет увидеть феномен индивидуальности во всем его объеме, поскольку индивидуальность — продукт длительного развития и максимально проявляет себя именно в зрелости. В связи с центрацией на возрасте акме понятна и заостренная постановка Б. Г. Ананьевым вопроса о роли труда в индивидуальном развитии человека. (В исследованиях по детской психологии главным фактором развития выступают учение и общение.)

Б.Г.Ананьев рассматривал развитие структурно, как многоуровневую организацию, полагая, что она есть форма существования целостного человека. Его подход к проблеме развития отличается широтой охвата — от исследования генезиса элементарных психофизиологических функций до развития самосознания личности, а в возрастном аспекте — от младенчества до глубокой старости. Ананьев стремился понять «диалектику развития в виде цепи переходов и преобразований ее феноменов» (Ананьев 1977: 285). На уровне целостной индивидуальности Ананьев анализировал развитие по двум направлениям. Первое—*онтогенез*, т.е. «развитие отдельной человеческой особи как естественного индивида (индивидуума)» (Ананьев, Дворяшина, Кудрявцева 1968: 16). В теории Ананьева онтогенез охватывает процессы органического развития, реализующие филогенетическую программу. В онтогенезе индивид проходит ряд фаз от зачатия до старости и естественной смерти. Вместе с тем «онтогенетическая эволюция человека многократно и разнообразно (на нескольких уровнях развития) опосредуется историей развития личности, ее жизненным путем в обществе» (Ананьев 1970: 13).

Жизненный путь — вторая основная форма индивидуального развития человека. «*Жизненный путь человека* — это история формирования и развития личности в определенном обществе, современника определенной эпохи и сверстника определенного поколения» (Ананьев 1968:104-105), это бытие личности и субъекта деятельности (иногда Ананьев выделял самостоятельную форму развития, соответствующую субъекту — историю деятельности с фазами старта, кульминации, финиша).

Понятие жизненного пути применимо только к целостному че-

ловеку — нельзя говорить о жизненном пути отдельных подструктур или элементов структуры личности. Напротив, понятие «онтогенез» адекватно для описания развития как индивида в целом, так и его отдельных структурных элементов. Жизненный путь влияет не только на ход целостного онтогенеза, но и на развитие отдельных психических функций индивида. И наоборот, микроизменения в структуре отдельных психических процессов накапливаются и приводят к изменениям в структуре целостных образований. В процессах повседневного, ежеминутного функционирования психофизиологических структур — интеллектуальных, мотивационных, действенных, подготавливаются крупные целостные новообразования, новая структура, новое качество, новый системообразующий фактор. Это возможно потому, что действительно в каждом психическом процессе проецируются целостные подструктуры системы «человек». И напротив, каждый психический процесс в своем актуальном протекании может повлиять на состояние и далее свойства своего носителя — человека. Старое, запечатленное в структуре человека-субъекта, и новое, в виде процессуальных по началу изменений, взаимодействуют. Не только структурные образования влияют на динамику и характер протекания процесса, но и текущий процесс не проходит бесследно для структурных образований. Решение разнообразных задач — познавательных, нравственных, трудовых, каждый раз в чем-то новых для субъекта, — есть то новое, которое является условием обновления структурных образований на уровне целостного субъекта.

Итак, Б.Г.Ананьев понимал развитие целостных структур в связи с развитием более элементарных психических явлений. Анализ развития на уровне отдельных психических процессов, являющихся общими механизмами целостных изменений в индивиде и личности, привел Б.Г.Ананьева к важным заключениям относительно движущих сил развития. В соответствии с идеями диалектики движущие силы развития понимаются им как внутренние противоречия, которые возникают в силу разнородности психических процессов, содержащих функциональные, операциональные и мотивационные компоненты. Каждый из этих механизмов имеет свою детерминацию и принадлежит разным системам в структуре индивидуальности. Так, психофизиологические функции совершают онтогенетическую эволюцию — созревают вместе со структурами мозга, переживают ряд изменений зрелого состояния, стареют и отмирают. Операциональные и высшие мотивационные механизмы

развиваются по иным законам — в результате освоения культурно-исторического опыта человечества, сконцентрированного в знаниях, знаковых системах, нормах поведения.

Основное противоречие развития на «молекулярном» уровне — противоречие между природными психофизиологическими функциями и социальными операциями в структуре психического процесса. Это противоречие разрешается путем аккультурации созревающих психофизиологических функций, т. е. их тренировки и, главное, структурирования в соответствии с общественно выработанными способами действий. Но этим противоречие не устраняется раз и навсегда — оно воспроизводится на новом витке развития по мере прохождения возрастов и при объективной социальной необходимости освоения новой деятельности.

Дополнительным движущим противоречием индивидуального развития на уровне процессов является отношение между психофизиологическими функциональными и мотивационными компонентами. Мотивация в форме простых установок, ориентировочных рефлексов индивида, в форме познавательного интереса, потребности в труде, в общественном признании личности повышает тонус процесса, определяет его избирательность. Становление мотивационных механизмов зависит от развития индивида, поскольку мотивация связана с первичными органическими потребностями, но в большей мере — от направленности личности, с чем связаны познавательные, этические и эстетические мотивы.

В детерминацию индивидуального психического развития обязательно включаются и процессы созревания (вообще онтогенетическая эволюция), и процессы социального научения в игре, учении, труде и т. д. Онтогенез — не только условие, предпосылка психического развития, но и одна из его составляющих. Это значит, что ни в одном возрасте его нельзя игнорировать и нельзя без учета его характеристик строить периодизацию развития. В этой связи заметим, что Б. Г. Ананьев критически отнесся к быстро ставшей популярной периодизации развития Д. Б. Эльконина, в которой природная психофизиологическая функциональная основа развития не представлена вовсе (Эльконин 1971).

В психических процессах каждый раз актуализируются мотивационные и операциональные структуры личности и субъекта деятельности, накопленные в труде, познании, общении. Развертка исходного противоречия между онтогенетическими, природными и биографическими, социальными механизмами совершается

в социальной жизнедеятельности личности на жизненном пути. Б.Г.Ананьев видел источник развития человека в изменении самой жизни, главным содержанием которой являются разные виды деятельности и социальное поведение.

Соответственно тому, как в структуре индивидуальности различаются свойства индивида, личности и субъекта, в структуре жизни можно выделить *жизнедеятельность* индивида, *социальное поведение* личности, предметную *деятельность* субъекта (в первую очередь труд, познание, общение). Они представляют собой способы и источники развития соответствующих структур. Как писал Б.Г.Ананьев, «внутренним источником способностей является деятельность (учебная и трудовая), а источником характера — общественное поведение как система поступков в определенных обстоятельствах жизни» (Ананьев 1956: 96).

Воспитание характера подразумевает практику отношений, а также освоение мировоззренческих знаний, интеллектуально-эмоциональное обобщение собственного жизненного опыта. Воспитание характера, а вместе с ним мировоззрения и убеждений, зависит от формирования интеллекта в процессе обучения. Развитие характера и развитие интеллекта оказываются при этом двумя сторонами единого процесса.

Б. Г. Ананьев связывал характерогенез с развитием психических (в том числе интеллектуальных) процессов с их динамическими особенностями и содержательной направленностью. Психические процессы закрепляются в виде свойств личности, становятся характерными. При этом мотивационная их сторона закрепляется в чертах характера, а операциональная — в способностях. Эти переходы в целом намечены С. Л. Рубинштейном (1946) и раскрыты более конкретно в работах Б. Г. Ананьева. Например, Б. Г. Ананьев показал, что условием перехода восприятия в черту характера (восприимчивость, наблюдательность) является связь мотивационных механизмов восприятия с жизненной направленностью личности, ее интересами и мировоззрением (1941). То же можно увидеть при формировании внимательности (1940а) и всех других черт, генетически связанных с теми или иными психическими процессами.

По логике Б. Г. Ананьева, развитие интеллектуальных, эмоциональных, волевых черт характера заключается в том, что природные психофизиологические функции совмещаются в структуре психических процессов с мотивами, вытекающими из направленности личности. Эта направленность, постоянно актуализируясь в психи-

ческих процессах, делает их содержательно-характерными. Динамические, зависящие от темперамента особенности интеллектуальных, волевых, эмоциональных процессов определяют своеобразную динамическую (формальную), сторону характера. Поэтому «черты характера — внутренние свойства личности, которые отражают основную направленность и проявляются в своеобразном для данной личности образе действий» (Ананьев 1949а: 29).

Характер образуется не только на основе темперамента, но и направленности, особенно мировоззрения, жизненной философии, что составляет его *идейное* содержание. Переходы от простых психофизиологических функций к психическим, а затем психоидеологическим явлениям — предмет психологии развития, в которой интегрированы психология функций (процессов) и психология личности. В теории Б. Г. Ананьева психофизиологические функции включены в высшие структуры и процессы, поскольку, во-первых, обеспечивают осуществление внутренней жизни человека, и даже в ее духовном измерении, во-вторых, служат единственным исходным материалом для формирования высших психологических структур. Таким образом, Ананьеву удается преодолеть имеющийся в теории разрыв между целостной индивидуальностью с ее субъективным миром и психическими (и психофизиологическими) функциями.

В наследии Б. Г. Ананьева немалое место занимает проблема развития субъекта, «праксиологический анализ личности со стороны истории ее деятельности» (Ананьев 1977: 266), что лишь отчасти совпадает с генетической персонологией (характерологией). Развитие субъекта в теории Ананьева — это развитие его способностей. Превращение задатков в способности происходит только в активной деятельности человека, в частности в учении. Исследование психического развития в деятельности необходимо для управления им в целях воспитания.

В плане педагогического приложения онтопсихология реализована Ананьевым в форме *педагогической антропологии*. Педагогическая антропология — научная картина человека с точки зрения педагогики, комплексное знание о нем, интегрированное в целях обучения и воспитания. Антропологический принцип, перенесенный из философии в педагогику и педагогическую психологию, требует «признания целостности человека, неделимости духовной и телесной природы человека, сочетания умственного и нравственного воспитания с воспитанием физическим и обеспечением здоро-

вья» (Ананьев 1980а: 40). В контексте педагогической антропологии Ананьев рассматривал проблему детского развития, однако его основные идеи и выводы в этой области вполне могут быть распространены на все другие возрасты.

Особенно ценны идеи Б. Г. Ананьева о внутрисистемных связях развития человека — *гомогенных* и *гетерогенных*. Они опосредуют педагогические воздействия и делают возможными как бы побочные, но не менее важные эффекты развития. Благодаря гетерогенным связям происходит перенос влияния педагогических воздействий от одних структурных компонентов к другим. Вот почему, например, «интеллектуальные и нравственные эффекты физического воспитания оказываются не менее важными, чем физические (психомоторные и вегетативно-биохимические) эквиваленты умственной деятельности человека» (Ананьев 1970: 12). Педагогические воздействия вызывают не только ближайший, но и отдаленный эффект, зачастую непредсказуемый, затрагивающий структуру личности. «То или иное изменение, вносимое воспитанием и обучением в развитие ребенка, проникает в одни механизмы, вызывает сопротивление в других, растормаживает или затормаживает какой-либо комплекс реакций, образует новую систему связей или преобразует старую» (Ананьев 1980а: 43). Педагогическое воздействие должно быть сообразно внутренним законам природы человека, должно учитывать гетерогенные связи между индивидуальными, личностными и субъектными структурами, гетерохронность и неравномерность их развития.

Б. Г. Ананьев ставил задачу изучить в комплексных исследованиях глубинные коррелятивные механизмы, чтобы на основе знаний о них строго научно рассчитывать педагогические воздействия, приурочивать их к чувствительным микропериодам и, таким образом, реально управлять развитием ребенка. Тогда, полагал он, педагогическое воздействие способно приводить к структурным изменениям на уровне способностей и характера, не ограничиваясь поверхностными эффектами обученности и обучаемости-воспитуемости.

Проблема индивидуального развития человека неотделима от проблемы *возраста* как конвергенции биологического и исторического времени. Возраст — прежде всего онтогенетическая характеристика, лежащая в фундаменте структуры индивида. Эта характеристика относится не только к индивиду в целом, но и к отдельным его элементам. Существует возрастная изменчивость психофизиологических функций и комплексов психофизиологических, био-

химических, морфологических и нейродинамических свойств, причем «паттерны» межфункциональных связей специфичны в каждом возрасте.

Возраст — это и социально-исторический феномен, который отражает влияние исторического времени на индивидуальное развитие человека. «Поэтому возрастные изменения тех или иных свойств человека являются одновременно онтогенетическими и биографическими» (Ананьев 1977: 46). На личностном уровне историзм развития предстает особенно явно в таких феноменах, как конкретно-исторические типы характера, зависимость спектра способностей человечества от эпохи, обусловленность развития способностей наличным уровнем науки, техники, искусства—культуры в целом. Влиянием исторического времени можно объяснить течение воспоминаний, особенности социальной перцепции, эстетического восприятия. Более того, даже простые сенсомоторные функции историчны. Их развитие во многом обусловлено историческим прогрессом техники и технологии труда. Как можно видеть, для ананьевской концепции характерна глубина историзма. Этим она отличается от концепции Л.С.Выготского, который находил собственно социальный, исторический характер только в так называемых высших психических функциях — мышлении, речи, произвольной памяти и т.п. По Б.Г.Ананьеву же, все психические функции человека, включая сенсорные, психомоторные, опосредуются знаками, орудиями труда, подвергаются социализации и в этом смысле являются высшими.

Психологический возраст определяется взаимодействием онтогенеза и жизненного пути, натуральных и культурных факторов. Историческое время влияет на продолжительность жизни, на сроки наступления тех или иных онтогенетических моментов и фаз. Взаимодействием социального и натурального рядов развития, жизненного пути и онтогенеза Б. Г. Ананьев объяснял чувствительные периоды и «парадокс завершения человеческой жизни» (Там же: 272), когда некоторые формы человеческого существования отмирают раньше, чем происходит физическая смерть индивида. Блокирование потенциалов субъекта, отстранение личности от активного участия в социальных отношениях в связи с уходом на пенсию, с ростом социальной изоляции в старости приводит к частичной деперсонализации и вместе с тем к снижению жизнеспособности человека.

К счастью, гетерохронность может проявиться и в противопо-

ложном явлении, когда естественная инволюция психофизиологических функций и индивида в целом сочетается с высоким уровнем сохранности свойств личности и субъекта. Б.Г.Ананьев нашел механизмы, препятствующие тотальному старению, в самой структуре психического развития. Ими являются мотивационные и, главное, операционные компоненты психических процессов. Уровень этих механизмов зависит от того, как работал и жил человек в течение всех предыдущих лет, какие потенциалы он сумел накопить.

Мощность потенциалов, противодействующих старению психических функций, является причиной так называемого *дивергентного* типа развития. В нем сочетаются процессы инволюции психофизиологических механизмов и стабилизация на высоком уровне мотивационных и операционных механизмов. Противоположный, *конвергентный*, тип развития характеризуется тотальным снижением способностей при наступлении инволюции психофизиологических функций в старости. Он имеет место в том случае, когда противодействующие старению механизмы недостаточно сформированы в предыдущих фазах жизни.

Сочетание онтогенетического и биографического в структуре индивидуального психического развития сказывается еще на одном закономерном его феномене — *двухфазности*, впервые теоретически осмысленном в трудах Б.Г.Ананьева. Сравнительно раннее снижение уровня психофизиологических функций, наступающее после достижения ими обусловленного генетической программой возрастного пика в ранней зрелости, не исключает появления второго оптимума в более позднем возрасте. Причем срок его наступления зависит от вида основной, профессиональной деятельности. Этот подъем может объясняться также развитием операций и мотивационных компонентов психических процессов в условиях напряженной мотивированной деятельности. Если первый оптимум можно было бы назвать онтогенетическим, то второй — биографическим, поскольку он определяется историей жизни личности и субъекта. Если за феноменом первого пика стоит зрелость мозга, то за вторым — профессиональная и личностная зрелость мастера.

С возрастом нарастает индивидуальная изменчивость психических феноменов. Этой закономерности соответствует индивидуализация функционирования головного мозга благодаря накоплению временных связей, образованию в нем функциональных органов. Корковые механизмы развития имеют билатеральную организа-

цию, которой Б. Г. Ананьев придавал существенное значение. Высокий уровень одаренности, способность к творчеству в старости не могут быть объяснены без учета стабилизирующей роли «горизонтального», говоря словами Б.Г.Ананьева, контура регулирования, воплощенного в парной работе больших полушарий головного мозга (дополнительного по отношению к кортико-ретикулярному, «вертикальному»). Как известно, в старости происходит астенизация коры вследствие снижения энергетической функции подкорки. Это возрастное явление может иметь два последствия: 1) соразмерное снижение уровня активации коры больших полушарий и 2) его сохранение за счет компенсаторного усиления дополнительного, горизонтального контура. Первое следствие являет собой конвергентный тип старения, второй — дивергентный.

Объясняя парадокс дивергентного типа старения, Б. Г. Ананьев высказал глубокую мысль о том, что «при дивергентном типе развития (возможном *только в поздних фазах онтогенеза*, т. е. в итоге высокого развития функциональных систем и накопления жизненного опыта) происходит и усиленная компенсация энергии, необходимой для оперирования колоссальными массами организованной в различные системы информации... большие полушария не только потребляют, но и производят энергию, во всяком случае, часть ее, необходимую для их рефлекторной, аналитико-синтетической работы» (Ананьев 19686: 274).

Общность мозговых билатеральных механизмов психического и физического развития создает условия для возникновения гетерогенных связей между разным сторонами развития человека. Б.Г.Ананьев проанализировал эти связи сначала теоретически в русле педагогической антропологии, как было сказано выше, а позже на эмпирическом материале комплексных исследований структуры и развития взрослых. Высшие структуры человека интегрируют не только собственно психосоциальные элементы, но и психофизиологические, а также соматические, включая функции всех систем организма, обеспечивающих его жизнедеятельность (метаболизм, теплообмен, газообмен, кровообращение). Эта *гетерогенная целостность* человека и его развития наглядно и конкретно предстала в гетерогенных корреляциях, полученных в комплексных исследованиях ананьевской школы.

Гетерогенная целостность индивидуального развития означает, что созревание, зрелость, старение мозга и его психофизиологических функций — непременная составляющая этого развития.

В плане педагогической антропологии Б. Г. Ананьев утверждает мысль об опосредованности созревания обучением и воспитанием, но также и то, что при этом последние должны быть адекватны возрастным особенностям мозга и его функций. Благодаря этой обоюдной зависимости возникают состояния повышенной восприимчивости к педагогическим воздействиям, *сенситивные периоды*, которые Ананьев охарактеризовал как «временные комплексные характеристики совместимых, коррелируемых функций, сенсбилизированных к определенному моменту ходом обучения» (Ананьев, Дворяшина, Кудрявцева 1968: 37). Онтопсихология должна изучать закономерности смены сенситивности асенситивностью в разные возрастные периоды, чтобы на основе знания о них своевременно стимулировать развитие теми или иными педагогическими воздействиями.

Учет закономерностей развития в процессе воспитания — условие педагогического успеха, который Б. Г. Ананьев видел в оптимизации формирующейся структуры личности, в укреплении ее психического и физического здоровья, умножении потенциалов — жизнеспособности, трудоспособности, интеллекта, общей одаренности, в совершенствовании саморегуляции деятельности и поведения, а также всех психических процессов, состояний и свойств. Воспитание и сам процесс жизненного пути человека в обществе не только социализируют индивида, приобщая его к культуре и социуму, но и формируют структуру индивидуальности, создают тем самым основу для сознательного непрерывного саморазвития человека.

* * *

Концептуальная система Б. Г. Ананьева характеризуется системным видением объекта и предмета психологического познания. Человек представлен в ней как полисистема, конкретным воплощением которой является *индивидуальность*. Индивидуальность и ее психологию можно понять путем комплексного изучения открытых, а потому доступных объективным методам систем (индивид, личность, субъект), составляющих структуру человека. Индивидуальное психическое развитие есть, по сути дела, системогенез, в котором едины процессы дифференциации и интеграции по координационному и субординационному принципам. Первоначальная диффузная целостность новорожденного индивида превращается

в интегральную и дифференцированную индивидуальность, воплощающую психобиосоциальное единство человека.

Системогенез выражается в становлении и преобразовании структуры психического развития, целостной организации процессов отражения, ориентации и регуляции. Эти структуры в виде комплекса коррелируемых элементов являются внутренними условиями, через которые преломляются воздействия внешних причин. Каждая возрастная фаза имеет свою структуру, сложившуюся в результате предшествующего онтогенеза и жизненного пути. Поэтому детерминация зависит от возраста, биологического и социально-исторического времени жизни.

Развитие совершается в процессах функционирования какой-либо исходной системы, направленного на решение главной для системы задачи — самосохранения путем ее преобразования в соответствии с изменяемыми условиями существования. В современной системологии утверждается, что «...свойство самосохранения... является атрибутивным для всех систем...» (Аверьянов 1985: 54). Тем более оно присуще живым системам и в том числе человеку. В живых системах оно выступает как потребность «быть живым». Надо полагать, именно эта потребность является первичным системообразующим фактором для животных и человека. Ради ее удовлетворения функционируют все исходные элементы, которые координируются в этом процессе, объединяются в новые системы.

Общая потребность в самосохранении модифицируется по отношению к разным системам человека. На наш взгляд, логично предположить, что для каждой из них существуют свои системообразующие факторы — потребности, которые гармонизируются, каким-то образом уравниваются в полисистеме индивидуальности. Так, для системы «индивид» системообразующим фактором выступает потребность «быть живым», иначе говоря, потребность в органической жизнедеятельности («инстинкт самосохранения»). Она регулирует органическую жизнедеятельность индивида, включая и элементарные поведенческие механизмы. Для системы «личность» потребность в самосохранении выступает в социальной форме сохранения себя как члена общности, в форме потребности «быть как все», «быть со всеми», что конкретизируется в потребностях в общении, уважении, признании, в определенном социальном статусе. Потребности личности реализуются в социальном поведении. Назальная потребность самосохранения системы «субъект» выступает

как нужда в деятельности — трудовой, познавательной, коммуникативной. Для субъекта жить означает *действовать* и *мочь действовать*. Такая психологическое понятие как «склонность», фиксирует именно эту потребность.

Самобитность — основной признак индивидуальности. Потребность в самосохранении человека как индивидуальности — это желание *быть самим собой*. Индивидуальность удовлетворяет ее, решая разнообразные задачи жизнетворчества²⁰, соотнося свои потенции и тенденции с обстоятельствами развития, текущими ситуациями и современной исторической эпохой, проводя свою линию жизни, преодолевая препятствия на пути к собственным жизненным целям. Жизнетворчество служит средством самосохранения индивидуальности, когда человек совершает адекватный себе жизненный выбор и создает новые обстоятельства своей жизни. Жизнетворчество интегрирует органическую жизнедеятельность, социальное поведение и предметную деятельность, охватывая все уровни функционирования человека.

Функционирование в адекватных условиях приводит к образованию новых структур. Актуальный процесс переходит в потенциальное свойство. Этот общий закон в концептуальной системе Б. Г. Ананьева выступает дифференцированно, в зависимости от того, какая система свойств рассматривается. Для образования собственно личностных, характерологических свойств важнее всего практикование мотивации, точнее говоря, мотивационных механизмов психического процесса. Для развития потенциалов субъекта, его способностей необходима многократная активизация операциональных механизмов. Что касается индивида, то он развивается благодаря тренировке — в составе действий и деятельности — психофизиологических функций, которая опосредует природный онтогенез функций.

В процессах функционирования потребности усиливаются, что подметил еще И. М. Сеченов, когда писал, что «условие развития страсти, данное устройством нервных аппаратов, заключается в

²⁰ Понятие «жизнетворчество» не встречается в работах Б. Г. Ананьева, но ход его мысли позволяет ввести это понятие. Оно близко по смыслу понятию «жизнедеятельность», развиваемому К. А. Абульхановой-Славской (1977, 1980, 1991). Жизнедеятельность в смысле жизнетворчество — процесс организации человеком своей жизни, включая постановку реальных целей, преодоление препятствий, проведение намеченной линии жизни через ряд конкретных задач. Мы предпочли термин «жизнетворчество», чтобы отличить этот процесс от *органической* жизнедеятельности индивида.

том, что чем чаще (частоте и силе повторения существуют, однако, определенные пределы) действуют эти аппараты, тем настоятельнее и сильнее становятся в них потребности к деятельности» (Сеченов 1952: 179).

Следуя традициям И.М.Сеченова, Б.Г.Ананьев полагал, что первоначальные потребности обусловлены самой структурой органов чувств. На их основе в процессе функционирования вырастают высшие потребности. Так, «генезис познавательной потребности заключен в опыте познавательной деятельности, механизмом которой является образование систем временных связей или ассоциаций» (Ананьев 1959: 44). Ее начало связано с «практикованием сенсомоторных актов ребенка» (Там же: 43). Сходным образом возникают потребности в труде и общении (надо только учесть, что практикование важно не само по себе, а, как подчеркивал Ананьев, при взаимодействии со взрослым — носителем социальных норм, образцов действий, побудителем активности ребенка). В свою очередь, потребности составляют ядро направленности личности — системообразующего фактора в системе «личность». Вырастая из адекватного функционирования структур, направленность затем как бы сверху структурирует личность, придает единство ее жизнотворчеству.

Индивидуальность — конечная цель теории целостного развития человека, онтопсихологии, разработанной Б. Г. Ананьевым. Концептуальная система Б.Г.Ананьева отражает целостного человека в развитии, в движении по уровням структурной интеграции. Она и стала идейной платформой комплексных исследований, теоретическим источником их программы.

Глава 6

**КОМПЛЕКСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ
ПОД РУКОВОДСТВОМ Б. Г. АНАНЬЕВА
(1963-1972)**

**ПРЕДПОСЫЛКИ КОМПЛЕКСНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ И ИХ ПРОГРАММА**

Комплексные исследования индивидуальности и индивидуального психического развития, которые организовал Б. Г. Ананьев в середине 60-х годов XX в., стали тем руслом, в которое влились все потоки деятельности его научной школы. К этому времени вполне сформировалась целостная концептуальная система ученого, вобравшая в себя результаты его многолетнего пути в науке, она и легла в основу программы комплексных исследований человека¹. В концепции Б.Г.Ананьева, как было показано выше, были выделены составные блоки и элементы структуры личности и обозначены механизмы целостности — гетерогенные и гомогенные связи между различными уровнями, блоками, элементами структуры. В комплексном исследовании требовалось доказать реальность этих связей и измерить их в разных ситуациях, состояниях, возрастах, личностях. Поиск законов целостности индивидуальности и ее развития—цель комплексных исследований Б.Г.Ананьева. Их сверхзадачей стало построение одной из возможных моделей *синтетического человекознания*, т. е. интегрального, обобщающего данные

¹Эта программа была четвертой в жизни Б.Г.Ананьева, если считать и ту, которая осуществлялась в 30-х годах и была посвящена характерологии (ее мы считаем «нулевым циклом» по отношению к становлению научной школы Б. Г. Ананьева, что отнюдь не означает недооценки ее важности для становления его концептуальной системы).

разных наук о человеке. Такая постановка вопроса соответствовала современным тенденциям развития наук о человеке. Она остается актуальной и для ученых наших дней (см., например, журнал «Человек». 2003. №6).

Б. Г. Ананьев приступил к новому этапному исследованию на вершине своего творческого развития, полный замыслов и стремлений, во всеоружии огромного организационного, профессионального, жизненного опыта, будучи признанным ученым, известным в стране и за рубежом. Мы полагаем, что этот цикл в биографическом плане можно считать возвращением на новом, гораздо более высоком, уровне к идее, которая владела умом Ананьева с первых студенческих шагов в науку, к идее индивидуальности и ее развития. Ананьев был близок к естествоиспытателям по стилю мышления, стремлению к фактическому обоснованию идей и точности в описании выявленных закономерностей. От философских антропологических идей, от науковедческих представлений о системе человекознания Ананьев перешел к конкретному изучению феноменов и механизмов целостности человека в развитии.

В истории советской психологии 1960-е годы отмечены поворотом к проблеме личности. Важной вехой на этом пути стало Всесоюзное совещание по проблеме психологии личности (1956) и симпозиум по проблемам личности (1970) (Проблемы личности 1969, 1970; Личность 1971). Исследовательская работа лабораторий Б. М. Теплова, В. С. Мерлина, плодотворное развитие психологии отношений В. Н. Мясищева, книги и статьи по психологии личности А.Г.Ковалева, К.К.Платонова явились реальным вкладом в разработку проблемы личности. В тот период были опубликованы фрагменты незавершенного философского труда С.Л.Рубинштейна «Человек и мир», где проблема личности была поставлена в антропологическом ключе (Из неопубликованной рукописи 1966; Рубинштейн 1969, 1969а).

Начало комплексных исследований в школе Б. Г. Ананьева совпали с выходом советской психологии за рамки педагогических и педагогически ориентированных наук, переводом их в ранг дисциплин, имеющих самостоятельное фундаментальное значение. В это время происходила широкая дифференциация психологической науки в теоретическом и организационном плане. В СССР возникли новые научные центры изучения человека. Так, в ЛГУ были созданы первые в стране лаборатории: инженерной психологии (1959, зав. Б.Ф.Ломов), конкретно-социологических исследо-

ваний (1961, зав. В. А. Ядов), социальной психологии (1962, зав. Е. С. Кузьмин), социально-экономических исследований (1962, зав. В. Р. Полозов), комплексного изучения личности (позже лаборатория дифференциальной антропологии и психологии) (1963, зав. Б. Г. Ананьев). На этой основе при Ленинградском государственном университете по инициативе Б. Г. Ананьева и крупного ученого юриста Д. А. Керимова, при поддержке ректора академика А. Д. Александрова было образовано Объединение комплексных социальных исследований, которое в 1964 г. получило статус Научно-исследовательского института комплексных социальных исследований (НИИКСИ) (Ананьев, Пашков 1971). Организаторы института сознавали его преемственную связь с традициями, заложенными В. М. Бехтеревым. Б. Г. Ананьев видел в перспективе создание Института человека как комплексного учреждения с единой программой и концепцией.

Организация комплексных исследований Б. Г. Ананьевым (далее КИ) соответствовала не только социальной ситуации в нашей стране и в советской науке, но и интегративным тенденциям, возросшим в мировой науке. Вслед за естествознанием, где уже был опыт комплексных исследований, например по программе ГОЭЛРО, а также в связи с освоением Арктики, космоса, общественные и гуманитарные науки обратились к решению комплексных проблем, что повлекло усиление внимания к системной методологии и развитию комплексного подхода в теории и практике. Именно в шестидесятые годы наблюдается всплеск публикаций по данной проблематике, создаются специальные журналы и ежегодники, такие как «Системные исследования» в СССР (1968) и журнал Института научного психосинтеза в Милане «Totus Homo» (1969). Редактор Л. Саннангелантонио, представляя программу журнала, писал о намерении разрабатывать междисциплинарные темы, изучать человека под разными углами зрения, а именно с точки зрения психонейробиологии, психонейрофизиологии, экологии и психологии, этологии, антропологии, психологии индивидуальности (Sannangelantonio 1972). К сотрудничеству с журналом были привлечены крупнейшие ученые мира в области человекознания — Б. Г. Ананьев, П. К. Анохин, Н. П. Бехтерева, К. Леонгард, А. Н. Леонтьев, А. Р. Лурия, Ж. Пиаже, Е. Н. Соколов. Журнал ставил задачу конвергенции различных подходов в изучении психики и человеческого мозга и был задуман как междисциплинарный.

Понимание необходимости междисциплинарного союза для исследования проблем человека стало общей чертой мышления ученых в 1960-х годах. Однако многие из них ограничились лишь теоретическим обсуждением возможностей и перспектив междисциплинарного подхода. (Примечательно, что даже годы спустя после проведения исследований в лаборатории Б. Г. Ананьева, науковеды затруднились привести примеры конкретных эмпирических комплексных исследований. В одной из науковедческих работ 1980-х годов утверждается: «В связи с тем, что подобных исследований пока не проводится, наши построения неминуемо носили умозрительный характер» (Мирский 1980: 242). По-видимому, о работах Ананьева и его коллектива автор не знал.)

В отличие от других ученых, Б.Г.Ананьев предпочел на деле испытать ценность и незаменимость стратегии комплексного подхода. Опыт всей предыдущей деятельности Б.Г.Ананьева служил фундаментом для развертки новой программы. Он проделал огромную теоретическую и методологическую работу, анализируя современную науку и особенно положение психологии, прежде чем приступить к планированию и организации своих исследований. В 50-60-е годы им были написаны методологические статьи и разделы монографии «Человек как предмет познания», обосновывающие методологию комплексных исследований в области человекознания (Ананьев 19576, 1962, 1966, 1968а, 19686). В этих работах был сделан фундаментальный вывод о том, что все науки так или иначе обратились к антропологическим проблемам. Б.Г.Ананьев показал, что в научном развитии дифференциация сочетается с образованием комплексных систем в целях изучения целостных структур человека и их свойств.

Психология стоит в центре междисциплинарных связей. Она граничит с естественными, общественными, техническими, математическими науками. Ее теоретическая структура способствует тому, что психология может играть роль орудия связи между разными дисциплинами, изучающими человека. «Более того, психологическое познание человека становится в современных условиях одной из *общих моделей* человекознания...» (Ананьев 19686: 35). Эта мысль об антропологизации психологии много раз высказывалась в печатных публикациях и устных выступлениях Б. Г. Ананьева. Она убеждала в значении психологии в человекознании, поднимала престиж нашей науки в глазах научного сообщества. Б. Г. Ананьев выступал за материалистическую философскую антропологию, кото-

рая единственная может интегрировать все знания о природе человека на мировоззренческом уровне. Но конкретно-научный синтез о человеке, как он считал, осуществится на основе психологии. Психолог, по словам Б. Г. Ананьева, «может сейчас взять за руки биолога, социолога, антрополога, инженера и так далее, свести вместе и дать ту почву, на которой произойдет это сближение» (Ананьев 1983: 265).

Разработка стратегии человекознания, к которой Б. Г. Ананьев приступил самым первым из современных ученых, потребовала уяснения философских основ синтетического подхода, а именно его связи с принципом материального единства мира, биосоциальной природы человека, производной от материального бытия человека в абиотической, биотической и социальной среде. На основе анализа проблемы человека Б. Г. Ананьев пришел к методологическим принципам ее исследования — междисциплинарность, ключевая роль психологии в построении комплексов антропологических наук, структурно-генетический подход к проблеме человека.

Методологические идеи Б. Г. Ананьева были созвучны поискам системологов, которые вышли на передний план научного развития в начале 1960-х годов. Б. Г. Ананьев, не ставя специально задачи разработки системологии, предугадал точки ее роста. Но наиболее весомым является вклад Б. Г. Ананьева в разработку конкретно-научного уровня методологии комплексного подхода применительно к целям и задачам психологии. Для Б. Г. Ананьева комплексный подход не был самоцелью, он выступал адекватным средством решения содержательных проблем психологической науки. Знания о целостной природе человека необходимы для понимания детерминации психического, поэтому разные дисциплины работают в этом комплексе ради единой цели психологического познания и тем самым объединяются на базе психологии.

Анализ истории осуществления программы комплексных исследований в сопоставлении с теоретическими замыслами, идеями, гипотезами Б. Г. Ананьева дает основание считать, что КИ должны были охватить всю систему психических явлений — от психофизиологических функций, процессов до сложных состояний и свойств, и далее — системных образований вплоть до структуры индивидуальности. Более того, по замыслу Б. Г. Ананьева система психических явлений включена в метасистему социальной и природной среды, элементом и активным компонентом которой является человек.

Наше предположение о реализации комплексного подхода в на-

правлении создания системы психологии подтверждается хронологическим совпадением КИ и ряда теоретических указаний, набросков, которые лишь частично были опубликованы. Особенно показателен один документ из личного архива Б. Г. Ананьева — план книги «Избранные главы психологии», датированный 1971 г. В нем представлены названия глав будущего труда, вот они дословно:

Введение

Глава первая. «Классификация психических явлений»

Глава вторая. «Генетические и структурные связи между психическими явлениями»

Глава третья. «Системные образования»

Глава четвертая. «Рефлексия»

Глава пятая. «Индивидуальность»

Глава шестая. «Общности»

Глава седьмая. «Структура современной психологии и ее будущность»

Как можно видеть, замысел Б. Г. Ананьева охватывал все: психическую организацию «человек», а также метасистему — общность, в которой она существует. Ученый мечтал приблизиться к построению в психологии некоего подобия периодической системы Д. И. Менделеева, в которой были бы представлены все классы психических явлений, известные науке и были бы обозначены позиции для предполагаемых, но еще не открытых феноменов (Ананьев 1977: 370). КИ были реальным движением на этом пути. Дело в том, что предметом КИ выступила индивидуальность, в структуре которой реально осуществляются переходы от непсихического к психическому уровню существования человека, от одних структурных уровней психических явлений к другим.

Исследование индивидуальности и есть в определенном смысле попытка постигнуть архитектонику психических явлений в их связи с объективными структурами человека и общностей, к которым он принадлежит. Комплексные исследования в их исторической конкретности, те, которые осуществлялись в коллективе Б. Г. Ананьева, конечно, лишь отчасти соответствовали этому дерзновенному замыслу, требующему для своего осуществления усилий всей науки в ее многолетнем развитии. Б. Г. Ананьев понимал это и прокладывал путь не только для своей научной школы, но и для

психологической науки в целом. Осуществляя программу КИ на деле, он стремился доказать реальность и плодотворность избранного пути, который можно назвать *антропологической психологией* (или *психологической антропологией* по аналогии с философской, культурной, социальной, исторической антропологиями). Психология является антропологической, поскольку рассматривает природу человека в целом как психобиосоциальное явление в качестве отправной точки изучения психики. При этом структура человека-индивидуальности, укорененная в природных и социальных метасистемах, выступает как системное основание для сознания, психики вообще.

«Программирование комплексных исследований само по себе представляет крупную методологическую задачу» (Там же: 319). Программа Б. Г. Ананьева разрабатывалась на основе философской идеи марксизма об исторической природе человека. Для Ананьева историческая природа человека не относится лишь к абстрактному родовому человеку. Напротив, она в той или иной мере воплощается в реальных людях, в структуре реальной личности, индивидуальности. В формуле Маркса для Ананьева одинаково ценны были и слово *историческая* и слово *природа*. Единство человека и целостность системы всех его свойств обеспечиваются внутренними связями между подструктурами и элементами разных уровней. «Комплексное изучение особенно необходимо для исследования связей и зависимостей между различными характеристиками человека и его развития» (Ананьев 1971б: 143). «Переход от сепаратных специальных исследований к комплексному, синтезирующему изучению означает сосредоточение сил и средств на *познании связей, отношений и зависимостей* между всеми характеристиками объекта и ситуацией его развития, определяющих целостность и саморегуляцию объекта» (Ананьев 1977: 319).

Теоретические задачи комплексных исследований были определены Б. Г. Ананьевым в соответствии с установкой на познание целостного субъекта психической деятельности — индивидуальности. Это, во-первых, изучение основных факторов и условий, детерминирующих его развитие. Во-вторых, изучение основных характеристик самого человеческого развития, его внутренних закономерностей, механизмов и фаз. В-третьих, определение основных компонентов целостной структуры человека и взаимосвязей между ними (Ананьев 1968а). Таким образом, программа была построена на основе структурно-генетического варианта системного подхода и

направлена на изучение структуры и развития системы «человек-индивидуальность».

При решении первой задачи предполагалось изучать социальную среду в настоящем и прошлом, что означало обращение к биографии изучаемых лиц (выяснение семейных обстоятельств развития, истории воспитания, истории общения и т. п.) и определение социально-психологических характеристик личности в группах. В связи со второй задачей планировалось изучение возрастной эволюции: а) психофизиологических функций индивида, б) целостных изменений личности. Решение этой задачи способствовало бы обнаружению механизма развития и строгому обоснованию периодизации зрелости.

Б. Г. Ананьев направил усилия коллектива на изучение фазы зрелости, поскольку в ней завершается становление характера, интеллекта, способностей и вместе с тем индивидуальности человека. Кроме того, эта фаза наименее изучена в психологии, надо было восполнить пробел в возрастной психологии, создать основы *психологической акмеологии*. Изучение зрелости имело и прикладное значение, так как ее характеристики служат эталоном для измерения психологических параметров в предшествующих и последующих фазах жизненного цикла.

Отличительная особенность третьего раздела программы состояла в том, чтобы выявить гетерогенные связи, определяющие структурные образования индивидуальности. «Центральное и специфическое место в данной программе комплексного коллективного исследования занимают взаимосвязи интеллекта и личности с различными характеристиками человека как индивида (особенностями общесоматической конституции и реактивности, нейродинамики, психомоторики, сенсорно-перцептивного развития)» (Ананьев 1973: 6).

Исходя из концептуальной системы Б. Г. Ананьева, правомерно трактовать интеллект как ядро субъекта сознания. В интеллекте максимально воплощена функция психического отражения. Связь интеллекта с личностными характеристиками определяет его зависимость от социального бытия человека в обществе. С другой стороны, связь с индивидом означает зависимость психического отражения от природных законов бытия организма человека.

На первом этапе работы по программе основные усилия были направлены на изучение связей «интеллект-индивид». Удачной моделью их изучения явилось состояние интеллектуального напряже-

ния, которое выявляет, актуализирует потенциальные зависимости. На основе этой модели оказалось возможным впервые поставить вопрос о «цене» интеллектуального напряжения, своего рода эквиваленте коэффициента полезного действия в механике. Интеллект, по Б. Г. Ананьеву, характеризуется не только структурой и уровнем, но и затратами организма на достижение познавательного результата.

В соответствии с представлениями Б. Г. Ананьева о глубокой укорененности интеллекта в жизнедеятельности организма были предприняты поиски опосредованных связей интеллектуальных характеристик с характеристиками жизнедеятельности (реактивностью, измеренной в разных системах организма — биохимической, сердечно-сосудистой, вегетативной, психомоторной). Приоритетное положение направления «интеллект-индивид» в программе КИ на первом этапе было закономерно, потому что современная общая психология недостаточно обращает внимания на проблему психосоматических соотношений, которая отошла в область медицинской психологии. Тенденциозные психосоматические концепции, которые пытались непосредственно связать высшие психические структуры с конституцией тела и реактивностью организма, были отвергнуты советской психологией еще в 1930-е годы. Б. Г. Ананьев первым из советских психологов заново научно осмыслил эту проблему в общепсихологическом плане и поставил задачу ее экспериментального изучения на большой репрезентативной выборке. Особенно много в этом отношении сделала его ученица и сотрудница Г. И. Акинщикова (1969, 1976, 1977).

Соответственно теоретическим представлениям о структуре индивида в комплексном исследовании эмпирические методы были нацелены на выявление и измерение конституционально-соматических, нейродинамических, психофизиологических характеристик, определение особенностей билатеральной организации функций. Обязательно учитывался возраст и пол изучаемых. Структура индивида рассматривалась всесторонне и изучалась комплексно, средствами смежных наук — антропологии, физиологии высшей нервной деятельности, психофизиологии. Знания о природе индивида были здесь важны не только сами по себе, но и как средство для понимания детерминации интеллекта со стороны природных свойств субъекта.

С другой стороны, интеллект рассматривался в связи с социальной и психосоциальной структурой личности. Здесь были про-

анализированы такие параметры личности, как социальный и социально-психологический статус, биографические данные, особенности самооценки, уровень притязаний, характерологические свойства, совместимость в малой группе. Сам интеллект изучался дифференцированно, как система познавательных функций — мыслительных, мнемических, перцептивных, аттенционных, вербальных, наряду с этим измерялся уровень интеллекта в целом.

Тема комплексных исследований формулировалась как «Возрастная и индивидуальная изменчивость психики человека в различные периоды зрелости (взрослости)» (Психодиагностические методы 1976: 5). Индивидуальность в развитии была предметом комплексного исследования, его целью. В КИ на деле преодолевалась разобщенность функционального и личностно-биографического подходов к психическому развитию. В плане возрастной психологии Б. Г. Ананьев ставил задачи обнаружить «константы поведения», которые характеризуют индивидуальность того или иного человека в разных возрастах, понять механизмы перехода психических процессов и состояний в устойчивые свойства, определить микродинамику возрастных изменений психофизиологических функций в зрелости. В плане дифференциальной психологии КИ нацеливались на определение диапазона нормальной изменчивости в каждом микровозрасте, на изучение закономерностей структурирования личности-индивидуальности.

Комплексные исследования имели и прикладные задачи, что обусловило их психодиагностический характер. Изучение индивидуальности, структуры личности конкретных людей представляло собой психодиагностику их потенциалов и тенденций в сопоставлении с возрастными эталонами, без которых о диагностике говорить затруднительно.

Б. Г. Ананьев выдвинул две общие гипотезы, положенные в основу двух параллельных циклов исследований. Первый цикл² был сосредоточен на систематическом изучении закономерностей возрастной эволюции интеллекта и некоторых свойств индивида в диа-

²Этот цикл был включен в план АПН СССР под названием «Развитие психофизиологических функций взрослых людей». Его в основном выполняли сотрудники сектора психологии НИИ вечерних (сменных) и заочных средних школ АПН СССР (НИИ образования взрослых) (Отчеты о работе действительных членов и членов-корреспондентов отделения за 1968 г.— Архив РАО. Ф.25. Оп. 1-а. №779). Его результаты обобщены в ряде статей и монографий (Развитие психофизиологических функций 1972, 1977; Степанова 2000 и др.).

пазоне от 18 до 25 лет (позднее, уже после смерти Б. Г. Ананьева, возрастной диапазон изучения существенно расширился). В этом цикле была принята гипотеза о природе интеллекта, согласно которой «межфункциональные связи (вербально-логических и сенсомоторных функций, перцептивных, мнемических, attentionных и т.д.) есть способ внутренней организации интеллекта как целого, форма его существования как структуры познавательных способностей человека» (Ананьев 1973: 4). Для проверки этой гипотезы были проведены психодиагностические измерения 1) общей структуры интеллекта и его уровня; 2) различных функций образного, логического, практического, эвристического мышления; 3) функций памяти; 4) внимания; 5) психомоторных функций, имеющих значение для невербального интеллекта. Кроме того, измерялись некоторые свойства нервной системы (сила, динамичность возбуждения и торможения)³.

В прикладном плане программа комплексных исследований была ориентирована «на разработку периодизации интеллектуального развития взрослых людей и научное обоснование их обучения и переобучения (педагогики общеобразовательных и специальных школ для взрослых)» (Отчеты о работе действительных членов и членов-корреспондентов отделения за 1968 г.—Архив РАО. Ф. 25. Оп. 1-а. №779).

Этот цикл был организован по методу поперечных срезов, сделанных год за годом. Масштаб этого цикла был весьма велик: было изучено более 2300 человек, из них более углубленно — 460 (Структура интеллекта 1979). Таким образом, количество испытуемых было достаточным, чтобы статистически выявить возрастные нормы развития. В соответствии с общей концепцией данные собирались и анализировались с учетом полового диморфизма, а возраст испытуемых соответствовал акмеологической направленности исследования⁴.

Второй цикл исследований можно назвать «личностным». Его

³ Еще в конце 1930-х годов Б. Г. Ананьев сформулировал идею, весьма характерную для его концептуальной системы, о том, что «исследование функциональных связей является важным условием правильного понимания закономерностей психического развития» (Ананьев 1939: 94). Эти связи стали объектом пристального внимания в его комплексных исследованиях 60-х годов.

⁴ Отметим, что зародыш такого подхода к зрелости имеется уже в довоенных работах В. Г. Ананьева. Еще в 1940 г. он писал, что у зрелости есть своя специфическая форма развития, что прогресс органической, мозговой основы памяти не прекращается с наступлением зрелости (Ананьев 1940: 30).

объектом была индивидуальность в развитии, а предметом — структура личности и ее возрастная изменчивость. Он в основном выполнялся психологами Ленинградского государственного университета. Гипотеза состояла в том, что «процесс индивидуального развития человека (онтогенеза в целом и жизненного пути личности в обществе) характеризуется все возрастающей индивидуализацией. Социализация индивида в процессе общественного воспитания и всех форм деятельности человека в обществе одновременно является и индивидуализацией интеллекта, характерологических свойств и целостных ценностных ориентации» (Ананьев 1973: 6).

Если в первом цикле исследований внимание сосредоточивалось на функциональном, интеллектуальном развитии, его динамике и структуре, то во втором — на целостных изменениях личности (точнее индивидуальности), на индивидуальных вариантах развития, «разброс» которых давал диапазон нормы в каждом возрасте. Этот цикл был построен по лонгитюдному методу, когда по определенной экспериментальной программе одни и те же лица ежегодно проходили психодиагностические измерения. Можно сказать, что в КИ соблюдалось своего рода *правило эмпирического тождества объекта* — и в первом, и во втором циклах одни и те же конкретные лица подвергались психодиагностической процедуре в одинаковом для каждого объеме. Таким образом, на каждого из изучаемых было собрано определенное количество первичных данных, готовых для обработки и последующих сопоставлений.

Методы поперечных срезов и «длинника» (лонгитюдный, или лонгитюдный) отнесены к организационным, по классификации Б.Г.Ананьева (1976). В этой же группе комплексный метод, который также был основным в обоих циклах исследований. Однако характер комплексности в этих циклах был несколько различным. В первом цикле комплексность по большей части выступала как многомерность изучения интеллектуальных способностей (функций) и, соответственно, как использование комплекса методик, всесторонне диагностирующих одни и те же функции.

Во втором цикле принцип и метод комплексности был реализован более глубоко и полно. Здесь была принята *разноуровневая* многомерность, при которой измерению подвергались свойства, относящиеся к разным уровням структуры индивидуальности — конституциональные, биохимические, психомоторные и т.п., а с другой стороны — характерологические. Позднее В. А. Ганзен и Л. А. Головей предложили системное описание уровней и показате-

лей, измеренных в исследовании, и выделили генетический, морфологический, физиологический, психофизиологический, психологический, социально-психологический, социальный уровни индивидуальности (Ганзен, Головей 1979).

Степень комплексности-многомерности усиливалась тем, что полная программа лонгитюда включала по два ежегодных обследования постоянного контингента испытуемых в течение пяти лет их обучения в вузе. Один раз в году в один и тот же месяц проводились фоновые замеры. Во второй раз аналогичные замеры проводились в стрессовом состоянии в период экзаменационной сессии. На первом и пятом курсах к этому добавлялись измерения в ситуации интеллектуального испытания по тесту Векслера (на пятом использовался эквивалент теста, разработанный М. Д. Дворяшиной и Л. А. Барановой).

Такая организация измерений позволяла сопоставлять данные стрессовых состояний с фоновыми и таким образом определять сдвиги, происходящие под влиянием стрессов. Оказалось, что стрессоры заостряли тенденции индивидуальной реактивности. «Обычные фоновые исследования, как правило, устанавливают наличие каких-то межфункциональных связей в группах крайних типов; основная масса, ядро исследуемой популяции, не обнаруживает каких-либо стойких определенных тенденций межфункциональных зависимостей. В экстремальной же ситуации эта группа распадается, обнаруживая тяготение к тому или другому полюсу крайних типов» (Акиншикова 1976: 88). Сдвиги показателей температурных, кожно-вегетативных, гемодинамических функций в экстремальной ситуации (экзамен) по сравнению с фоновой трактовались как прямые индикаторы энергетических трат организма в процессе интеллектуальной деятельности.

Комплексные исследования Б. Г. Ананьева можно считать междисциплинарными, поскольку использовались методы и знания смежных с психологией наук — биохимии, физиологии, антропологии в узком ее значении, генетики. Но участники исследования были профессиональными психологами, цели исследования были психологическими, это было психологическое исследование многоуровневой структуры индивидуальности с использованием методов и данных комплекса наук. Каждый сотрудник выполнял двойную функцию психолога-антрополога, психолога-физиолога, психолога-социолога, психолога-характеролога и таким образом олицетворял союз психологии с какой-либо смежной дисциплиной. Такое реше-

ние вопроса кадрового обеспечения КИ весьма удачно, если учесть, что именно психология была здесь базовой дисциплиной. Единство позиции коллектива определялось общностью «происхождения», так как все они были воспитанниками одной научной школы. Это устранило возможность концептуальных и терминологических разногласий.

Б. Г. Ананьев предпринимал специальные меры по формированию коллектива комплексных исследований, адекватного его специфике. Для этого проводилась большая подготовительная работа по составлению плана работ, определению общих позиций, принципов, методов сбора, обработки и интерпретации данных. Все этапы программы были обсуждены в коллективе. Подготовительная работа, длившаяся не менее двух лет, сплотила исследовательскую группу. И потом, в процессе исследований шел постоянный обмен информацией и результатами, полученными каждым ее участником. Все данные включались в общую программу обработки. Этим на деле осуществлялась интеграция разнородного экспериментального материала об одном и том же объекте — возрастной группе, студенческом курсе, конкретной индивидуальности, — который просматривался с точки зрения разных участников исследования, представлявших подходы и методы разных наук.

Коллективность работы поддерживалась еженедельными обсуждениями текущих организационных и содержательных проблем на заседаниях лаборатории, проведением итоговых конференций, написанием коллективных монографий. Так, после пяти лет работы коллектива была проведена Всесоюзная конференция по возрастной психологии взрослых, на которой были впервые широко представлены результаты общего труда (Возрастная психология 1971).

Касаясь организации комплексных исследований, надо отметить стремление Б. Г. Ананьева подключить к ним студентов, которые сначала выполняли роль испытуемых, потом становились активными участниками КИ. Б. Г. Ананьев считал, что будущему профессиональному психологу полезно на себе прочувствовать, а не только рационально понять суть каждого метода. Организация разнообразных форм участия студентов в процессе исследований, в заседаниях лаборатории, в научных конференциях — характерная особенность педагогического стиля Б. Г. Ананьева.

Главным организующим фактором КИ являлась сама личность Б. Г. Ананьева. Он обладал в полной мере качествами, необходимыми руководителю КИ. Можно с уверенностью сказать, что его

творческая индивидуальность была адекватна их специфике. Он обладал широким кругозором, глубокими знаниями не только в психологии, но и смежных науках, смелостью и глубиной теоретического мышления, благородными нравственными качествами, высочайшим авторитетом, организаторскими и педагогическими способностями, а главное — собственной оригинальной концептуальной системой. Эта система охватывала все феномены индивидуальности, на основе чего только и возможен синтез разнородных результатов коллективного комплексного исследования.

Подробное описание многочисленных эмпирических методик КИ дано в коллективных монографиях «Развитие психофизиологических функций взрослых людей» (Развитие психофизиологических функций 1972) и «Психодиагностические методы (в комплексном лонгитюдном исследовании студентов)» (1976). Отдельные части программы КИ и их результаты описаны в монографиях сотрудников Б. Г. Ананьева — Г. И. Акинщиковой, Н. Н. Обозова, Я. И. Петрова, Н. А. Розе, Е. И. Степановой. Однако до сих пор нет полного освещения и осмысления всего огромного массива полученных фактов и закономерностей.

Каждой подструктуре, уровню индивидуальности соответствовали определенные методы и методики. В их числе антропометрические, психомоторные, биохимические, вегетативные, нейрофизиологические, психофизиологические методы, а также интеллектуальные и личностные тесты, социально-психологические методики, биографические методы и т. д. В комплексных исследованиях сформировался стандартный набор испытаний. Его изменение допускалось лишь в сторону увеличения числа измеряемых параметров и совершенствования методик при сохранении неизменного методического ядра. Основной набор методик систематически применялся в течение ряда лет, что позволило добиться стандартизации процедуры и повышения надежности измерений, дало возможность сопоставления и сравнительного анализа многолетних данных. Наблюдения изучаемых лиц в естественных условиях обучения на факультете психологии ЛГУ служили проверке методик на экологическую валидность.

Курс на эмпирическое изучение целостности человека и его интеллекта, на измерение характеристик и их сопоставление оставался неизменным. В этом стремлении просматривается связь стиля научного мышления коллектива Б. Г. Ананьева с естественнонаучным подходом к целостности. Так, в биологии целостность живой

системы изучается через выявление корреляционных зависимостей между функциями, элементами системы. Таким путем шел биолог академик И. И. Шмальгаузен, работы которого повлияли на теоретическую и методическую сторону программы Б. Г. Ананьева. В биологии теоретические построения создаются в основном на базе эмпирических исследований, дающих большой фактологический материал. Подобные исследовательские установки характерны и для школы Б. Г. Ананьева. В этом отношении его школа, несомненно, имеет естественнонаучную ориентацию.

Психологические измерения в КИ были ступенчатыми, включения в КИ были первичное, вторичное и третичное шкалирование, посредством чего достигалась интегрированность показателей. Основным методом дальнейшей математической обработки был метод корреляционного и факторного анализа, что соответствовало направленности на изучение меж- и внутрифункциональных связей интеллекта и выявлению структуры индивидуальности. Важно отметить, что участники КИ хорошо понимали, что методы количественной обработки не решают содержательных вопросов исследования, напротив, выбор и адаптация методов сами зависят от содержательных гипотез и общих теоретических представлений об объекте изучения, что математически выраженные зависимости не конечный результат, а лишь материал для дальнейшего осмысления. Они были против фетишизации математических методов, в частности факторного анализа, в чем иногда их упрекают критики.

Участники КИ считали, что «при утрате соответствия качественной сути психических свойств с формальными конструкциями факторный анализ не только не принесет пользы, но может даже привести к ошибочным выводам. Кроме того, по своему характеру факторный анализ, несмотря на то что он является одним из сложнейших статистических методов, во многих вопросах должен рассматриваться лишь как одна из первых ступеней анализа сущности закономерностей психики» (Дворяшина, Пехлецкий 1976: 42-43). Количественная обработка сочеталась с качественной, более или менее формализованной. Выделение типов испытуемых по разным основаниям и математические сопоставления внутри этих групп — обычный прием сочетания этих двух способов обработки. В КИ были пробы составления психологической казуистики, т. е. описания случаев, выражающих некоторые психологические типы, варианты нормы и индивидуальности. «Соединение массовых обследований и углубленных комплексных индивидуальных монографий для

построения более полной картины взаимосвязи между основными характеристиками человека» (Ананьев 1966: 182) — стратегическая линия Б. Г. Ананьева.

Интерпретация — заключительный этап программы исследований. По классификации методов психологии Б. Г. Ананьева на этом этапе функционируют различные варианты генетического и структурного методов. В «возрастном» цикле КИ преобладали генетические методы интерпретации, когда устанавливались микрофазы развития и намечались генетические связи между ними. В «личностном» цикле преобладали структурные методы интерпретации, итоговым выражением которых стала психография. В лаборатории Б. Г. Ананьева были предприняты специальные усилия по совершенствованию и активному использованию психографического метода на заключительном этапе КИ (Владимирова 1983, 1985). В основу психографии была положена идея об интегральной природе индивидуальности. Психография мыслилась как психологическая монография о конкретной индивидуальности, ориентированная на воссоздание структуры личности, определение конкретного системообразующего фактора в ней, а также причин происхождения индивидуальности изучаемого человека. Психография предполагает:

1. Системное описание, или систематизированное представление всех наличных материалов исследования о данном человеке. Материалы об индивидуальности упорядочиваются в матрицу, содержащую основные структурные уровни системы свойств человека.

2. Индивидуальные данные соотносятся с групповыми стандартами, без чего нельзя оценить степень выраженности того или иного свойства в структуре отдельной личности. Массовые измерения на больших выборках поэтому служат познанию конкретных личностей. Эта процедура сравнения с выборкой подчеркивает индивидуальное в человеке по отдельным параметрам, но еще ничего не говорит о своеобразии целого.

3. В психографии экспериментальные, тестовые, наблюдательные данные соотносятся с жизненными показателями, содержащимися в биографическом материале. Это позволяет повысить их надежность и проверить валидность лабораторных методик. Кроме того, биографические материалы нужны для генетического объяснения актуальной структуры личности, сложившейся в результате предшествующего жизненного пути. При этом обнаруженные свойства личности соотносятся с событиями и обстоятельствами жизни. Биографические методы как бы расширяют временной диапазон

лонгитюда за пределы пятилетнего исследовательского цикла (Логинава 1974, 1975, 1978, 1986).

4. Особенно трудна целостная характеристика индивидуальности конкретного человека, в которой бы отразился основной способ связи подструктур — своего рода «формула» индивидуальности. Целостность конкретного человека улавливается в целостных единицах его активности — в линии поведения, типичных поступках, типичных социальных ситуациях, стиле деятельности, переживаниях, характерных для внутренней жизни данного человека (о них свидетельствуют автобиографические материалы). Вероятно, «формула» индивидуальности конкретного человека может быть выражена в терминах общего жизненного стиля, проявляющегося в разных ее сферах. В контексте жизненного пути находят свое место более частные стилевые характеристики индивидуальности (стиль общения, труда, познания). Психография как раз и предполагает такое контекстное рассмотрение всех данных комплексного исследования о конкретном человеке.

РЕЗУЛЬТАТЫ КОМПЛЕКСНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОД РУКОВОДСТВОМ Б. Г. АНАНЬЕВА

Годы работы коллектива ленинградских психологов под руководством Б.Г.Ананьева по его программе КИ дали разнообразные результаты — организационные, методические, содержательные. Организационные и методические описаны, остается отметить, что способ существования коллектива являл собой пример демократического централизма, сочетавшего авторитет руководителя и его власть с уважением к мнению и суждению каждого сотрудника и с предоставлением творческой свободы внутри общего потока исследования. Благодаря этому, в КИ сформировались подразделения во главе с наиболее опытными и талантливыми учеными: группа сомато-антропологического направления Г. И. Акиншиковой, нейродинамическая — И. М. Палея, группа М. Д. Дворяшиной, исследующая интеллект, психомоторики — Н. А. Грищенко-Розе, социально-психологическая группа Н. Н. Обозова и акмеологии — возрастной психологии взрослых — Е. И. Степановой. Впоследствии они значительно обособились и представляли разные потоки научного направления, генетически связанного с программой Б. Г. Ананьева.

Результаты изучения структуры индивидуальности

Основные результаты были получены на основе большого, статистически надежного материала корреляционным и факторным методами. Конечно, корреляции еще ничего не говорят о характере связей, а факторизация лишь приблизительно отражает структуру индивидуальности. При этом последняя выступает не как дифференциально-психологический, а как общепсихологический феномен. Путем факторного анализа удается в какой-то мере определить групповые тенденции структурирования и показать интегральную природу индивидуальности вообще, но не конкретного человека (исключение составляет трудоемкий метод, так называемая Р-техника, которая имеет дело с набором показателей по состояниям одного и того же испытуемого, но эту технику в КИ использовали редко). Результаты факторного анализа зависят не только от объективно существующих связей в организации индивидуальности, но и от того, какие параметры заложены в матрицу интеркорреляцией. Изменение этого «набора» приводит и к изменениям факторной структуры. Поэтому с самого начала важно иметь теоретические представления, модель, которая послужит регулятором КИ. Таковой была концепция индивидуальности и ее развития Б. Г. Ананьева.

Благодаря комплексному подходу удалось выявить связи интеллектуальных и личностных свойств с особенностями индивида. На основе теоретических представлений, господствующих в школе Б.Г.Ананьева о связи энергетических и информационных процессов в живых системах, многие из выявленных связей трактовались как проявления этих общих зависимостей. Так, М. Д. Дворяшина, проанализировав результаты факторного анализа 36-и показателей разноуровневых свойств индивидуальности у студентов в ситуации экзаменов, сделала вывод о реципрокных отношениях между уровнем интеллекта и уровнем энергетических затрат на умственную деятельность: чем выше интеллект, тем меньше затраты организма на процесс умственной работы (Дворяшина 1969)⁵. И. М. Палей обнаружил противоположную зависимость, когда в один фактор

⁵ К энергетическим показателям были отнесены возбудимость мозга, реакция активации, интенсивность нервных процессов, определяемые на основе амплитуды вызванных потенциалов мозга, индекса его электроактивности, величины ориентировочных реакций, электрокожного сопротивления, показателей основного обмена, тремора, величины кожного сопротивления, потоотделения, температуры кожи, т. е. *энергетический смысл придавался характери-*

вошли показатели интеллекта и реактивности организма с одинаковыми знаками. Этот результат автор объяснял криволинейным характером зависимости умственной деятельности от ее энергетического обеспечения. По мнению И. М. Палая, криволинейность не менее характерна, чем повторяемость связей между показателями (Палей 1974).

В экспериментах К. Д. Шафранской обнаружилось резкое нарушение симметрии температуры правой и левой рук под влиянием интеллектуальной нагрузки. Здесь асимметрия трактовалась как специфическая энергетическая реакция, показатель метаболических процессов, происходящих в самих полушариях головного мозга (Ананьев, Шафранская 1971), что могло служить подтверждением идеи Б. Г. Ананьева о дополнительном, «горизонтальном» контуре регулирования в нервной системе. Еще более отчетливо эта закономерность выступила в факте повышения температуры кожи висков до и после интеллектуальной нагрузки, а также во время умственной деятельности (Логинова 1971).

Энерго-информационные связи описаны и в работе Н. Г. Зыряновой и Я. И. Петрова: у лиц с высокой продуктивностью памяти гораздо больше корреляций между различными сторонами мнемической функции и активированностью и динамичностью, чем у людей с низкой мнемической продуктивностью (Зырянова, Петров 1974). В факторных структурах, полученных Б. С. Одёрышевым, в один фактор вошли со значимым весом, с одной стороны, оценки трех невербальных субтестов, общий балл по невербальному интеллекту, а с другой — показатели возбудимости, активации нервной системы (приводится по: (Палей 1974)). В сфере психомоторных функций Н. А. Розе нашла корреляции тремора (энергетическая функция) с характеристиками зрения, внимания, с общим и невербальным интеллектом, имеющими информационную природу (Розе 1970).

На основе этих и подобных фактов Б. Г. Ананьев сформулировал «правило образования состояний интеллектуального напряжения»

стикам жизнедеятельности организма и мозга. К информационным проявлениям психики причислялись свойства нервной системы, выражающие эффективность мозговой деятельности: скорость образования и переделки условных рефлексов, устойчивость условного рефлекса, время и точность двигательных реакций, различение стимулов, разделенных минимальным временем, а также показатели уровня интеллекта и отдельных интеллектуальных функций (Палей 1971 и др.).

как определенной *интеллектуально-метаболической констелляции*. Те или иные энергетические траты организма в этих состояниях рассматриваются как цена интеллектуального напряжения на разных уровнях организма как целого (Ананьев 1971а: 76). Цена интеллектуального напряжения — новая характеристика индивидуальности, имеющая значение для диагноза и прогноза потенциалов субъекта, таких его свойств, как умственная насыщаемость, умственная утомляемость и истощаемость вплоть до невротических состояний.

Были получены результаты, касающиеся связей интеллекта с собственно личностными характеристиками. В работе К. Д. Шафранской описаны корреляции между интеллектом (по тесту Векслера) и фрустрацией, тревожностью, толерантностью (по тестам Розенцвейга и Лири). В частности, оказалось, что тип реакции на фрустрирующую ситуацию зависит от особенностей структуры интеллекта и его уровня, причем влияние интеллекта по-разному сказывается у мужчин и у женщин (Шафранская 1978). В работах В.К.Гербачевского представлены высоко значимые положительные корреляции между уровнем интеллекта и оценками притязаний (Гербачевский 1973).

Социально-психологические исследования Н. Н. Обозова (1974 и др.) показали, что положительной популярности личности способствует высокий интеллектуальный уровень, академическая успешность и экстравертированность. В то же время эти зависимости могут изменяться от группы к группе. По-видимому, группа как микросреда развития личности отбирает, усиливает или тормозит те или иные связи в соответствии с собственными социально-психологическими характеристиками — традициями, групповыми ценностями, общественным мнением.

Соответственно центральному месту, которое занимала в КИ проблема интеллекта (и вместе с тем субъекта сознания), усилия коллектива в большой степени были сосредоточены на изучении структуры интеллекта. Разные стороны отдельных психофизиологических функций оказались своеобразно связаны между собой (интрафункциональные связи). Например, в структуре мнемической функции вербальное запечатление долговременной памяти, ее объем, а также образная память оказались в центре корреляционных связей, что свидетельствует, по мнению Я. И. Петрова и В. Н. Андреевой, о «цементирующей или ведущей их роли в структуре памяти как психической функции» (Развитие психофизиоло-

гических функций 1972: 159). Наибольшее количество связей со всеми сторонами и видами памяти имеет долговременное вербальное запечатление, а затем образная память, долговременное вербальное сохранение и кратковременная память (Там же: 161).

По данным КИ, важным показателем интеллектуального развития является объем работы функции в единицу времени. Но эта характеристика зависит от всех других, связанных с нею. «Следовательно, — предполагает Б. Г. Ананьев, — таким важным для общей структуры умственной деятельности свойством можно управлять косвенно, изменяя любую функцию в процессе обучения, но при этом обязательно учитывая возможность сопутствующего изменения других функций и характеристик» (Там же: 232). Этот вывод вполне согласуется с представлениями Б. Г. Ананьева, развитыми им в рамках педагогической антропологии.

Авторы исследования пришли к выводу, что «психофизиологические функции взаимодействуют друг с другом не глобально, не целиком и индифферентно по отношению к любым компонентам других функций, а парциально и избирательно, в известном соответствии с внутренними свойствами» (Там же: 235), и характер этих связей определен внутренней природой каждой функции.

Отметим еще один результат, относящийся к общей структуре интеллекта, где выделяется три фактора: образный, логический и аттенционный. Единство чувственного и логического, а также произвольная регуляция познавательной деятельности выступили как «образующие» в структуре интеллекта.

Результаты и исследования возрастной эволюции в период зрелости

«Возрастная» часть программы комплексных исследований оказалась наиболее выполненной, а ее результаты всесторонне представлены в серии статей и монографиях: Возрастная психология 1971; Возрастные особенности 1973, 1984; Возрастные изменения 1977; Развитие психофизиологических функций 1972, 1977; Структура интеллекта 1979; Степанова 2000 и др. Подчеркнем особо, что именно благодаря КИ под руководством Б. Г. Ананьева был заложен эмпирический и теоретический фундамент психофизиологии и персонологии зрелого возраста, возрастная акмеология. Позже, в 1980-х годах, под влиянием этих исследований стала развиваться акмеология как новая отрасль науки о высших достижениях в

развитии человека как субъекта деятельности и личности (Бодалев 1998; Деркач, Кузьмина 1993).

В исследованиях школы Б. Г. Ананьева были получены убедительные данные о динамизме и противоречивости развития в зрелости и тем самым доказана несостоятельность старых представлений об этой фазе развития как о периоде полной стабилизации. В картине эволюции функций, полученной путем микровозрастных срезов год за годом, обнаружилось свои сенситивные периоды и микропериоды, спады, а также моменты стабилизации. Вопреки традиционным взглядам на зрелость, моменты стабилизации в этом периоде более редки по сравнению с повышением и понижением. Наибольшая частота моментов относится к положительным сдвигам, т.е. в сторону повышения уровня функции (46,6%), реже встречаются моменты понижения, отрицательные сдвиги (39,9%), после которых может вновь начаться подъем. Учитывая последнее, Ананьев трактовал моменты спада в данном возрастном периоде не как симптом инволюции, а как латентные периоды перестройки функции, подготавливающие ее новый подъем (Развитие психофизиологических функций 1972: 10).

Примерно до 30-летнего возраста увеличивается число и становятся все более тесными связи между функциями, все отчетливее выделяется общий фактор, имеющий наибольший вес. Примечательно, что меняются не только факторный вес, но и характер связей. Так, отрицательная связь между образным мышлением и объемом вербального запечатления в 18-21 год в более старших возрастах превращается в положительную.

По каждой из изучаемых интеллектуальных функций выявлены сроки наступления оптимумов («пиков»), что важно для понимания природы сенситивных периодов зрелости. Например, по вниманию они приходятся на 29, 32, 33 года (в пределах 35-летнего периода). По памяти — в 19, 24, 30 лет. «Пики» мышления приходятся на возраст 20, 23, 25, 32 года (Степанова 1971). Исследователи обратили внимание на закономерность соотношения развития памяти и мышления. Уровень памяти в возрасте 18-26 лет выше уровня развития мышления, стало быть, память играет здесь ведущую роль в интеллектуальном развитии. В 26 лет наступает равновесие между этими функциями, после чего до 30 лет память и мышление развиваются параллельно. С 30 лет наступает спад в уровне памяти, а мышление сохраняет свой уровень. «Вероятно, — пишут Я. И. Петров и Е. И. Степанова, — инволюционные моменты появля-

ются в памяти раньше, чем это наступает в мышлении» (Петров, Степанова 1971: 59).

Перепад, разницу в уровне развития мышления и памяти Б. Г. Ананьев назвал *мнемологическим градиентом* и придавал ему особое значение как целостному синдрому переработки информации в интеллекте человека. Память опережает мышление и способствует его подъему на новый уровень в следующем микропериоде: «Одна функция достигает оптимума, подготавливает почву для другой, связанной с ней» (Ананьев 1971б: 144). Таким образом, развитие одной функции зависит от уровня развития коррелирующих с ней функций. Возрастная динамика уровня интеллекта в целом также обнаруживает подъемы и спады. Самый высокий уровень интеллекта по тесту Векслера — у девятнадцатилетних. Возрастные колебания уровневых характеристик в возрасте 18-24 года выше, чем в 25-35 лет.

В структуре развития интеллекта существует неравномерность развития вербального и невербального интеллекта, что получило в работах Б. Г. Ананьева название *градиента интеллекта* и было подвергнуто специальному анализу. Оказалось, с возрастом (в пределах изученных периодов) величина этого градиента снижается, что является показателем роста его гармоничности и эффективности.

Важным подтверждением идеи о возрастной изменчивости в зрелости являются новые факты, касающиеся динамики свойств нервной системы и психомоторных функций год от года. Как оказалось, не только интеллект в целом, психофизиологические функции, но и лежащие в их основе нейродинамические свойства претерпевают значительные возрастные изменения. По данным Н. Г. Зыряновой, динамичность возбуждения достигает максимального значения к 21 году и затем резко падает в 23 года. Динамичность торможения максимальна в 19 лет, а затем снижается к 21 году. Баланс по динамичности в разных возрастных группах растет с возрастом, так что процент уравновешенных испытуемых постепенно повышается к 25-33 годам (Зырянова 1977: 29).

В психомоторных функциях также отмечены значительные изменения. По данным Н. А. Розе, сила кисти рук резко увеличивается у 19-летних, падает в 20 лет и вновь возрастает в 21 год. Пик этой функции приходится на 27-летний возраст. В волевом же усилии наибольшая успешность наблюдается у 19- и 26-летних, наименьшая — у 21-летних (Розе 1977).

Возрастная изменчивость наблюдается не только в отношении отдельных функций, но и в межфункциональных связях. Как оказалось, *каждому возрастному периоду соответствует свой «паттерн» корреляций*. Кроме того, происходит смена центров межфункциональных связей. Если в группе 18-25-летних самым мощным по количеству связей является показатель долговременной памяти, то в группе 26-35-летних — показатели логического мышления (Грановская, Степанова 1977).

Анализируя динамику развития отдельных функций — интеллектуальных, психомоторных, нейрофизиологических, соматических и интеллекта в целом, опираясь на представление о градиенте (мнемологическом, интеллектуальном), Б.Г.Ананьев сделал вывод о том, что *разновременность и неравномерность* в развитии закономерны в силу разнородности структуры развития человека, множественности его детерминации.

В КИ развитие психофизиологических функций рассматривалось как онтогенетический, возрастной процесс, «натуральный» ряд. В то же время не сбрасывались со счетов факторы социализации, опосредующие естественный ход развития функций. Были сопоставлены группы испытуемых, различающихся по образованию. Обнаружилась прямая связь между уровнем образования и интеллектом. Наибольших величин интеллекта (по трем показателям) достигают люди с высшим образованием, наименьших — имеющие восьмилетнее образование (Степанова, Борисова, Евсеева 1971).

Влияние образования на развитие интеллекта также продемонстрировано в работе М. Д. Дворяшиной, которая провела анализ результатов двух аналогичных интеллектуальных тестов (первый и второй варианты теста Векслера (Дворяшина 1973, 1974)). Сначала студенты обследовались на первом курсе обучения в университете, вторично эти же лица прошли тестирование на пятом курсе. Суммарные оценки по средней и моде (модальному значению) на пятом курсе были выше, чем на первом, по вербальному, невербальному и общему интеллекту. Преимущества пятикурсников проявились в каждом из субтестов. В целом 47,4% испытуемых повысили разряд общего интеллекта при переходе на пятый курс, почти половина сохранила свой разряд, и, что особенно удивительно, 7% студентов понизили свои показатели за годы учения в университете. Около 75% испытуемых повысили свою оценку по невербальным тестам, в некоторых случаях более чем на два разряда. У большинства студентов произошла оптимизация структуры интеллекта — улучшил-

ся баланс между вербальным и невербальным интеллектом, снизилась величина его градиента. (Эта закономерность независимо подтверждена Л. В. Меньшиковой в ее многолетних исследованиях развития студентов в процессе обучения в вузе (Меньшикова 1998).)

Благодаря особой организации исследований с применением микровозрастных срезов, удалось определить возрастные нормативы целого ряда психофизиологических функций и таким образом подойти к обоснованной возрастной периодизации взрослости. Нормативы, полученные в КИ, предназначались для диагностики личности, что имеет практическое значение для деятельности психологической службы. Отработанная программа многоуровневой психодиагностики — еще одно достижение коллектива Б. Г. Ананьева (Психодиагностические методы 1976).

Нормативы развития обязательно дифференцируются по половому признаку. Половой диморфизм был выявлен в КИ на разных уровнях структуры человека. Данные свидетельствуют о том, что женщины отличаются от мужчин меньшими значениями «энергетических» показателей. В то же время им свойственна регуляция поведения на основе наиболее вероятных сигналов (Палей, Горбачевский 1972). Многократно подтвердился факт более раннего созревания соматических и психических функций у женщин по сравнению с мужчинами, у них же отмечается большая стабильность функций. Обнаружилась большая вариативность в уровневых показателях у мужчин по сравнению с женщинами. Оказалось также, что фактор образования более существенно влияет на интеллектуальное развитие женщин, чем мужчин (Дворяшина, Владимирова 1980: 119).

Отметим еще одну группу результатов КИ, относящуюся к динамике функций в зависимости от состояний. Основной вывод из полученных данных таков: под влиянием нагрузки степень асимметрии функций увеличивается. Это свидетельствует о возрастании роли билатерального регулирования в стрессовых ситуациях. Этот вывод в целом совпадает с тем, что был сделан позже современными исследователями (Брагина, Доброхотова 1981; Доброхотова, Брагина 1986).

Выявленные в КИ закономерности позволили приступить к психографическому синтезу индивидуальности конкретных людей. Такому синтезу способствовали коллективные обсуждения всей совокупности данных о том или ином изучаемом человеке. Синтез ин-

дивидуальности, по-видимому, является самой сложной, методологически предельной проблемой. В ней объединяются гуманитарный и естественнонаучный взгляды на природу человека, номотетический и идеографический подходы. Надо признать, комплексные исследования в этой, дифференциально-психологической, части оказались менее результативными, чем общепсихологические разделы, построенные на статистической обработке массового эмпирического материала. Разработка методов синтеза целостного объекта остается на повестке дня науки, и в том числе психологии.

КОМПЛЕКСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ — ЗНАЧИТЕЛЬНЫЙ ВКЛАД В ТЕОРИЮ И МЕТОДОЛОГИЮ ПСИХОЛОГИИ

Обзор эмпирических результатов комплексных исследований дает представление о масштабе работы, проделанной коллективом, руководимом Б. Г. Ананьевым. К большому сожалению, они не были завершены. Смерть руководителя стала невосполнимой утратой для коллектива. Б. Г. Ананьев был единственным, кто обладал концептуальной системой, положенной в основу исследований. Незавершенность исследований препятствует адекватному пониманию их значения для теории и методологии психологической науки и человекознания в целом. Многие их результаты до сих пор остаются вне поля зрения научного сообщества при обсуждении актуальных проблем психологической науки, в частности программ деятельности коллективов, подобных Институту человека, организованному в системе Академии наук СССР (ныне РАН) в 1991 г.

Оценка — прямая и косвенная — комплексных исследований Б. Г. Ананьева, которую можно встретить в научных публикациях, нам представляется не всегда справедливой. В конце XX в. усилилась критика всей естественнонаучной психологии, разделение науки на две — естественнонаучную и гуманитарную с креном в последнюю. Школа Б. Г. Ананьева всегда была близка по стилю к естествознанию, но это не означало, что здесь не обращают внимания на проблему личности и ее внутреннего мира. Ученики Б. Г. Ананьева, в их числе и автор этих строк, не могут согласиться с противопоставлением естественнонаучной и гуманитарной психологии. Наш путь — научная психология, которая сочетает оба эти подхода. Думается, что комплексные исследования Б. Г. Ананьева в принципе

являются примером искомого единства психологии. Они имеют методологическое значение, которое еще не достаточно осознано в нашей науке. Мы считаем необходимым теоретически обобщить вклад комплексных исследований Б. Г. Ананьева в психологическую науку и осмыслить их методологическое значение в контексте современных методологических дискуссий о предмете, методе и путях развития психологии.

Основой оценки КИ для нас служат идеи М. Г. Ярошевского о категориальном сдвиге как критерии существенности вклада учебного и его школы в научное развитие. «По масштабности сдвига в системе категорий, а не по таким показателям, как количество adeptов, учреждений, публикаций, ссылок (цитат), как экспансия в пространстве и во времени, определяется ценность школы в научном прогрессе» (Ярошевский 1977: 89). Следует добавить, что обогащение категорий происходит постоянно по мере развития знаний, но «сдвиг» связан именно с качественным преобразованием этих знаний. Какие же качественные сдвиги и в каких категориях психологической науки произведены Б. Г. Ананьевым и его школой?

Во-первых, исследования эмпирически обосновали теоретические представления об индивидуальности как конкретном воплощении психобиосоциальной целостности человека и тем самым существенно развили понимание категории «личность» (индивид, субъект, индивидуальность). В итоге комплексных исследований человек предстает как структурированное целое, возможное благодаря связям между разнородными, разноуровневыми элементами. Многочисленные экспериментальные данные свидетельствуют о том, что «в любом из факторов, определяющих структуру личности, обнаруживаются корреляционные плеяды, сложноветвящиеся цепи связей между отношениями и свойствами личности, интеллектуальными и другими психическими функциями, соматическими и нейродинамическими особенностями человека. Иначе говоря, целостный человек как социальное и психофизическое единство выступает в любом из параметров, характеризующих структуру личности» (Ананьев 19686: 307-308).

В свете результатов комплексных исследований по-новому выступил принцип детерминизма. Разнообразные и многочисленные корреляционные плеяды и факторы, состоящие из разноуровневых элементов структуры человека, надо рассматривать как внутренние детерминанты психического. Природные причины ассоциации или дисассоциации психофизиологических и других функций нерв-

ной системы и организма в целом ослабляются или усиливаются под влиянием социальных факторов, в том числе воспитанием и обучением, а главное — собственной деятельности человека.

В комплексных исследованиях удалось подробно и основательно изучить структуру индивида, который рассматривался как первичный носитель психического. Природные свойства индивида — постоянный компонент развивающейся системы человека (индивидуальности). Их нельзя «выносить за скобки» при изучении не только детства, но и более поздних возрастов. Полученные в ходе комплексных исследований гетерогенные корреляционные связи послужили подкреплением идеи Б. Г. Ананьева о том, что «определенный комплекс *коррелируемых свойств индивида* (возрастно-половых, нейродинамических, конституционально-биохимических) входит в *структуру личности* (Там же: 308).

Эта точка зрения противостоит все еще распространенному представлению о «бестелесности» личности, когда последняя фактически отрывается от своего субстрата и сводится только к духовности, высшим формам направленности — идеям, идеалам, мировоззрению, субъективности. При этом утверждается, что личность нельзя обнаружить «под кожей», что она существует лишь в пространстве общественных отношений. Исходя из тезиса К. Маркса об общественной сущности человека, нередко человека отождествляют с этой его сущностью, тем самым неправомерно социологизируя и обедняя природу человека. Поскольку психология призвана изучать психологические и психофизиологические механизмы деятельности, поведения, жизнетворчества человека, постольку она не может полностью абстрагироваться от процессов в организме, нервной системе, даже если речь идет о высших проявлениях личности. Напротив, остро встает вопрос о законах перехода от органических и психофизиологических процессов к процессам психическим и психоидеологическим, духовным.

Смелые шаги на пути решения этого вопроса были сделаны школой Б. Г. Ананьева. В этом отношении ей близки исследования Б. М. Теплова и В. С. Мерлина, что, конечно, не отменяет различий в исследовательских тактиках. Поражает родство выводов Б. Г. Ананьева, полученных из эмпирических КИ, с идеями, которые развивал С. Л. Рубинштейн в своих рукописях, так и не увидевших свет при его жизни и при жизни Б. Г. Ананьева. Независимо друг от друга и каждый по-своему эти замечательные ученые выступали за признание природного начала в человеке, за несводи-

мость человека к общественным отношениям⁶. В КИ идея природного в человеке была в центре внимания и получила многократные и разнообразные подтверждения.

В комплексных исследованиях отчетливо выступила многоуровневая структура интеллекта, главными элементами которой являются природные психофизиологические функции индивида. Многочисленные связи интеллектуальных функций и органических процессов свидетельствуют о зависимости переработки информации от энергетических процессов в мозгу, интеллектуальной активности — от жизнедеятельности. С другой стороны, еще раз на фактическом материале подтверждено, что психические явления — активные компоненты не только деятельности и поведения, но и жизнедеятельности организма.

Во-вторых, комплексные исследования обогатили категорию развития. Идея Б. Г. Ананьева о структурности развития воплотилась в экспериментальных фактах. В них структура развития выступила как «цепь корреляций между многими нейропсихическими функциями, процессами, состояниями и свойствами личности» (Ананьев 1980а: 45). Структурный подход к индивиду и личности, субъекту и индивидуальности и развитию позволил доказать действие закона гетерохронности и неравномерности в период зрелости человека. Этот закон обусловлен внутренними соотношениями между элементами полисистемы «человек». В силу ее разнородности психическое развитие отдельных компонентов протекает с разной скоростью и зависит не только от факторов наследственности, среды и деятельности, но также от уже сложившихся структурных и генетических связей, в которые включены эти компоненты. Таким образом, детерминация психического развития включает внутренние опосредования не только в смысле мотивации и деятельности, но и в смысле объективных свойств психобиосоциального «субстра-

⁶ С. Л. Рубинштейн критиковал К. Маркса за абсолютизацию общественных отношений в человеке. Это «разрушает природное в человеке и его природные связи с миром и тем самым то содержание его духовной, душевной жизни, которое выражает субъективное отношение, отражающее эту его природную связь с миром и людьми» (Рубинштейн 2003: 396). Как бы вторя ему, Б. Г. Ананьев на обсуждении своей книги «Человек как предмет познания» говорил: «Мы, по-моему, зашли слишком далеко в том, чтобы определять человека как просто совокупность отношений. Это не только отношения, это *субстрат*, который живет по всем законам развития материи и который, включаясь в те или иные системы социальных отношений, изменяет свои собственные потенциалы» (Ананьев 1983: 264).

та» — системы человека с гетерогенной структурой. Это представление о детерминации изнутри осмыслено Б. Г. Ананьевым в плане педагогической антропологии, но имеет более общее принципиальное значение для теории психического развития.

Комплексные исследования положили начало систематическому изучению зрелости и тем самым психологической *акмеологии*. Они показали, что старость наступает позже, чем это считалось до сих пор, причем отсрочка старости наблюдается в отношении не только психосоциальных характеристик личности, но и морфофизиологических характеристик, психофизиологических, психомоторных, нейродинамических функций. Границы зрелости оказались размытыми и расширенными благодаря более или менее длительным генетическим переходам между соседними фазами. В результате комплексных исследований появилась возможность установить эти границы и переходы и подойти к обоснованной периодизации зрелости.

В серии исследований зрелость предстала как период динамичных и противоречивых изменений — эволюционных и инволюционных с моментами стабилизации. Оптимумы психофизиологического развития, свидетельствующие о сенситивных периодах, указывают на большие потенциалы обучаемости и развития взрослых. Эти данные имеют важное практическое значение в связи с задачей психологического обеспечения непрерывного образования.

Б. Г. Ананьев рассматривал комплексные исследования как опыт построения модели человекознания и вместе с тем как возрождение педагогической антропологии на современном этапе научного развития. Главным педагогическим выводом из всех исследований его школы стала мысль о преломлении педагогических воздействий через всю систему свойств человека, объединенных гомогенными, а главное — гетерогенными связями, когда «под воздействием той или иной части воспитания на определенную сторону развития в силу межкорреляционных связей по гетерогенным каналам вовлекаются многие другие стороны развития, вся его структура в целом» (Там же: 51).

Примером действия гетерогенных связей служит интеллектуальное напряжение, которое представляет собой психосоматический комплекс. Из подобных фактов следует вывод о ближайших и отдаленных, поверхностных и глубинных эффектах воспитания. Если первые затрагивают установки, аффективные напряжения, операции, знания, то вторые — структуру личности, ее способно-

сти, направленность, характер. Педагогические воздействия эффективны, когда опираются на внутренние потенциалы самого человека. «Управление процессом развития личности в целях коммунистического воспитания реально осуществляется посредством регулирования этих связей, т. е. посредством управления коррелятивными зависимостями между определенными психофизиологическими функциями и свойствами личности» (Там же: 45). Эта идея Б. Г. Ананьева, подкрепленная выводами из фактических данных комплексных исследований, остается пока в рамках фундаментальной науки и еще не нашла путей проникновения в педагогическую практику. Практические приложения педагогической антропологии требуют специальной работы педагогов и психологов по созданию новых технологий обучения и воспитания на широкой антропологической основе. Это тем более важно, что в наше время педагогическая антропология выдвигается на передний край развития педагогики и возникают новые проекты ее развития. Однако известные нам проекты по сравнению с ананьевским кажутся умозрительными, полуфилософскими или полурелигиозными и потому вряд ли годятся в качестве программ конкретных исследований в научной педагогической антропологии.

Б. Г. Ананьев считал, что «при комплексном изучении человека... нельзя ограничиться суммированием сводных данных, взятых из каждой дисциплины порознь. Основная и самая сложная задача заключается в том, чтобы обнаружить взаимосвязи...» (Ананьев 1968б: 11). Если в исследованиях Бехтерева комплексный подход реализовался на *суммативном* уровне, когда разные стороны человека изучались автономно, то Ананьев сделал крупный шаг, можно сказать, *прорыв к системному синтезу*. Этот прорыв мы видим в целенаправленном изучении связей между разными уровнями структуры индивидуальности. Обнаружение связей — необходимый шаг к целому. Далее следует выяснить природу этих связей, их происхождение, их системообразующий фактор. Именно в нем многие ученые видят главную цель комплексных и системных исследований. «При организации комплексных исследований следует четко представить себе, что смысл этих исследований состоит не в том, чтобы изучить один и тот же предмет с различных сторон и изложить полученные о нем сведения, а прежде всего в том, чтобы выделить главный системообразующий фактор, обуславливающий специфику рассматриваемой системы, ее целостность» (Давыдов, Зинченко, Мунипов 1979: 16).

П. К. Анохин также полагал, что «поиск системообразующего фактора является центральным моментом, на котором может быть построена и формулировка понятия системы. Все разговоры о системе вообще могут быть оправданы открытием этого фактора» (Анохин 1984: 108). Он сосредоточил усилия на изучении системного строения механизма конкретных поведенческих актов, который формируется в соответствии с целью и переводит «хаос взаимодействия в *упорядоченное множество*» (Там же: 108). Цель выступает, таким образом, системообразующим фактором, а смена целей ведет к необходимости перестройки всей функциональной системы.

Иное дело в комплексных исследованиях Б.Г.Ананьева, когда предметом выступила устойчивая в течение жизни система индивидуальности, а не отдельный поведенческий акт. В этом случае вопрос о системообразующем факторе теряет свою остроту, вернее, он как бы выносится за скобки. Сам процесс жизни, направленный потребностями и жизненными целями личности, выступает системообразующим фактором как на уровне органической жизнедеятельности, так и на уровне социального поведения, деятельности и жизнотворчества.

В другом аспекте подходы этих двух ученых к изучению систем поведения и психики оказываются весьма близкими по смыслу. Анохин пишет о том, что «система должна стать *концептуальным мостом*, который должен связать уровень целого организма, т.е. уровень системной деятельности, с тончайшими аналитически выделенными процессами» (Там же: 108). Для него важно было постигнуть закон участия элементарного механизма поведения в системе целого организма. Но именно так ставил вопрос и Б. Г. Ананьев, когда искал пути познания целостных синдромов психической реакции, включающих и «молекулярные», элементарные изменения в жизнедеятельности организма (биохимические, обменные, психомоторные), как это было, например, при изучении интеллектуального напряжения. Идея интегральной природы индивидуальности соответствует системному представлению о том, что элементарные механизмы нижних этажей иерархической структуры индивидуальности непременно участвуют в осуществлении деятельности высших структурных уровней и индивидуальности в целом. Каждый психический процесс (а в его составе и масса психофизиологических природных функций) выступает как актуализация устойчивых свойств индивидуальности и как инструмент осуществления ее тенденций (планов, целей, интересов). В этом состо-

ит диалектика части и целого, которая нашла свое отражение в концептуальной системе Б. Г. Ананьева.

В системе Б. Г. Ананьева индивидуальность выступала результатом длительного процесса индивидуального развития, интеграции разноуровневых элементов структура человека, а не как нечто изначальное, присущее человеку с рождения (если не считать первичную индивидуальность, обусловленную генетической уникальностью индивида). В этом пункте Б. Г. Ананьев резко расходится с теми, кто приписывает индивидуальности индетерминистский характер. Эта тенденция, отчетливо сформированная в «понимающей» психологии, периодически оживляется в науке в ответ на редукционизм и сциентизм в исследованиях человека. Мотивы «понимающей» психологии явственно слышны и в экзистенциальной и гуманистической психологии, а в последнее время и в проектах гуманитарной психологии в России. Становится даже модным подчеркивать уникальность человеческого существа, его неподвластность законам природы и общества, отрыв духовности от материального бытия человека как природного индивида и социальной личности. Усиливается мнение о бесполезности и невозможности изучения индивидуальности научным путем, утверждается в качестве основного методического принципа сопереживание, диалог исследователя и изучаемого.

Не отрицая специфики психологического исследования индивидуальности, школа Б.Г.Ананьева отстаивает традиции объективного научного подхода в психологии. Основные ее методы — экспериментальные, психодиагностические, наблюдательные — сочетаются с другими, построенными на самонаблюдении, в том числе и биографическими. В комплексном исследовании индивидуальность выступает как результат синтеза многих аналитических данных.

Системный синтез — «одна из важнейших задач современной теории истины, она требует выработки соответствующих методологических средств, реально обеспечивающих единство существующего разнофокусного, разномасштабного и разноприродного знания» (Кузьмин 1986: 324). Чтобы осмыслить процедуры конкретно-научного синтеза в комплексном исследовании, следует понять, что индивидуальность здесь выступала, по крайней мере, в двух планах. Во-первых, как общепсихологическое явление, поскольку индивидуализация человека — общий закон его развития. Во-вторых, как дифференциально-психологическое явление, как воплощение своеобразия, неповторимости каждого. Эти два плана пред-

ставляется необходимым развести при анализе методологических результатов комплексных исследований. Без такого разведения не избежать методологической антиномии: индивидуальность (в смысле уникальность) изучается через корреляции и факторы, отражающие структуру «групповой» личности (на этой антиномии специально заострял внимание И. М. Палей (1976)). Корреляционный, факторный, дискриминантный и регрессионный анализ адекватны индивидуальности в ее общепсихологическом смысле, как продукт интеграции разных уровней природы человека. В этом случае вполне уместен номотетический подход с использованием средств статистической обработки. Понимание на этой основе законов индивидуализации подготавливает почву для перехода к познанию конкретной индивидуальности каждого из изучаемых лиц. «Разумеется, существует значительное расхождение между уровнем интеграции, характеризующим индивидуальность, и тем, который достигается в оценках статистических связей. Однако чаще при критике их подразумевается другое: что эти оценки вообще не продвигают нас к пониманию индивидуальности в ее целостности. С этим нельзя согласиться» (Палей 1976: 66).

Подход к индивидуальности конкретного человека становится научным, когда он опирается на общие закономерности индивидуализации. Он осуществляется через типологию многих конкретных индивидуальностей по каким-либо основаниям: по конституциональным признакам, качественному уровню интеллекта, особенностям характера. При этом корреляции и факторы устанавливаются в математических процедурах, применительно к каждому из выделенных типов, что имеет значение в виду криволинейного характера многих зависимостей. О пользе и необходимости типологизации как переходного звена к индивидуальности конкретных лиц в лаборатории Б.Г.Ананьева сложилось устойчивое мнение не только в исследовательском плане, но и в плане практической, консультационной работы. Как отмечает Н. Н. Обозов, «практический работник, в том числе психолог, должен фиксировать свое внимание не столько на неповторимом своеобразии каждого индивида, сколько на возможной типологии обследованных, с последующим нахождением индивидуально-типических приемов работы с ними» (Обозов 1974: 33). Типологический метод в психологии личности стал основным в более поздних исследованиях К. А. Абульхановой (например, Абульханова 1999; Абульханова-Славская 1983, 1985).

Максимально приближается к конкретной индивидуальности

психографический метод, который нацелен на объединение аналитического и синтетического, лабораторно-экспериментального и биографического знания об индивидуальности. Методологический вклад комплексных исследований состоит, в частности, в определении перехода от «статистической индивидуальности» к типологическим группам, а затем к конкретному человеку, перехода, который непременно должен быть завершен психографией, построенной в координатах жизненного пути личности.

Вслед за Б.Г.Ананьевым мы можем сказать, что «*комплексный* метод сам по себе еще не есть концепция целостности изучаемых феноменов, но, бесспорно, он направлен на построение такого исследовательского цикла, который обеспечивал бы в будущем построение такой концепции» (Ананьев 1977: 302). Очевидно, значение проведенных комплексных исследований и состоит в эмпирическом обосновании концепции психологии *целостного человека*. Отдельные циклы исследований, выполненные по программе Б.Г.Ананьева, обозначили определяющие элементы контура теории целостности человека, дополнить и замкнуть которые предстоит новым поколениям исследователей.

* * *

Комплексный подход к проблеме человека воплотился не только в комплексных исследованиях Б. Г. Ананьева, но и в структуре и деятельности факультета психологии Ленинградского государственного университета. Факультет, открытый в 1966 г. на базе отделения психологии, мыслился Б. Г. Ананьевым как научный и образовательный центр широкого антропологического профиля⁷. Концепция целостного человека как предмета психологического познания послужила идейной основой создания этого центра. Основные направления и достижения факультета не раз освещались в статьях и монографиях ученых факультета (в частности, Ананьевские чтения 2003 и др.; Крылов 1986; Психология 1998).

Что касается собственно комплексных исследований по программе Б.Г.Ананьева, то, к сожалению, после его смерти они постепенно были свернуты. В частности, не был осуществлен проект

В 1972 г. за несколько дней до своей скоропостижной смерти Б. Г. Ананьев на заседании Ученого совета Ленинградского университета с необычайной страстью заявил, что именно здесь, в Ленинграде, в университете должен быть Институт человека — преемник Института мозга.

коллективной монографии «Интеллект и личность», основанный на материалах комплексных исследований⁸.

Тем не менее и в послееваньевский период в лаборатории дифференциальной психологии и антропологии, носящей его имя, и на кафедрах факультета, наиболее тесно связанных с ней, было сделано немало для продолжения и развития программы Учителя. Так, в экспериментальных работах Л. А. Головей, Н. А. Розе (Грищенко) были раскрыты разные стороны психомоторной организации человека, что сыграло важную роль в создании научных основ психодиагностики в сфере рабочих профессий и профориентации школьников (Грищенко, Головей 1987). Под руководством Е.Ф.Рыбалко проводились исследования интеллектуальных функций школьников, в результате чего подтвердились общие закономерности — гетерохронность, неравномерность, преобразование структур межфункциональных связей по возрастам (Рыбалко 1990; Возрастные аспекты 1993). Н. Н. Обозов и его сотрудники разрабатывали идеи Б. Г. Ананьева, лежащие на стыке дифференциальной и социальной психологии, изучали явление групповой совместимости, становление социально-психологической структуры группы, роль личностных факторов в этом процессе (Обозов 1979; Обозов, Анисимова, Трапезникова 1980). По программе комплексных исследований были продолжены работы в секторе психологии НИИ общего образования взрослых, которые охватили возрастные периоды до 46 лет (работы Я. И. Петрова, Е. И. Степановой, Л. Н. Фоменко и др.) (Возрастные изменения 1977; Структура интеллекта 1979)⁹. Была изда-

⁸ О содержании монографии можно судить по структуре разделов и глав, намеченной Б. Г. Ананьевым.

I. Интеллект: Исследование интеллектуальных функций; исследование интеллекта по тесту Векслера; технический интеллект.

II. Личность: Материалы комплексных исследований в ЛГУ, театре, театральном институте. Структура индивидуальности.

III. Соотношение, связи между интеллектом и личностью: анализ структурных и генетических связей. В какой степени интеллект является фактором образования личности. Нейродинамика. Чувствительность.

Объем монографии 30 п. л. Срок сдачи глав авторами ноябрь-декабрь 1972 г. (Протокол заседания лаборатории дифференциальной психологии и антропологии от 3 февраля 1972 года. — Архив и лаборатории дифференциальной психологии и антропологии НИИКСИ ЛГУ).

⁹ Отдельные линии функционального развития были прослежены на более широком диапазоне в работах, например, М.Д.Дворяшиной относительно зрительных перцептивных констант (гл. 7-10 в кн.: Ананьев, Дворяшина, Кудрявцева 1968).

на коллективная монография, посвященная апробированным методам комплексных исследований (Психодиагностические методы 1976).

В 1970-1980-е годы лаборатория дифференциальной психологии в антропологии НИИКСИ им. Б. Г. Ананьева¹⁰ обратилась к практической психодиагностике, особенно в целях психологического обеспечения высшего образования. В русле практической психодиагностики обогатились теоретические представления о развитии интеллекта в студенческом возрасте у лиц с разными профессиональными склонностями и способностями, изучена самооценка, стиль учебной деятельности, мотивация и самоорганизация личности, разработаны новые методы интеллектуального тренинга студентов. Все эти и другие результаты были направлены на психологическое повышение эффективности высшего образования (Вопросы практической психодиагностики 1984; Социальные и психологические проблемы 1989).

Идеи и труды Б. Г. Ананьева живут не только среди его непосредственных сотрудников. Они участвуют в современных дискуссиях о предмете психологии, о природе человека и путях его психологического познания, перспективах системного подхода, соотношении естественнонаучной и гуманитарной парадигм в психологических исследованиях. Ананьевская концепция человека повлияла на исследования В. С. Мерлина, нашла союзников в школе Б. М. Теплова, получила философское развитие у Е. И. Резвицкого (1973, 1984), вызвала многократный отклик в работах К. А. Абульхановой, Л. И. Анцыферовой, А. Г. Асмолова, А. В. Брушлинского, В. И. Казначеева, И. С. Кона, И. Т. Фролова и многих других ученых, разрабатывающих проблему человека.

Многое из идейного богатства В. М. Бехтерева и Б. Г. Ананьева было взято на вооружение Институтом психологии Российской академии наук, особенно в то время, когда им руководил Б. Ф. Ломов, его первый директор, талантливый ученик Б. Г. Ананьева. Методология системного подхода, которую активно разрабатывал Б. Ф. Ломов, была продолжением методологии комплексного подхода В. М. Бехтерева и Б. Г. Ананьева и развивала их идеи на новом этапе истории психологической науки. Разные стороны научного наследия Б. Г. Ананьева осваиваются и разрабатываются в исследо-

¹⁰ После смерти Б. Г. Ананьева лабораторией дифференциальной психологии и антропологии в разные годы заведовали А. А. Бодалев, Н. Н. Обозов, В. Н. Келасев.

ваниях психологов Санкт-Петербурга, Москвы, Новосибирска, Томска, Ярославля, Алма-Аты.

Как показывает история науки, после кончины основателя школы неизбежно происходит ее «размывание». Но наиболее ценные идеи и результаты деятельности школы и ее лидера не умирают, а становятся достоянием всего научного сообщества. Пока живут и действуют питомцы школы, не исчезают и особые, присущие ей ценности, научный стиль, определенное унастроение — в общем, дух школы. Петербургская (Ленинградская) университетская психологическая школа была и остается яркой «соборной индивидуальностью» отечественной науки. Ее судьба — забота учеников и последователей Б. Г. Ананьева, а также молодых ученых нового поколения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Проблема человека, его всестороннего развития и его будущего предстает перед наукой как комплексная по самому существу своему» (Фролов 1983: 18). В ее решении значительную роль играет психология, которая может успешно развиваться только в союзе со всеми другими науками о человеке. Этот союз принципиально необходим для нее, поскольку «изучаемый ею человек как *субъект* может быть понят как *личность* и *индивид* (целостный организм) одновременно» (Ананьев 1977: 41). Психика находится во всеобщей взаимосвязи явлений действительности: она отражает мир и на этой основе участвует в поведении, деятельности и жизнедеятельности субъекта.

Материалистическая психология видит принципиальную неотделимость психического от материальной структуры человека и предполагает, что психическое интегрирует все уровни субъекта, является его *системным качеством*. Поэтому она выступает инициатором антропологических комплексных исследований и становится базовой дисциплиной в них. Комплексные психологические исследования предполагают опору на данные смежных наук для решения собственно психологических вопросов, главный из которых— вопрос о *детерминации* психики, сознания, поведения и деятельности человека.

Комплексный подход к человеку как предмету познания органичен для психологии и начал развиваться в ее лоне, не имея еще собственного названия. История зарождения комплексного подхода в психологии своими корнями уходит в материалистическую традицию и связана прежде всего с именем В. М. Бехтерева, который выступил с проектом «объективной психологии». По его замыслу, всестороннее изучение человека является средством раскрытия объективной детерминации поведения личности. История комплексного подхода в психологии во многом совпадает с историей бехте-

ревского направления, к которому принадлежит и научная школа Б. Г. Ананьева.

В. М. Бехтерев сделал первый и весьма значительный шаг по пути комплексного изучения человека. Он создал полидисциплинарные научные учреждения и предпринял колоссальные усилия, чтобы наладить исследовательскую работу в каждом из них. В. М. Бехтереву принадлежит заслуга создания теоретического труда, который призван был обобщить данные разных наук о человеке. Такое обобщение было осуществлено им в форме рефлексологии. Его исследования в области человекознания имели лишь суммативный характер, что объясняется уровнем общего развития науки и трудностями теоретического синтеза.

Комплексные исследования человека-индивидуальности, организованные Б. Г. Ананьевым на основе его программы и концептуальной системы, дают ценный практический научный опыт в содержательном, методологическом и организационном отношении. Мы считаем, что благодаря усилиям школы Б. Г. Ананьева произведен категориальный сдвиг относительно категории «личность-индивид». Существенно обогащены научные представления о структуре личности и механизмах ее целостности. Достижения комплексных исследований Б. Г. Ананьева — важный вклад и в теорию индивидуального развития человека. В них определился контур онтопсихологии, заложены эмпирико-теоретические основы психологической акмеологии.

По замыслу и в большой мере по реализации КИ в школе Б. Г. Ананьева были *системно-комплексными*, так как были основаны на системной концепции индивидуальности, ориентированы на изучение целостной системы человека путем обнаружения связей между однородными и разнородными компонентами его структуры. В этом нам видится пример успешного продвижения по пути к синтетическому человекознанию, заявленному Б. Г. Ананьевым в качестве дальней цели всех наук о человеке, и в первую очередь психологии. То, что эта цель остается на повестке дня науки, подтверждается неоднократно в различных выступлениях современных ученых (Проблемы комплексного изучения человека 1984а, 1984; Проблемы человека 1988; Как возможна 2003)¹. Более то-

¹ Совсем недавно крупный специалист по молекулярной биологии академик РАН Л. Л. Киселев почти словами Б. Г. Ананьева, правда, не ссылаясь на него, высказался о необходимости *интегрированного человековедения*. Он выразил убеждение, что «только на путях интегрированного человековедения мы имеем

го, именно с комплексным междисциплинарным подходом науковеды связывают специфику современной, постнеклассической науки (Степин 1997, 2004). Ее объектами все чаще становятся уникальные системы, способные к саморазвитию. В комплексных исследованиях Б. Г. Ананьева объектом была индивидуальность, которая, несомненно, относится к таким системам. Поэтому мы имеем смелость утверждать, что Б. Г. Ананьев, идейный вдохновитель, разработчик и руководитель комплексных исследований индивидуальности и ее развития, определял характерные черты постнеклассической психологии в нашей стране.

Методологические уроки комплексных исследований имеют самостоятельное значение и состоят в том, что комплексные исследования человека могут быть успешными при опоре на концептуальную систему, отражающую природу человека в целом. Концептуальная система — адекватная основа для синтеза разнородных многочисленных эмпирических данных, интеграции исследования, кооперации деятельности ученых разных специальностей. Развитая структура концептуальной системы и ее диалектический характер служат гарантом против эклектики в реализации комплексного подхода. Однако и в этом случае остается имманентная неопределенность комплексных исследований вследствие широты охвата аспектов, факторов, уровней и структур человека.

Научное мышление стремится упорядочить в единой теоретической системе разнородные множества явлений, преодолеть «хаос» эмпирии. Но тем самым оно приближается к опасной черте, за которой начинается омертвление вечно изменчивой, становящейся чем-то новым действительности. Комплексный подход готов охватить не только целостные системы, но и конгломераты, мозаичные объекты. Он открыт и всегда как бы незавершен, балансирует на грани эклектики. Но, как мудро заметил Сергей Аверинцев, «сама наша жизнь эклектична, и, когда альтернатива жизни только смерть, лучше, по-видимому, выбрать эклектику... Эклектика может быть несовершенным, но все-таки ответом на объективную многоплановость живой жизни» (Аверинцев 1988: 3-4). Это суждение справедливо не только для общества и природы, но и для отдельного

шанс познать самих себя» (Киселев 2003). Современные исследователи высказывают мнение, что благодаря естествознанию создание единой науки о человеке в 1970-1980-х годах стало одной из центральных проблем, а в России инициаторами человекознания выступили психолог Б. Г. Ананьев и философ И. Т. Фролов (Как возможна 2003).

человека. Развивающаяся индивидуальность не вмещается в строгие логические рамки системного мышления. Ее структура никогда не может быть окончательно завершенной. Нам видится оптимальным системно-комплексный вариант исследований, который стремится к постижению индивидуальности как становящейся гармонии, когда целостность выступает не столько результатом, сколько предельным целевым состоянием полисистемы «человек».

Проблема человека охватывает более частные гуманитарные проблемы, будь то эффективность труда, рождаемость, воспитание подрастающего поколения, психосоматическое здоровье, преступность, алкоголизм и т. д. В случае отсутствия общей концепции человека возникает опасность остаться лишь на уровне суммативных исследований при изучении подобных проблем комплексным методом. Дело, однако, не только в самом наличии концепции, но и в ее содержании. Не всякая концепция адекватно отражает природу человека. Порой конкретные исследования ориентируются на бихевиористские, экзистенциалистские и другие модели, в которых происходит подмена целостного человека его сознанием и самосознанием (экзистенциальная, гуманистическая психология), деятельностью (ортодоксальный деятельностный подход), поведением (бихевиоризм), межличностными отношениями (интеракционизм).

На словах большинство современных ученых признают целостность психобиосоциальной структуры человека, но не все из них на деле реализуют принцип целостности при анализе психики и поведения реальных людей. При обсуждении вопросов методологии наук о человеке то и дело звучат упреки в адрес естественнонаучному подходу, который якобы не в состоянии приблизиться к пониманию сущности человека — его духовности. Ему противопоставляется гуманитарная психология, которая, по мнению новых антропологов в психологии, только и может быть адекватной природе человека.

Это спорное мнение имеет право на существование, но пока только как мнение. Его авторы нередко подменяют конкретно-научное исследование философствованием или беллетристикой на психолого-антропологические темы. Для них Б. Г. Ананьев и его последователи с их комплексным и системным подходом — естествоиспытатели, для которых они отводят место разве что в области психофизики и психофизиологии. Пренебрежение богатейшим наследием или замалчивание школы Б. Г. Ананьева характеризует не с лучшей стороны тех ученых, которые называют себя психологами-антропологами. По сравнению с концепцией человека Б. Г. Ананьева их

концепции выглядят умозрительными, односторонними, а главное, эмпирически и теоретически необоснованными, мало что добавляющими к позитивному знанию о человеке. Трудно себе представить, чтобы такие концепции были способными стать основой для новых исследований целостного человека.

Антропологическую модель человека, отражающую все уровни его существования, все блоки его психобиосоциальной структуры в развитии в свое время создавали В.М.Бехтерев и Б.Г.Ананьев. Они сумели на деле организовать и осуществить комплексные исследования человека. По мере реализации программ КИ шло накопление фактов и раскрытие определенных закономерностей структурирования, функционирования и развития человека, вместе с тем методическая база КИ превращалась в психодиагностическую процедуру, пригодную для практического применения в психологической службе. Можно представить, что дальнейшее развитие комплексных исследований и совершенствование психодиагностических комплексных процедур будет все более активно влиять на разработку гуманитарной практики, в частности в целях социальной и психологической помощи населению. Как показывает жизнь, эта помощь эффективна, когда вместе с психологическим консультированием человек получает медицинскую и социальную помощь в трудоустройстве, в смене места жительства, в организации социальных связей. Сочетание социальной заботы, физического оздоровления, собственно психологической помощи и составляет содержание комплексной гуманитарной технологии.

Комплексный подход к человеку, заложенный В. М. Бехтеревым и развитый Б. Г. Ананьевым, подлинно гуманистичен, поскольку изначально антропологичен и утверждает приоритеты развития человека. И В. М. Бехтерев, и Б. Г. Ананьев всегда стремились раскрыть потенциалы человека и укрепить его самобытность. Б. Г. Ананьев считал, что превращение человека из объекта в субъект социальной деятельности происходит по мере формирования в нем структуры потенций и тенденций как основы самобытности (саморегуляции, самоорганизации, саморазвития), причем сам процесс этого формирования зависит от его соответствия собственным закономерностям развития человека и должен учитывать гетерогенные и гомогенные связи в его структуре. В широком смысле слова вся структура личности-индивидуальности имеет значение *жизненных сил*. Становление этой структуры, здоровых жизненных сил является внутренним условием самобытности человека.

Предпринятая в книге попытка осветить историю становления комплексного подхода к человеку в трудах ученых школ В.М.Бехтерева и Б.Г.Ананьева, естественно, не дает полной ее картины. Представляется необходимым в дальнейшем более основательно соотнести историю этих школ с событиями современной им эпохи. Несомненно, открытия в исторической науке в стране будут способствовать решению специальных историко-научных задач. Среди последних в связи с темой нашего исследования мы бы выделили такие: выяснение истоков мировоззрения В.М.Бехтерева, роли русской философии конца XIX — начала XX в. в его оформлении; детальная реконструкция истории Психоневрологического института, Института мозга, Психоневрологической Академии как научных и образовательных учреждений; история психологической школы Санкт-Петербургского (Ленинградского) университета. Особо отметим необходимость дальнейшей разработки научного наследия Б. Г. Ананьева в контексте российской и мировой психологии, соотнесение его концепций и научного вклада с тем, что сделано другими видными психологами XX столетия. Требуется дальнейшая методологическая разработка специфика комплексного подхода в сопоставлении с системным подходом и его новым этапом — синергетикой. На повестке дня науки остается вопрос о путях и методах конкретно-научного синтеза разнородных данных, полученных средствами смежных наук в процессе комплексных исследований.

История родственных научных школ В. М. Бехтерева и Б. Г. Ананьева — неотъемлемая составная часть истории человекознания. Она убеждает, что всестороннее изучение человека должно основываться на антропологической концептуальной модели. Ее создание по силам не многим ученым, только тем, кто обладает энциклопедическими познаниями, разносторонними способностями, цельностью характера, преданностью своей идее о человеке. Одним из уроков истории комплексного подхода в психологии является вывод о решающей роли личности ученого, его творческой индивидуальности и нравственной высоты в проектировании, программировании и реальном исполнении коллективных комплексных исследований. Дальнейшая судьба комплексного подхода зависит не только от прогресса методов и знаний, но и от масштаба личности ученых, вступающих на этот путь.

В наше время, на переломе истории, на рубеже веков и тысячелетий происходят колоссальные преобразования общества, кото-

рые затрагивают всех людей и ярко высвечивают хорошие и плохие свойства человеческой природы. На интеллектуальной арене общественной жизни появляются новые идеи и смелые проекты, касающиеся разных гуманитарных проблем. Дело за конкретной, можно сказать, черновой работой по их теоретическому и фактическому обоснованию. Это могут сделать комплексные научные коллективы, сплоченные на основе научной антропологической теории.

Мы уверены, что идеям и достижениям антропологической психологии, непрерывно развиваемой в течение всего XX столетия в Санкт-Петербурге, принадлежит большое будущее.

БИБЛИОГРАФИЯ

Архивные материалы

Государственный исторический архив СПб.

- Материалы, относящиеся к истории Психоневрологического института (Докладные записки, ходатайства). — Ф. 2265. Оп. 1. №892.
- О состоящем в ведении Министерства Народного просвещения Психоневрологическом институте. — Ф. 2265. Оп. 1. №906.
- Отчет Института мозга за 1923-24 гг. — Ф. 2265. Оп. 1. №973. 12 л.

Российская Государственная библиотека

- Стенограмма заседания, посвященного обсуждению книги С. Л. Рубинштейна «Основы общей психологии» 29 марта 1947 г. — Ф. 642. К. №27. Ед.хр.№22.

Архив РАН, СПб.

- Ананьев Б. Г.* Индивидуальные различия чувствительности. — Ф. 805. Оп. 1. №3 /1940/, 15 л.
- Вебер Л. Г., Вологодин И. Р.* Краткие сведения о состоянии работы за период 1930-33 Г.-Ф.805. Оп. 1. №41 /1933/.
- Кашкадамов В. П.* Итоги 5-летней деятельности Института по изучению мозга и психической деятельности. — Ф. 805. Оп. 1. №90 /1923/. 15 л.
- Краткий пятилетний план научных исследований на 1928-33 г. — Ф. 805. Оп.2. №4 /1928/.
- Научно-производственный план института на 1937 г. — Ф. 805. Оп. 2. №9 /1937/.
- Научно-производственный план института и его секторов на 1939 г. — Ф.805. Оп.2. №10 /1939/.
- Научно-производственный план института на 1941 г. — Ф. 805. Оп. 2. №8 /1941/.

- Научно-производственные планы института и его отделов III и IV кварталов 1941 г. Июль 1941 г. — Ф. 805. Оп. 2. № 10.
- Отчет о НИР института за 1931 г. — Ф. 805. Оп. 2. №9 /1931/.
- Отчеты секторов Института мозга за 1934 г. — Ф. 805. Оп. 2. № 12 /1934/.
- Отчеты сотрудников по НИР за 1942 г.—Ф. 805. Оп. 2. №/1942/.
- Письмо В. М. Бехтерева Председателю ВЦИК М. И. Калинину. — Ф. 805. Оп. 1-1927. №6. Л. 10.
- Проблематика работы Института во второй пятилетке (1933-1938). — Ф. 805. Оп. 2. №4/1933/.
- Производственные планы работ Института и его секторов на 1933 г. — Ф. 805. Оп. 2. №5 /1933/.
- Протоколы заседаний Ученого совета. — Ф. 805. Оп. 2. №3 /1941/.
- Протоколы и стенограммы научной сессии института по вопросам психологии. 17-20 июня 1935 г. — Ф. 805. Оп. 2. №11 /1935/.
- Резолюция по докладу Колбановского на тему «Положение на психоневрологическом фронте и задачи Института им. В. М. Бехтерева». — Ф. 805. Оп. 2. №23 /1932/.
- Стенограмма научного заседания, посвященного памяти В. М. Бехтерева (23/111-37 г.).-Ф. 805. Оп. 1. №17 /1937/. 27 л.
- Тезисы докладов Научной сессии института, посвященной 40-му юбилею проф. В. П. Осипова. 27-29 февраля 1935 г. — Ф. 805. Оп. 2. № 13 /1935/.
- Тематический финансовый план института на 1936 г. — Ф. 805. Оп. 2. №6 /1936/. 18 л.

Архив РАО

- Отчеты о работе действительных членов и членов-корреспондентов отделения за 1968 г. — Ф. 25. Оп. 1-а. №779.
- Отчет о работе Ленинградского научно-исследовательского института педагогики за 1954 год. — Ф. 25. Оп. 1. № 1754.

Центральный государственный архив СПб.

- Ананьев Б. Г.* Общие проблемы современной советской педагогики и психологии: Стенограмма доклада. 23/XII-1957. — Ф. 9754. Оп. 2. № 197.
- Ананьев Б. Г.* Педагогический опыт как источник психологических знаний о развитии ребенка (Рукопись). Л., 1949. — Ф. 9757. Оп. 1. №536. 124 л.
- Стенограмма доклада Б.Г.Ананьева на заседании Ученого совета 26/11-1954 г. «К научной разработке проблемы системы учебно-воспитательной работы школы» и стенограмма обсуждения доклада. — Ф. 9754. Оп. 1. №1402.

- Материалы Института по изучению мозга и психической деятельности, которые были представлены Гос. комиссии по Просвещению 10 июня 1918 г. — Ф. 2555. Оп. 1. №48.
- Отчет о деятельности Государственного рефлексологического Института по изучению мозга за 1924/25 год. — Ф. 2555. Оп. 1. №782. 178 л.
- Отчет о деятельности Психоневрологического института с 1908 по 1918 г. — Ф. 2555. Оп.1. №1.
- Педологический институт при Психоневрологическом институте. Материалы по делу о принятии Педологического Института в ведение государства и сметы на 1917 и 1918 годы. — Ф. 2984. Оп. 2. №1.
- Письмо-ответ Г. И. Челпанова от 5 июня 1918 г. в научный отдел Народного Комиссариата по просвещению. — Ф.2555. Оп. 1, №48.
- Рефлексологический институт по изучению мозга. 12/Х-26-12/12-22. — Ф.2555. Оп.1. №1089. 84 л.
- Ананьев Б. Г.* Формирование научной психологии в СССР. Л., 1939. Докт. дис —Ф.4331. Оп.30. Ед.хр. 17.

*Архив лаборатории дифференциальной психологии
и антропологии НИИКСИ ЛГУ*

Протокол заседания лаборатории дифференциальной психологии и антропологии от 3 февраля 1972 года.

Литература

- Абрамова Н. Т.* Мозаичный объект: Поиск оснований единства // Вопросы философии. 1986. №2.
- Абрамова Н. Т.* Целостность и управление М., 1974.
- Абульханова К. А.* Психология и сознание личности (Проблемы методологии, теории и исследования реальной личности). М.; Воронеж, 1999.
- Абульханова-Славская К. А.* О субъекте психической деятельности. М., 1973.
- Абульханова-Славская К. А.* Диалектика человеческой жизни. М., 1977.
- Абульханова-Славская К. А.* Деятельность и психология личности. М., 1980.
- Абульханова-Славская К. А.* О путях построения типологии личности// Психологический журнал. 1983. Т. 4. №1.
- Абульханова-Славская К. А.* Типология активности личности// Психологический журнал. 1985. Т. 6. №5.
- Абульханова-Славская К. А.* Стратегия жизни. М., 1991.

- Аверин А. Н.* Комплексный подход и междисциплинарные исследования// Комплексный подход к научному поиску: Проблемы и перспективы. Свердловск, 1979.
- Аверинцев С. С.* О человечности стиля// Наше наследие. 1988. №4.
- Аверьянов А. Н.* Системное познание мира: Методологический принцип. М., 1985.
- Акинщикова Г. И.* Телосложение и реактивность организма человека. Л., 1969.
- Акинщикова Г. И.* Исследования реактивности организма человека// Психодиагностические методы (в комплексном лонгитюдном исследовании студентов). Л., 1976.
- Акинщикова Г. И.* Соматическая и психофизиологическая организация человека. Л., 1977.
- Александрова М.Д.* К пятидесятилетнему юбилею проф. Бориса Герасимовича Ананьева// Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. Экономика. Философия. Право. 1958. Вып. 2. №11.
- Александрова М.Д.* Очерк психофизиологии старения. Л., 1965.
- Алексеев И. С.* Методологические проблемы построения математического аппарата общей теории систем // Проблемы системных исследований. Новосибирск, 1985.
- Алексеев Н. Г.* Методологические принципы концептуальных схем деятельности в психологии// Проблемы методологии в эргономике: Труды ВНИИТЭ: Эргономика. М., 1975. Вып. 17.
- Ананьев Б. Г.* Предмет и метод рефлексологии// Рефлексология или психология. Л., 1929.
- Ананьев Б. Г.* К проблеме основания поведения человека // Вопросы изучения и воспитания личности. 1930. № 1-2.
- Ананьев Б. Г.* О некоторых вопросах марксистско-ленинской реконструкции психологии// Психология. 1931. Т. IV. Вып. 3-4.
- Ананьев Б. Г., Шнирман А. Л.* Поведение// Большая медицинская энциклопедия. М., 1933. Т. 25.
- Ананьев Б. Г.* Психология// Большая медицинская энциклопедия. М., РСФСР. 1933. Т. 27.
- Ананьев Б. Г.* Психология педагогической оценки. Л., 1935.
- Ананьев Б. Г.* К психологическому изучению функциональных связей// Труды сессии Института мозга им. В. М. Бехтерева. 5-7 апреля 1938 г.: Труды Института мозга им. В. М. Бехтерева. Л., 1939. Т. XI.
- Ананьев Б. Г.* Воспитание внимания школьников. Л., 1940.
- Ананьев Б. Г.* Воспитание наблюдательности школьников. Л., 1940а.
- Ананьев Б. Г.* Воспитание памяти школьника. Л., 1940б.
- Ананьев Б. Г.* К постановке проблемы чувствительности // Исследования по проблеме чувствительности: Труды Института мозга им. В.М.Бехтерева. Л., 1940в. Т.XIII.

- Ананьев Б. Г.* Воспитание характера школьника. Л., 1941.
- Ананьев Б. Г.* Опыт психологической трактовки системы К.С.Станиславского// Записки Ленинградского театрального института. Л., 1941б.
- Ананьев Б. Г.* Очерки психологии. Л., 1945.
- Ананьев Б. Г.* Русская научная психология и ее роль в мировой психологической науке// Советская педагогика. 1945а. №3.
- Ананьев Б. Г.* Очерки истории русской психологии XVIII-XIX вв. М., 1947.
- Ананьев Б. Г.* Материалы к психологической теории ощущения // Проблемы психологии. Л., 1948.
- Ананьев Б. Г.* От редактора// Проблемы психологии. Л., 1948а.
- Ананьев Б. Г.* Новые пути развития психологической науки в СССР // Науч. конф. университетов по проблемам психологии 1-5 октября 1947 г. Л., 1949.
- Ананьев Б. Г.* Проблема формирования характера. Л., 1949а.
- Ананьев Б. Г.* О системе учебно-воспитательной работы в 1 классе // Начальная школа. 1952. № 12.
- Ананьев Б. Г.* Стенограмма выступления на Совещании по психологии 1952 года// Известия АПН РСФСР. Вып.45. М., 1953.
- Ананьев Б. Г.* Пространственное различие. Л., 1955.
- Ананьев Б. Г.* О взаимосвязях в развитии способностей и характера // Доклады на совещании по вопросам психологии личности. М., 1956.
- Ананьев Б. Г.* О системе возрастной психологии// Вопросы психологии. 1957а. №5.
- Ананьев Б. Г.* Человек как общая проблема современной науки// Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. Экономика. Философия. Право. 1957б. Вып. 2. №11.
- Ананьев Б. Г.* Вклад советской психологической науки в теорию ощущений// Вопросы психологии. 1958. №1.
- Ананьев Б. Г.* Задачи и особенности учебно-воспитательной работы в 1 классе// Первоначальное обучение и воспитание детей: Первый класс. М., 1958а.
- Ананьев Б. Г.* Вклад В.М.Бехтерева в психологическую науку// В. М. Бехтерев и современные проблемы строения и функций мозга в норме и патологии. Л., 1959.
- Ананьев Б. Г.* Вклад советской психологической науки в теорию ощущений// Психологическая наука в СССР. Т.1. М., 1959а.
- Ананьев Б. Г.* Вопросы психологии в трудах Яна Амоса Коменского// Матер, науч. сессии Академии педагогических наук РСФСР, посвященной 300-летию опубликования собрания дидактических трудов Яна Амоса Коменского. М., 1959б.

- Ананьев Б. Г.* Направление и проблемы научных исследований Ленинградского института педагогики// Материалы научной сессии, посвященной 250-летию Ленинграда. М., 1959в.
- Ананьев Б. Г.* Познавательные потребности и интересы школьников// Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. Психология. №265. Л., 1959.
- Ананьев Б. Г.* Психология чувственного познания. М., 1960.
- Ананьев Б. Г.* Системный механизм восприятия пространства и парная работа полушарий головного мозга// Проблемы восприятия пространства и пространственных представлений. М., 1961.
- Ананьев Б. Г.* Теория ощущений. Л., 1961а.
- Ананьев Б. Г.* Комплексное изучение человека как очередная задача современной науки// Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. Экономика. Философия. Право. 1962. Вып. 4. №23.
- Ананьев Б. Г.* Билатеральное регулирование как механизм поведения // Вопросы психологии. 1963. №5. С. 83-98.
- Ананьев Б. Г.* Билатеральное регулирование индивидуального развития человека// Питания психологи. Киев, 1964.
- Ананьев Б. Г.* Некоторые вопросы изучения человека // Человек и общество. Л., 1966. Вып. 1.
- Ананьев Б. Г.* Предисловие// Тих Н. А. Ранний онтогенез поведения приматов. Л., 1966а.
- Ананьев Б. Г.* «Рефлексы головного мозга» И. М. Сеченова и современная психология// Сознание и рефлекс. М., 1966б.
- Ананьев Б. Г.* Структура личности и трудоспособность // Вопросы современной психоневрологии. Л., 1966в.
- Ананьев Б. Г.* Психологическая структура человека как субъекта// Человек и общество. Л., 1967. Вып. 2.
- Ананьев Б. Г.* Комплексное изучение человека и психологическая диагностика// Вопросы психологии. 1968а. №6. С. 21-33.
- Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания. Л., 1968б. 339 с.
- Ананьев Б. Г.* «Педагогическая антропология» К. Д. Ушинского и ее современное значение// Вопросы психологии. 1969. №2.
- Ананьев Б. Г.* Психологическая школа Ленинградского университета// Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. Экономика. Философия. Право. 1969а. Вып. 1. №5.
- Ананьев Б. Г.* Об одной онтопсихологической задаче// Проблемы психологии спорта. Л., 1970. (Учен. зап. ГДОИФК. Вып. 13).
- Ананьев Б. Г.* Интеллектуальная деятельность и терморегуляция// Возрастная психология взрослых. Л., 1971а. Вып. 3.
- Ананьев Б. Г.* Комплексное изучение связей между различными характеристиками человека// Человек и общество. Л., 1971б. Вып. VIII.
- Ананьев Б. Г.* Проблемы комплексного изучения развития интеллекта и личности// Человек и общество. Л., 1973. Вып. XIII.

- Ананьев Б. Г.* О методах современной психологии // Психодиагностические методы (в комплексном лонгитюдном исследовании студентов). Л., 1976. Гл.1.
- Ананьев Б. Г.* О проблемах современного человекознания. М., 1977.
- Ананьев Б. Г.* Проблемы педагогической антропологии//Ананьев Б. Г. Избранные психологические труды: В 2 т. М., 1980. Т. 2.
- Ананьев Б. Г.* Структура индивидуального развития как проблема современной педагогической антропологии// Ананьев Б. Г. Избранные психологические труды: В 2 т. М., 1980а. Т. 2.
- Ананьев Б. Г.* Выступление на обсуждении книги «Человек как предмет познания» // Художественное творчество. Л., 1983.
- Ананьев Б. Г., Барсегов А. Я.* Современная Армения. Владикавказ, 1926.
- Ананьев Б. Г., Дворяшина М.Д., Кудрявцева Н. А.* Индивидуальное развитие человека и константность восприятия. М., 1968.
- Ананьев Б. Г., Ельмеев В. Я.* Методологические основы комплексного исследования человека// Социология и идеология. М., 1969.
- Ананьев Б. Г., Палей И.М.* О психологической структуре личности// Проблемы личности. М., 1969.
- Ананьев Б. Г., Пашков А. С.* Комплексное исследование социальных проблем (из опыта работы Института комплексных социальных исследований Ленинградского университета) // Человек и общество. Л., 1971. Вып. VIII.
- Ананьев Б. Г., Рыбалко Е.Ф.* Особенности восприятия пространства у детей. М., 1964.
- Ананьев Б. Г., Шафранская К.Д.* Изменения кожной температуры при различных состояниях интеллектуального напряжения // Возрастная психология взрослых. Л., 1971. Вып. 3.
- Ананьевские чтения.* СПб., 2003.
- Анохин П. К.* Идеи и факты в разработке теории функциональных систем// Психологический журнал. 1984. Т. 5. № 2.
- Антонов А. Н.* Преемственность и возникновение нового знания в науке. М., 1985.
- Анциферова Л. И.* Психологическое учение о человеке: Теория Б. Г. Ананьева, зарубежные концепции, актуальные проблемы // Психологический журнал. 1998. Т. 19. №1.
- Асеев В. Г.* Мотивационные резервы человека// Там же. 1987. Т. 8. №5.
- Л смолов А. Г.* Психология личности. М., 2001.
- Бабанский Ю. К., Победоносцев Г. А.* Комплексный подход к воспитанию школьников. М., 1980.
- Бабанский Ю. К.* Комплексный подход к воспитанию // Педагогика / Под ред. Ю.К.Бабанского. М., 1983.
- Баталов А. А.* Философские взгляды В. М. Бехтерева и место в них проблемы личности: Автореф. канд. дис. Свердловск, 1969.

- Белов Н. А.* Возрастная изменчивость как следствие закона взаимодействия частей организма// Вопросы изучения и воспитания личности. 1922. №4-5.
- Белоцерцева В. И.* Вклад школы В. М. Бехтерева в патопсихологию: Авторсф. канд. дис. М., 1975.
- Берг Р. Л.* Из воспоминаний генетика// Вопросы философии. 1993. №7.
- Берталанфи Л.* Общая теория систем — критический обзор // Исследования по общей теории систем. М., 1969.
- Бехтерев В. М.* Сознание и его границы. Казань, 1888.
- Бехтерев В.М.* О современном развитии неврологических знаний и о значении в этом развитии научных обществ // Неврологический вестник. 1893. Т. 1. Вып. 1.
- Бехтерев В. М.* Биологическое значение психики// Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма. 1904. Вып. 1.
- Бехтерев В. М.* Объективная психология и ее предмет// Там же. 1904а. Вып. 9.
- Бехтерев В. М.* Личность и условия ее развития и здоровья. 2-е изд. СПб., 1905.
- Бехтерев В. М.* Об устройстве Психоневрологического института в Санкт-Петербурге. СПб., 1905а.
- Бехтерев В. М.* Обоснование объективной психологии// Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма. 1907. Вып. 1.
- Бехтерев В. М.* Обоснование объективной психологии// Там же. 1907а. Вып. 3.
- Бехтерев В. М.* Задачи Психоневрологического института. СПб., 1908.
- Бехтерев В. М.* Задачи и метод объективной психологии. СПб., 1909.
- Бехтерев В. М.* Личные рефлексы // Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма. 1912. Вып. 1.
- Бехтерев В. М.* Объективно-психологический метод в применении к изучению преступности. СПб., 1912а.
- Бехтерев В. М.* Бессмертие человеческой личности как научная проблема. Пг., 1918.
- Бехтерев В. М.* Общие основания рефлексологии. Пг., 1918а.
- Бехтерев В. М.* Основные задачи рефлексологии физического труда // Вопросы изучения и воспитания личности. 1919. №1.
- Бехтерев В. М.* Личность и труд// Научно-технический вестник. 1920. Т. J. №1.
- Бехтерев В.М.* Коллективная рефлексология. Пг., 1921.
- Бехтерев В. М.* О деятельности Психоневрологического института как высшего педагогического учреждения и его роли в педагогическом строительстве // Вопросы изучения и воспитания личности. 1921а. №3.

- Бехтерев В. М.* Личность художника в рефлексологическом изучении // Арена: Театральный альманах. Пг., 1924.
- Бехтерев В. М.* О творчестве с рефлексологической точки зрения // Грузенберг С. О. Гений и творчество. Л., 1924а.
- Бехтерев В. М.* Психология, рефлексология и марксизм. Л., 1925.
- Бехтерев В. М.* Культура социального героизма в воспитании детей // Вестник знания. 1926а. №24.
- Бехтерев В. М.* Общие основы рефлексологии человека: Руководство к объективному изучению личности. 3-е изд. Л., 1926б.
- Бехтерев В. М.* Пантеон мозга// Вестник знания. 1927. №21.
- Бехтерев В.М.* Автобиография (посмертная). М., 1928.
- Бехтерев В. М., Дубровский А.* Диалектический материализм и рефлексология// Под знаменем марксизма. 1926. №7-8.
- Бодалев А. А.* Восприятие человека человеком. Л. 1965.
- Бодалев А. А.* Постановка проблемы общения в работах Б. Г. Ананьева// Бодалев А. А. Личность и общение. М., 1983.
- Бодалев А. А.* Вершина в развитии взрослого человека: характеристики и условия достижения. М., 1998.
- Бодалев А. А., Ломов Б. Ф., Фришман Е. З.* Борис Герасимович Ананьев— виднейший советский психолог// Ананьев Б. Г. Избранные психологические труды: В 2 т. М., 1980. Т. 1.
- Бойко Е.С.* К типологии научных школ// Социально-психологические проблемы науки. М., 1973.
- Брагина Н. И., Доброхотова Т. П.* Функциональная асимметрия человека. М., 1981.
- Братусь Б. С.* К проблеме человека в психологии// Вопросы психологии. 1997. № 5.
- Братусь Б. С.* Психология — наука о психике или учение о душе? // Человек. 2000. №4.
- Брушлинский А. В.* Проблема субъекта в психологической науке// Психологический журнал. 1991. №6; 1992. №6; 1993. №6.
- Брушлинский А. В., Кольцова В. А., Логинова Н.А.* Методолого-теоретические основания концептуальной системы Б. Г.Ананьева// Ананьев Б. Г. Психология чувственного познания. М., 2001.
- Будилова Е. А.* Борьба материализма и идеализма в русской психологической науке: (Вторая половина XIX — начало XX в.). М., 1960.
- Будилова Е. А.* Философские проблемы в советской психологии. М.,1972.
- Будилова Е.А.* Социально-психологические проблемы в русской науке. М., 1983.
- Будилова Е.А.* Начало экспериментальной психологии// Психологический журнал. 1985. №4. С. 3-11.

- Будилова Е. А.* Категории исторического и логического в методологии истории психологии// Категории материалистической диалектики в психологии. М., 1988.
- Будилова Е.А., Кольцова В. А.* 100-летие первой русской экспериментальной психологической лаборатории // Вопросы психологии. 1985. №6.
- Бушурова В. В.* О первоначальном формировании функциональной асимметрии рук в связи с дифференцировкой направления пространства // Формирование восприятия пространства и пространственных представлений у детей. М., 1956.
- Вагнер В. А.* О преобразовании Психоневрологического института. СПб., [б. г.].
- Васильев Л. Л. В. М. Бехтерев как создатель рефлексологии человека//* Сборник, посвященный Вл. Мих. Бехтереву. К 40-летию профессорской деятельности. Л., 1926.
- Веккер Л. М.* Восприятие и основы его моделирования. Л., 1964.
- Веккер Л. М.* Психические процессы. Л.; Т. 1. 1974; Т. 2. 1976; Т.3. 1981.
- Веккер Л. М., Палей И. М.* Информация и энергия в психическом отражении// Экспериментальная и прикладная психология. Л., 1971. Вып. 3.
- Вернадский В. И.* Размышления натуралиста. Кн. 2: Научная мысль как планетное явление. М., 1977.
- Владимир Михайлович* как организатор// Вестник знания. 1926. №6.
- Владимирова Н. М.* Возможности психографического метода изучения студентов // Проблемы повышения успеваемости и снижения отсева студентов. Л., 1983.
- Владимирова Н. М.* Изучение индивидуальности в системе психологической службы вуза// Психологическое обеспечение учебно-воспитательного процесса в вузе. Л., 1985.
- В. М. Бехтерев и современные проблемы* строения и функций мозга в норме и патологии. Л., 1959.
- Возрастные аспекты* онтопсихологии / Под ред А. А. Крылова и Е.Ф.Рыбалко. СПб., 1993.
- Возрастные изменения* памяти взрослых людей / Под ред. Я. И. Петрова, Ю.Н.Кулюткина. Л., 1977.
- Возрастная психология* взрослых (теоретическая и прикладная). Л., 1971. ВыпЛ-IV.
- Возрастные особенности* умственной деятельности взрослых. Л. 1973.
- Возрастные особенности* психических функций взрослых в период зрелости (41-46 лет). М., 1984.
- Вопросы* изучения и воспитания личности. 1927. № 1-2-

- Вопросы практической психодиагностики и психологического консультирования в вузе / Анисимова О. М., Владимирова В. М., Дворяшина М. Д. и др. Л., 1984.*
- Воронова Р. А. Опыт изучения различения пространственных отношений у детей, имеющих поражение опорно-двигательного аппарата // Формирование восприятия пространства и пространственных представлений у детей. М., 1956.*
- Высшая школа. 1936. №1.*
- Ганзен В. А., Головей Л. А. Опыт системного описания индивидуальности // Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. Экономика. Философия. Право. 1979. Вып. 1. №5.*
- Ганзен В. А. Системные описания в психологии. Л., 1984.*
- Гардавский Ю. Из истории марксистской критики механицизма в философии XX века: Канд. дис. М., 1975.*
- Гербачевский В. К. Уровень притязаний и характеристики интеллекта // Экспериментальная и прикладная психология. Л., 1973. Вып. 5.*
- Горностай П. С. Вклад В. М. Бехтерева в развитие материалистической психологии: Автореф. канд. дис. Киев, 1961.*
- Горюнов В. П. Методологические проблемы комплексности // Специфика и функции философского знания. Л., 1980.*
- Государственный рефлексологический институт по изучению мозга им. В.М.Бехтерева: Справочник. Л., 1930.*
- Грановская Л. Н., Степанова Е. И. Изменение межфункциональных связей интеллектуальных функций в разные периоды зрелости // Развитие психофизиологических функций взрослых. М., 1977.*
- Гращенко Н. И., Мясищев В. Н., Щелованов Н. М. Вклад В. М. Бехтерева в учение о мозге и психике. М., 1958.*
- Грищенко Н. А., Головей Л. А. К разработке теоретических и прикладных проблем профориентации// Психологический журнал. 1987. Т. 8. №1.*
- Грузенберг С. О. Очерки современной русской философии. СПб., 1911.*
- Гузева М. А. Дифференцировка пространственных, временных и количественных отношений в умственной деятельности учащихся 1 класса: Автореф. канд. дис. Л., 1957.*
- Гузева М. А. Функциональные асимметрии в динамике условных сосудистых рефлексов у человека// Проблемы общей и индустриальной психологии. Л., 1963.*
- Давыдов В. В., Зинченко В. П., Мунипов В.М. О путях развития методологии эргономики и инженерной психологии// Проблемы методологии в эргономике: Труды ВНИИТЭ: Эргономика. 1979. Вып. 17.*
- Дворяшина М.Д. Опыт комплексного психологического и психофизиологического изучения структуры личности// Человек и общество. Л., 1969. Вып. IV.*

- Дворягина М. Д.* Особенности интеллектуального развития студентов в процессе обучения// Человек и общество. Л., 1973. Вып. XIII.
- Дворягина М.Д.* О соотношениях успеваемости и динамики интеллектуального развития студентов в процессе их обучения в вузе// Современные психолого-педагогические проблемы высшей школы. Л., 1974. Вып. 2.
- Дворягина М.Д., Пехлецкий И. Д.* Основные математические процедуры психодиагностического исследования // Психодиагностические методы (в комплексном лонгитюдном исследовании студентов). Л., 1976. Гл.2.
- Дворягина М.Д., Владимирова Н. М.* Интеллектуальное развитие и успешность обучения // Комплексное исследование проблем обучения и коммунистического воспитания специалистов с высшим образованием: В 2 ч. Л., 1980. 4.2.
- Деркач А. А., Кузьмина Н.В.* Акмеология: Пути достижения вершин профессионализма. М., 1993.
- Доброхотова Т. А., Брагина Н. П.* Принцип симметрии-асимметрии в изучении сознания человека// Вопросы философии. 1986. №7.
- Драпкина С. Е., Полякова М. Я.* К истории организации В. М. Бехтеревым психофизиологической лаборатории при Казанском университете (октябрь 1885 г.) // Вопросы психологии. 1985. №5.
- Ждан А. Н.* История психологии: от античности к современности. 2-е изд., перераб. М., 1997.
- Зейгарник Б. В., Белозерцева В. И.* К истокам отечественной патопсихологии// Психологический журнал. 1986. Т. 7. №5.
- Зырянова Н. Г.* Возрастная изменчивость нейрофизиологических функций// Развитие психофизиологических функций взрослых людей. М., 1977. Гл. 1.
- Зырянова Н.Г., Петров Я. И.* Взаимосвязь продуктивности памяти взрослого человека с нейродинамическими характеристиками // Современные психолого-педагогические проблемы высшей школы. Л., 1974. Вып. 2.
- Зюзин И. К.* Научная работа Института мозга им. В. М. Бехтерева// Советская наука. 1941. №2.
- Зюзин И. К., Кауфман В. И.* Институт мозга имени Бехтерева в 1941-1946 годах. Л., 1947.
- Иванов О. И.* Принципы комплексного подхода в социально-экономических исследованиях. Л., 1981.
- Иванов О. И.* Комплексное социально-экономическое исследование (теоретико-методологический анализ): Автореф. докт. дис. Л., 1987.
- Из неопубликованной рукописи* С. Л. Рубинштейна «Человек и мир»// Вопросы философии. 1966. №7.

- Ильенков Э. В.* Становление личности: к итогам научного эксперимента// Коммунист. 1977. №2.
- Институт по изучению мозга и психической деятельности.* Докладная записка и план организации, разработанные академиком В. М. Бехтеревым совместно с Н. М. Щеловановым и представленные на рассмотрение Гос. Комиссии по Просвещению 17 мая 1918 г. // Вестник психологии. 1919. Т. XIV. Вып. 1.
- Институт по изучению мозга и психической деятельности:* отчет о деятельности по 15 июля 1919 г.// Вопросы изучения и воспитания личности. 1919а. Вып. 1.
- Исаева Э.Г.* Психологические воззрения М.Я.Басова: Канд. дис. М., 1973.
- История философии* в СССР: В 5 т. М., 1985. Т. 5. Кн. 1.
- Итоги дискуссии* по реактологической психологии// Психология. 1931. Т. IV. Вып. 1.
- Кабанов М. М., Шерешевский А.М., Журавель В. А.* Выдающийся деятель отечественной психоневрологии// Вопросы психологии. 1977. №6.
- Как возможна единая наука о человеке?//* Человек. 2003. №6.
- Киселев Л. Л.* От редукционизма к интегратизму// Человек. 2003. №4.
- Кларк А.Ф., Кушинников А. А., Билибин А. В.* Год работы Бюро профессиональной консультации НК Труда при Институте по изучению мозга имени В. М. Бехтерева (в Ленинграде) (с 1 мая 1927 г. по 1 мая 1928 г.). Л., 1928.
- Кларк А. Ф.* Психотехнические обследования поступающих в высшие учебные заведения и академическая профконсультация// Вопросы изучения и воспитания личности. 1929. № 1-2.
- Кнорре А. Г.* Уровни органической индивидуальности в связи с эволюцией целостности// Проблема целостности в современной биологии. М., 1968.
- Ковалев А. Г., Мясичев В. Н.* Психологические особенности человека. Т. 1: Характер. Л., 1957; Т. 2: Способности. Л., 1960.
- Колчинский Э. И.* В поисках советского «союза» философии и биологии: (Дискуссии и репрессии в 20-х — начале 30-х гг.). СПб., 1999.
- Кольцова В. А.* К 100-летию лаборатории экспериментальной психологии В.М.Бехтерева в Казани// Психологический журнал. 1985. Т.6. №2.
- Кольцова В. А.* Методологические проблемы истории психологии в трудах Б.Г.Ананьева// Современная психология: Состояние и перспективы исследований. Ч. 4: Методологические проблемы историко-психологического исследования. М., 2002.

- Кольцова В. А., Олейник Ю. Н.* Жизнь в науке как образец для подражания: творческие искания и открытия Б.Г.Ананьева// Психологический журнал. 2003. Т. 24. №5.
- Константинов Н. А.* Лженаука педология на службе империализма и фашизма// Педагогическое образование. 1936. №6.
- Корнилов К. Н.* Современное состояние психологии в СССР // Под знаменем марксизма. 1927. №10-11.
- Крылов А. А.* Учебно-научный психологический комплекс ЛГУ в решении задач ускорения научно-технического прогресса// Вестн. Ленингр. ун-та. 1986. Сер. 6. Вып. 4.
- Ксенофонтов В. И.* Дискуссия с механистами в советской философии 20-х годов (1922-1929 годы): Автореф. канд. дис. Л., 1967.
- Кузьмин В. П.* Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. 3-е изд. М., 1986.
- Куразов И. Ф.* Предмет и метод рефлексологии// Рефлексология или психология. Методологические проблемы рефлексологии. Сб. 1. Л., 1929.
- Куразов И. Ф.* Методологические итоги Поведенческого съезда // Вопросы изучения и воспитания личности. 1930. № 1-2.
- Куразов И. Ф.* Введение в историческую психологию: Опыт построения марксистской методологии-и психологии. 4. 1. М.; Л., 1931.
- Курек Н. С.* Социально-политические факторы и последствия запрета педологии и психотехники// Психологический журнал. 1998. Т. 19. №1.
- Лакатос И.* История науки и ее рациональная реконструкция // Структура и развитие науки. М., 1978.
- Ланге К. А.* «Классические» и современные научные школы и научно-исследовательские объединения// Школы в науке. М., 1977.
- Ланге К. А.* Развитие и организация физиологической науки в СССР. Л., 1978.
- Ларионов В. Е.* Первый период деятельности Владимира Михайловича Бехтерева в Казани и Петербурге (из личных воспоминаний) //Современная психоневрология. 1925. №6-7.
- Левченко Е. В.* Идея отношения в отечественной психологии конца XIX — первой трети XX веков. Пермь, 1999.
- Левченко Е. В.* Научное наследие В. М. Бехтерева и его школа// Бехтерев В.М. Психика и жизнь. Избранные труды по психологии личности: В 2 т. СПб., 1999а. Т. 1.
- Левченко Е. В.* История и теория психологии отношений. СПб., 2003.
- Ленин В. И.* Что такое «друзья народа» и как они воют против социал-демократов?// Поли. собр. соч. 5-е изд. Т. 1. М., 1967.
- Ленин В. И.* Материализм и эмпириокритицизм// Там же. Т. 18. М., 1968.

- Леонтьев А. Н.* Начало современной психологии// Знание — Сила. 1978. №5.
- Лисенкова В. П.* Восприятие времени и некоторые хронометрические характеристики человека: Автореф. канд. дис. Л., 1966.
- Лисенкова В. П.* Значение парной работы больших полушарий головного мозга в отражении времени// Проблемы общей, социальной и инженерной психологии. Л., 1969.
- Листок студентов* психоневрологов. 1912. № 12.
- Личность:* Материалы обсуждения проблем личности на симпозиуме, состоявшемся 10-12 марта 1970 г. в Москве. М., 1971.
- Логинова Н. А.* О терморегуляционном эффекте интеллектуального напряжения// Возрастная психология взрослых. Л., 1971. Вып. 3.
- Логинова Н. А.* Биографический метод в комплексном изучении человека// Современные психолого-педагогические проблемы высшей школы. Л., 1974. Вып. 2.
- Логинова Н. А.* Биографический метод в психологии и смежных науках: Канд. дис. Л., 1975.
- Логинова Н. А.* Развитие личности ее жизненный путь// Принцип развития в психологии. М., 1978.
- Логинова Н. А.* О творческом пути Б.Г.Ананьева// Психологический журнал. 1982. Т.3. №4.
- Логинова Н. А.* Биографический метод в свете идей Б. Г. Ананьева // Вопросы психологии. 1986. №5.
- Логинова Н. А.* Характерные черты концептуальной системы Б. Г. Ананьева// Психологический журнал. 1988. Т. 9. №1.
- Логинова Н. А.* Об Институте мозга им. В. М. Бехтерева// Психологический журнал. 1993. №5. С. 111-119.
- Логинова Н. А.* О преемственной связи психологических школ В. М. Бехтерева и Б. Г. Ананьева// История становления и развития экспериментально-психологических исследований в России. М., 1990.
- Логинова Н. А.* Научная школа Б. Г. Ананьева// Психологический журнал. 1995. Т. 16. №1.
- Логинова Н. А.* Б.Г.Ананьев — выдающийся ученый в истории отечественной психологии. Алматы, 1999.
- Ломов Б. Ф.* Человек и техника: Очерк инженерной психологии. 2-е изд. М., 1966.
- Ломов Б. Ф.* Борис Герасимович Ананьев — ученый, педагог, организатор науки: К шестидесятилетию со дня рождения // Экспериментальная и прикладная психология. Л., 1968.
- Ломов Б. Ф.* О системном подходе в психологии// Вопросы психологии. 1975. №2.
- Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.

- Ломов Б. Ф.* Начало развития экспериментальной психологии в России // Психологический журнал. 1986. Т. 7. №3.
- Лурия А. Р.* Пути советской психологии за 15 лет// Советская психоневрология. Харьков, 1933. №1.
- Любимцев А. А.* Понятия системности и организованности// Труды по знаковым системам. Тарту, 1977. Вып. 9.
- Мазманян М.А.* Вклад Б.Г.Ананьева в психологическую науку// Сб. науч. трудов отдела психол. наук пед. ин-та им. Х. Абовяна. Ереван, 1974.
- Макаров В. Г., Христофоров В. С.* Пассажиры «философского парохода» (судьбы интеллигенции, репрессированной летом-осенью 1922 г.)// Вопросы философии. 2003. №7.
- Меньшикова Л. В.* Психологические закономерности развития индивидуальности студентов в вузе: Автореф. докт. дис. Новосибирск, 1998.
- Меркулов И. П.* Методология исследовательских программ и проблемы логико-методологического анализа развития знания // В поисках теории развития науки. М., 1982.
- Мерлин В.С.* Очерк интегрального исследования индивидуальности. М., 1986.
- Методологические проблемы* комплексных исследований. Новосибирск, 1983.
- Микулинский С.Р., Попов Г. Х.* Послесловие// Стефанов Н., Симеонова К., Костов К. и др. Программно-целевой подход в управлении: Теория и практика. М., 1975.
- Мироненко И. А.* Теория Б.Г.Ананьева в контексте современной зарубежной психологии развития личности// Психологические проблемы самореализации личности. Вып. 4. СПб., 2000.
- Мирский Э. М.* Междисциплинарные исследования и дисциплинарная организация науки. М., 1980а.
- Мирский Э. М.* О предмете междисциплинарных исследований // Системные исследования: Методологические проблемы: Ежегодник. М., 1980б.
- Можайский В.* Бехтерев как учитель// Врачебное дело. 1925. №24-26.
- Момов В.* Человек, мораль, воспитание. М., 1975.
- Мунипов В. М.* В. М. Бехтерев и его место в истории русской педагогической психологии и педагогики: Автореф. канд. дис. М., 1968.
- Мясищев В. Н.* Рефлексология и смежные дисциплины // Рефлексология или психология. Л., 1929.
- Мясищев В. Н.* Научная и общественная деятельность В. М. Бехтерева и задачи дальнейшего развития его идей// В. М. Бехтерев и современные проблемы строения и функций мозга в норме и патологии. Л., 1959.

- Мясищев В. Н.* Личность и неврозы. Л., 1960.
- На переломе: Философия и мировоззрение. Философские дискуссии 20-х годов.* М., 1990.
- На пути к единству науки.* М., 1983.
- Научная сессия, посвященная проблемам физиологического учения академика И.П.Павлова: Стенографический отчет.* М., 1950.
- Небылицын В. Д.* Теория основных свойств нервной системы на современном этапе ее развития// Небылицын В.Д. Психофизиологические основы индивидуальных различий. М., 1976.
- Невский В.* Политический гороскоп ученого академика // Под знаменем марксизма. 1925. №3.
- Новое в рефлексологии и физиологии нервной системы.* Л.; М., 1925.
- Обозов Н. Н.* Связь некоторых интеллектуальных, характерологических и социально-психологических факторов в системе межличностных отношений// Современные психолого-педагогические проблемы высшей школы. Л., 1974. Вып. 2.
- Обозов Н. Н.* Межличностные отношения. Л., 1979.
- Обозов Н. Н., Анисимова О. М., Трапезникова Т. М.* Социально-психологические характеристики личности студента // Комплексное исследование проблем обучения и коммунистического воспитания специалистов с высшим образованием: В 2 ч. Л., 1980. 4.2.
- Обозов Н. Н.* Психологическое обследование в психологической практике// Вопросы практической психодиагностики и психологического консультирования в вузе. Л., 1984. Гл.2.
- Общий и технический кругозор учащихся средней школы.* Л., 1934.
- Организация науки в первые годы Советской власти (1917-1925): Сб. документов.* Л., 1968.
- Организация советской науки в 1926-1932 гг.: Сборник документов.* Л., 1974.
- Осипов В. П.* Горизонты, открытые Октябрем// Фронт науки и техники. 1933. №9.
- Осипов В. П.* Бехтерев (1857-1927). Жизнь и деятельность. М., 1947.
- Осипова В.Н.* В.М.Бехтерев как педолог//Вопросы изучения и воспитания личности. 1928.. № 1-4.
- Осипова В. Н.* Гефлексология или психология? // Гефлексология или психология. Сб. 1. Л., 1929.
- Основные вопросы учебно-воспитательной работы в 5 классе: В 2 т. / Под ред. Ш. И. Ганелина.* М., 1958.
- Осязание в процессах познания и труда/* Ананьев Б. Г., Веккер Л.М., Ломов Б.Ф., Ярмоленко А. В. М., 1959.
- Отчет о деятельности Психоневрологического института за 1908 учебный год//* Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма. 1910. Вып. 3.

- Отчет* о деятельности Психоневрологического института за 1909 год// Там же. 1910а. Вып. IV.
- Отчет* о деятельности Психоневрологического института за 1911 г.// Там же. 1912. Вып. IV-V.
- Отчет* о работах Института по изучению мозга и психической деятельности с июля 1919 года по январь 1921 года// Вопросы изучения и воспитания личности. 1921. №3.
- Отчет* о деятельности Государственного им. В. М. Бехтерева института по изучению мозга за 1929-1930 г. // Вопросы изучения и воспитания личности. 1932. Вып. 3-4.
- Палей И. М.* К психофизиологическому исследованию структуры индивидуально-типических особенностей человека в связи с «информационно-энергетическими» соотношениями в нервно-психической деятельности// Человек и общество. Л., 1971. Вып. VIII.
- Палей И. М.* К дифференциально-психологическому исследованию студентов в связи с задачами изучения потенциалов развития взрослого человека// Современные психолого-педагогические проблемы высшей школы. Л., 1974. Вып. 2.
- Палей И. М.* Методологические вопросы диагностики в дифференциально-психологическом исследовании // Психодиагностические методы (в комплексном лонгитюдном исследовании студентов). Л., 1976.
- Палей И. М., Гербачевский В. К.* Проблемы личности в курсе психологии. Л., 1972.
- Памяти Владимира Михайловича Бехтерева* // Новое в рефлексологии и физиологии нервной системы. Сб. 3. Л., 1929.
- Первоначальное обучение* и воспитание детей. Первый класс / Под ред. Б.Г.Ананьева и А.И.Сорокиной. М., 1958.
- Перспективы наук о человеке*// Человек. 2003. №3.
- Петров Я. И., Степанова Е. И.* О некоторых закономерностях в соотношении уровней развития памяти и мышления в периоды зрелости // Возрастная психология взрослых. Л., 1971. Вып. 1.
- Петровский А. В.* Пути формирования основ советской психологии: Докт. дис. М., 1965.
- Петровский А. В.* История советской психологии. М., 1967.
- Петровский А. В.* Непрочитанные страницы истории психологии: тридцатые годы// Психологический журнал. 1988. №4.
- Петрушенко Л. А.* Концепция параллельно-перекрестного взаимодействия («закон замкнутых пространств») и философские взгляды русского физиолога Н.А.Белова// Организация и управление. М., 1968.
- Пижае Ж.* Психология, междисциплинарные связи и система наук// Материалы XVIII Международного психологического конгресса. М., 1966. (См. также «Вопросы философии». 1966. №12.)

- Пинес Л. Я.* Описание мозга акад. В. М. Бехтерева// Проблема борозд и извилин в морфологии мозга. Труды сектора морфологии. Вып. 2. Л., 1934.
- Поварнин К. И.* Педологические институты и их роль в науке и практике. Пг., 1916.
- Поварнин К. И.* Задачи, организация и деятельность Петроградского Педологического института при Психоневрологическом Институте // Вестник психологии, криминальной антропологии и педологии. 1919. Т. XIV. Вып.1.
- Поварнин К. И.* В.М.Бехтерев как педолог// Сборник, посвященный Вл. Мих. Бехтереву к 40-летию профессорской деятельности (1885-1925). Л., 1926.
- Полани М.* Личностное знание: На пути к посткритической философии. М., 1985.
- Проблема борозд и извилин в морфологии мозга.* Л., 1934.
- Проблемы комплексного изучения человека* // Вопросы психологии. 1984. №1.
- Проблемы комплексного изучения человека* // Психологический журнал. 1984а. Т. 5. №1.
- Проблемы личности:* Материалы симпозиума: В 2 т. М. 1969; 1970.
- Проблемы повышения успеваемости и снижения отсева студентов.* Л., 1983.
- Проблемы человека — проблемы реального гуманизма* // Психологический журнал. 1988. Т. 9. №5-6.
- Протопопов В. М.* Бехтерев как рефлексолог. Харьков, 1928.
- Психодиагностические методы* (в комплексном лонгитюдном исследовании студентов). Л., 1976.
- Психология* // Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. Сер. философских наук. Вып. 16: Психология. Л., 1959.
- Психология* / Отв. ред. А.А.Крылов. М., 1998.
- Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории* / Под ред. А. В. Брушлинского. М., 1997.
- Психология речи j j* Учен. зап. ЛГПИ им. А.И.Герцена. Т. 53. Л., 1946.
- Психоневрологические науки и социалистическое строительство СССР:* Стенографический отчет I Всесоюзного съезда по изучению поведения человека. Л.; М, 1930.
- Развитие психофизиологических функций взрослых людей/* Под ред. Б.Г.Ананьева, Е.И.Степановой. М., 1972.
- Развитие психофизиологических функций взрослых людей.* М., 1977.
- Резвицкий И. И.* Философские основы теории индивидуальности. Л., 1973.
- Резвицкий И. И.* Личность. Индивидуальность. Общество. М., 1984.
- Репрессированная наука.* Вып. 1-2. М.; СПб., 1991, 1994.

- Рефлексология* или психология: Методологические проблемы рефлексологии. Л., 1929.
- Рефлексология* и смежные направления (Материалы II конф. Методологической комиссии Гос. рефлексологического института по изучению мозга им. В.М.Бехтерева. 24-30 сент. 1929 г.). Л., 1930.
- Рогинский Г.* Музей сравнительной анатомии нервной системы и сравнительной психологии при Институте мозга имени В.М.Бехтерева// Вестник знания. 1936. №8.
- Розе Н. А.* Психомоторика взрослого человека. Л., 1970.
- Розе Н. А.* Психомоторика: Развитие психофизиологических функций взрослых людей. М., 1977.
- Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. 2-е изд. М., 1946.
- Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. М., 1957.
- Рубинштейн С. Л.* Человек и мир (отрывки из неопубликованной рукописи)// Вопросы философии. 1969. №8.
- Рубинштейн С. Л.* Человек и мир (отрывки из рукописи) // Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1969а.
- Рубинштейн С. Л.* Проблемы общей психологии. М., 1973.
- Рубинштейн С. Л.* Мое отношение к нашему обществу, к нашему строю// Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание: Человек и мир. СПб., 2003.
- Рыбалко Е. Ф.* Возрастные особенности объема и структуры зрительного поля. Л., 1969.
- Рыбалко Е. Ф.* Проблемы индивидуального развития человека в трудах Б.Г.Ананьева (к 70-летию со дня рождения)// Вопросы психологии. 1977. №6.
- Рыбалко Е. Ф.* Возрастная и дифференциальная психология. Л., 1990.
- Рыбников Н. А.* К вопросу о возрастной психологии// Психология. 1928. Т. 1. Вып. 1.
- Савченко Г. И.* Диалектическое расчленение целого // Диалектика познания сложных систем. М., 1988. Гл.Х.
- Садовский В. Н.* Принцип системности, системный подход и общая теория систем// Системные исследования: Ежегодник. 1978. М., 1978.
- Садовский В. Н.* Философия в Москве в 50-е и 60-е годы // Вопросы философии. 1993. №7.
- Саркисова И. М.* Вклад Б. Г. Ананьева в развитие психологической теории личности: Автореф. канд. дис. Баку, 1976.
- Семенов Е. В.* Комплексный подход как форма кооперации научного труда// Методологические проблемы комплексных исследований. Новосибирск, 1983.
- Сеченов И. М.* Рефлексы головного мозга. М., 1952.
- Сидорова Л. А.* Роль руководства научным коллективом, ведущим междисциплинарные исследования// Проблемы руководства научным

- коллективом (опыт социально-психологического исследования). М., 1982.
- Склонности и способности*. Л., 1962.
- Слободчиков В. И., Исаев Е. И.* Основы психологической антропологии. Психология человека: Введение в психологию субъективности: Учеб. пособие. М., 1995.
- Слободчиков В. И., Исаев Е. И.* Антропологический принцип в психологии развития // Вопросы психологии. 1998. №6.
- Смирнов А. А.* Развитие и современное состояние психологической науки в СССР. М., 1975.
- Смирнов А. А.* Великий Октябрь и психологическая наука // Вопросы истории общей и прикладной психологии. Ростов н/Д., 1978.
- Сорокин Питирим.* Долгий путь: Автобиографический роман. Сыктывкар, 1991.
- Сорохтин Г. Н.* Предмет и метод рефлексологии // Рефлексология или психология. Л., 1929.
- Социальные и психологические проблемы* целевой интенсивной подготовки специалистов. Л., 1989.
- Справочная книжка* о Психоневрологическом институте с краткими сведениями о его деятельности на 1912/13 уч. г. СПб., 1912.
- Степанова Е. И.* Возрастная изменчивость мыслительных функций в периоды зрелости // Возрастная психология взрослых: (Теоретическая и прикладная). Л., 1971. Вып. 1.
- Степанова Е. И., Борисова Л. Н., Евсеева М. Е.* Характеристика интеллекта в зависимости от образования испытуемых // Возрастная психология взрослых. Л., 1971. Вып. 4.
- Степанова Е. И.* Человек как предмет психологического познания в трудах В. М. Бехтерева (к 125-летию со дня рождения) // Психологический журнал. 1982. Т.3. №6.
- Степанова Е.И.* Б. Г. Ананьев как исследователь и организатор науки (к 80-летию со дня рождения) // Вопросы психологии. 1987. №4.
- Степанова Е. И.* Психология взрослых: Экспериментальная акмеология. СПб., 2000.
- Степин В. С.* Смена типов научной рациональности // Синергетика и психология: Тексты. Вып. 1: Методологические вопросы. М. 1997.
- Степин В. С.* У истоков современной философии науки // Вопросы философии. 2004. №1.
- Структура интеллекта* взрослых. Л., 1979.
- Таланкин А. А.* Научная психология и вопросы военно-политического воспитания в РККА. М.; Л., 1929.
- Таланкин А. А.* О «марксистской психологии» проф. Корнилова // Психология. 1931. №1.

- Таланкин А. А. О повороте на психологическом фронте // Советская психоневрология. 1931а. №2-3.
- Теория и практика организации комплексных исследований. Л., 1986.
- Ткаченко А. Н. Взаимосвязь объяснительных принципов психологической науки // Вопросы психологии. 1977. №4.
- Ткаченко А. Н. Развитие категориального строя психологической науки: (Принципы и методологические предпосылки современной системы психологических знаний): Докт. дис. Киев; М., 1982.
- Тополянский В. Д. Ночь перед Рождеством в 1927 году // Огонек. 1989. №14.
- Умрихин В. В. Развитие советской школы дифференциальной психофизиологии. М., 1987.
- Уткина Н. Ф. Позитивизм, антропологический материализм и наука в России (вторая половина XIX века). М., 1975.
- Устав Психоневрологического института. СПб., 1907.
- Устав Психоневрологического института. Пг., 1916.
- Философский энциклопедический словарь. 2-е изд. М., 1989.
- Формирование восприятия пространства и пространственных представлений у детей. М., 1956.
- Фресс П. О психологии будущего // Психологический журнал. 1981. Т. 2. №3.
- Фролов И. Т. Перспективы человека. 3-е изд. М., 1983.
- Хлебникова И. Б. Педагогические идеи в творческом наследии Б. Г. Ананьева: Автореф. канд. дис. Л., 1987.
- Чазов Е. И., Царегородцев Г. И. Методологические и социальные вопросы кардиологии // Вопросы философии. 1982. №5.
- Челпанов Г. И. Объективная психология в России и Америке. М., 1925.
- Челпанов Г. И. Психология или рефлексология?: (Спорные вопросы психологии). М., 1926.
- Черановский Р. И. Рефлексология или психология // Под знаменем марксизма. 1928. №9-10.
- Чернышевский Н. Г. Антропологический принцип в философии // Собр. соч.: В 5 т. М., 1974.
- Чижевский А. Л. Земное эхо солнечных бурь. 2-е изд. М., 1976.
- Шафранская К. Д. О соотношении уровня интеллекта и эмоциональных характеристик // Современные психолого-педагогические проблемы высшей школы. Л., 1978. Вып. 4.
- Шеховцова Л. Ф. Концепция целостного развития человека в современной психологии и христианской антропологии: Автореф. докт. дис. Калуга, 2002.
- Шифман Л. А. Особенности осязательного восприятия формы // Исследования по проблеме чувствительности. Л., 1940.
- Школы в науке. М., 1977.

- Шмальгаузен И. К.* Организм как целое в индивидуальном и историческом развитии: Избр. труды (АН СССР). М., 1982.
- Шнирман А. Л.* Рефлексология и учение об условных рефлексах// Рефлексология и смежные направления. Л., 1929.
- Щедровицкий Г. И.* Синтез знаний: проблемы и методы // На пути к теории научного знания. М., 1984.
- Шелованов Н. М.* Проблема нервно-психического развития ребенка в трудах В.М.Бехтерева// В.М.Бехтерев и современная психоневрология. Тезисы Всесоюзной науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения В.М.Бехтерева. 29 января—1 февраля. Л., 1957.
- Эльконин Д. Б.* К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте// Вопросы психологии. 1971. №4.
- Юдин Б. Г.* Институт человека сегодня// Человек. 2001. №6.
- Якунин В.А.* Психолого-педагогическое наследие Б.Г.Ананьева// Психологический журнал. 1987. Т. 8. №5.
- Ярошевский М. Г.* Трехаспектность науки и проблемы научной школы // Социально-психологические проблемы науки. М., 1973.
- Ярошевский М. Г.* Структура научной деятельности // Вопросы философии. 1974. №11.
- Ярошевский М. Г.* Логика развития науки и научная школа // Школы в науке. М., 1977.
- Ярошевский М. Г.* Программно-ролевой подход к исследованию научного коллектива// Вопросы психологии. 1978. №3.
- Ярошевский М. Г.* О диалектике психологического познания // Вопросы психологии. 1980. №2.
- Ярошевский М. Г.* Сеченов и мировая психологическая мысль. М., 1981.
- Ярошевский М. Г.* Оппонентный круг и научное открытие // Вопросы философии. 1983. №10.
- Ярошевский М. Г.* История психологии. 3-е изд. М., 1985.
- Ярошевский М. Г., Сироткина И. Е., Даниличева Н. А.* Пионер деятельности подхода (к столетию со дня рождения М. Я. Басова) // Психологический журнал. 1993. Т. 14. №2.
- Яхот И.* Подавление философии в СССР (20-30-е годы) // Вопросы философии. 1991. №9-11.
- Ananiev B. G.* Integration of various properties of man: Some forms and levels of integration// Totus Homo. Milan, 1972. Vol.4. №2.
- Bertalanffy L.* A systems view of man. Boulder (Colo.), 1981.
- Buler Ch.* Theoretical observations about life's basic tendencies// Psychotherapy. 1959. Vol. 13.
- Buler Ch.* The scope of humanistic psychology// Education. 1974. Vol.95. №1.
- Die Psychologie* des 20. Jahrhunderts. Zurich, 1981. Bd XV.

- General systems theory and the psychological sciences.* Seaside (Calif.), 1982.
Vol. I. Part 1-2.
- Lacatos I.* Falsification and methodology of scientific research programs // Criticism and the growth of knowledge. Cambridge, 1970.
- Present-day Russian Psychology.* Oxford, 1966.
- Psychology in the USSR: A historical perspective.* New York, 1972.
- Sannangelantonio L.* Open letter// Totus Homo. 1972. Vol.4. №3.
- Schultz D. P.* A history of modern psychology. New York, 1969.
- Smith S.* Ideas of the grate psychologists. Cambridge, 1983.
- Some views on Soviet psychology/* Ed. by R.A.Bauer. Washington, 1962.
- Stamps J.S.* Holonomy: A human systems theory. Seaside (Calif.), 1980.
Vol. IV.

**НАУЧНО-ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
В. М. БЕХТЕРЕВА**

Учреждения, основанные В.М.Бехтеревым*

- 1885 — Клиника душевных болезней (Казань)
1885 — Психофизиологическая лаборатория (Казань)
1891 — Общество невропатологов и психиатров (Казань)
1893 — Нервное отделение при клинике душевных болезней (Санкт-Петербург)
1894 — Физиологическая лаборатория
1896 — Экспериментально-психологическая лаборатория при Военно-медицинской академии¹
1901 — Русское общество нормальной и патологической психологии
1907 — Нервная клиника и Малая академия с нервно-хирургическим отделением при Военно-медицинской академии
1907 — Психоневрологический институт как научное и высшее учебное заведение
1908 — Общие учебные курсы Психоневрологического института
1909 — Педологический институт при Психоневрологическом институте
1909 — Педагогический факультет при Психоневрологическом институте²
1910 — Рефлексологическая лаборатория при Психоневрологическом институте
1910 — Институт по изучению алкоголизма при Психоневрологическом институте
1911 — Медицинский факультет при Психоневрологическом институте
1913 — Эпилептическая клиника
1914 — Нервно-хирургический институт

* Основной источник приведенных дат — статья «Владимир Михайлович Бехтерев как организатор» (Вестник знания. 1926. №6).

¹В разных источниках указываются и другие даты: 1893, 1894, 1895.

²В других источниках указана дата 1907 г.

- 1916 — Частный Петроградский университет (учебные факультеты Психоневрологического института)
- 1918 — Детский обследовательский институт
- 1918 — Институт по изучению мозга и психической деятельности
- 1918 — Институт морально дефективных детей
- 1918 — Центральный институт глухонемых
- 1918 — Ветеринарно-зоотехнический институт
- 1918 — Химико-фармацевтический институт
- 1919 — Вспомогательная школа дефективных детей
- 1919 — Патолого-рефлексологический институт
- 1920 — Вспомогательно-клинический институт
- 1921 — Психоневрологическая академия
- 1921 — Педагогический институт социального воспитания
- 1921 — Нервная клиника при Государственном институте медицинских знаний (ГИМЗ)
- 1922 — Общество рефлексологии, неврологии и биофизики
- 1925 — Рефлексологическая лаборатория при Институте мозга
- 1925 — Комиссия по сексуальному воспитанию

Журналы, учрежденные В.М.Бехтеревым

- 1892 — Неврологический вестник
- 1895 — Обзорение психиатрии, неврологии, экспериментальной психологии и гипнотизма
- 1897 — Труды клиники душевных и нервных болезней
- 1904 — Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма
- 1919 — Вопросы изучения и воспитания личности
- 1919 — Вопросы изучения труда
- 1919 — Вопросы психофизиологии и рефлексологии труда
- 1919 — Педологический вестник
- 1924 — Вестник знания
- 1925 — Обзорение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии (позже — рефлексологии)

**Телеграмма Президента Психоневрологического
института В. М. Бехтерева С. А. Толстой
на смерть Льва Николаевича Толстого***

Совет Психоневрологического института, пораженный прискорбной вестью о кончине своего почетного члена Льва Николаевича, великого знатока человеческой души, шлет свое глубокое соболезнование горю его семьи и всех близких его сердцу. Как ни тяжела утрата Льва Николаевича, олицетворявшего в течение многих лет славу России и величие духа ее сынов, но утешением служит то, что такие лица, как Лев Николаевич, умирают лишь телесно, духовно же они бессмертны, сохраняясь в памяти народа как идеал душевной мощи, несокрушимой энергии и нравственной высоты. Образ Льва Николаевича перейдет в потомство, окруженный столь же ярким ореолом, каким он был окружен при жизни, и воспоминание о нем в години тяжелых испытаний и упадка общественных идеалов будет вечно поддерживать в людях веру в нравственный прогресс человечества и общее единение народов.

Академик Бехтерев

* Опубликовано в: Вестник психологии. 1910. Вып. IV.

**АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ
Б. Г. АНАНЬЕВА И ВОСПОМИНАНИЯ О НЕМ**

**Жизнеописание Б. Г. Ананьева, сделанное им
собственноноручно в 1933 г.***

Ананьев Борис Герасимович
Научный сотрудник 1 разряда

Жизнеописание

Отец учитель. Ныне — заведующий учебной частью ФЗУ завода «Красногвардеец» в Л.-де.

В 1924 г. закончил школу 1 ступени и поступил на общественно-экономическое отделение Горского пед. института. «С этого же года участвовал в работе педологического кружка при Институте и работал в кабинете педологии и педагогики Северо-Осетинского педтехникума в качестве практиканта. С 1925 г. привлечен к работе кафедры педологии и психологии Горского педвуза в качестве ассистента. В связи с ликвидацией общественно-экономического отделения при Горском Пед. Институте мне было разрешено в 1926 г. сдать досрочно курс дисциплин по отделению (весь учебный план), за исключением дипломной работы. В этом же году Правление Института и кафедра командировали меня на I Северо-Кавказский педологический съезд. Ассистентскую работу по кафедре я выполнял до сентября 1927 г., когда получил командировку от Института в Ленинград для совершенствования по специальности (психология и педология). За период обучения и работы в вузе выполнял ответственные общественные работы в качестве члена профкома вуза (зав. академической секцией), член Горского Бюро Пролетстуда, председателя ревкомиссии Армянского студенческого землячества, председателя педологического кружка (1924-1927 г.) и т.д.

*Личная карточка научно-исследовательского работника. 1932 г. — Архив РАН. (СПб.). Ф.805. Оп. 3. №18. 22 марта 1933 — 27 октября 1937. 22/111.32. Л. 2-3.

С сентября 1927 г. по май 1928 г. работал в Ленинграде в Гос. Ин-те по изучению мозга им. Бехтерева — в качестве сверхштатного сотрудника, подготавливая дипломную работу, которую защитил в июне 1928 г. в Горском Пед. Ин-те. После защиты дипломной работы отборочная комиссия вуза постановила рекомендовать меня в качестве аспиранта по психологии и педологии, представив мою кандидатуру в аспирантскую комиссию ГУС³а. В феврале 1929 г. я был утвержден этой комиссией в качестве аспиранта Ин-та мозга им. Бехтерева. С сентября 1928 по апрель 1929 г. работал сотрудником кабинета поведения Института ОЗД и П. За указанный период мною был проделан ряд экспериментальных работ, часть из которых была опубликована (см. список работ). За время аспирантуры в Институте мозга им. Бехтерева (с апреля 1929 по декабрь 1930 г.), помимо общей научной подготовки, имел ряд теоретических и экспериментальных исследований, опубликованных в различных изданиях Института. В 1929 и 1930 г. был одним из организаторов и руководителей Методологической Комиссии Института; в период подготовки к I Всесоюзному съезду по изучению поведения был выдвинут в качестве ответсекретаря Ленинградского Оргкомитета. По предложению конференции I Всесоюзного Поведенческого съезда был выдвинут в секретариат съезда в качестве представителя Ленинграда. На общей секции съезда мною был прочитан доклад, представленный от Института. В период 1929/30 г. проводил также ряд общественных работ в качестве организатора и зав. учебной частью Вечернего Психоневрологического Университета рабочей молодежи при Институте мозга и обкома ВЛКСМ, руководителя бригады Леноблбюро САР по обследованию Научного Института им. Лесгафта, членом бригады по чистке Гос. Института Научной педагогики и т. д. В 1930 г. участвовал в бригаде Ленотд. Ком. Академии и Института мозга по изучению новых форм труда на заводе «Русский Дизель». По предложению Дирекции Института мозга, досрочно окончил аспирантуру в декабре 1930 г. после чего был оставлен при Институте в качестве научного сотрудника I разряда (далее — старшего научного сотрудника). В 1931 г. выступал со специальным докладом от Института на пленуме I Всесоюзного психотехнического съезда. С 1931 г. работаю, помимо Института мозга, в педагогических вузах Ленинграда, занимая должность доцента по кафедре педологии и психологии в Ленинградском Агро-педагогическом институте, где некоторое время — с 1/1 по 1/IV 1932 был также врид. зав. кафедрой педологии в Ленинградском педагогическом институте им. Покровского, где работаю с сентября 1931 по настоящее время. Кроме того, вел педагогическую и исследовательскую работу в других учебных заведениях (техникуме сценических искусств, ФЗУ им. Карпова, Горный Институт, Ленинградский Дом Художественного воспитания детей и т. д.). В 1932 г. организую учебную

³ Институт охраны здоровья детей и подростков. — Н. Л.

работу с рабочими аспирантами по психологии в Институте мозга (что в дальнейшем отмечается Дирекцией Института), провожу с сотрудниками Сектора психологии и педологии методический семинар, участвую в организации работы ЛБСНР по призыву соц. совместителей в науку. В этом же году получаю научную командировку от Института в Московский Институт психологии, педологии, психотехники и затем (в октябре 1932 г.) командируюсь Дирекцией Института мозга на совещание по программам психологии, созданном по заданию Наркомпроса. .. По взятым на себя ударным обязательствам организовал в секции специальную лабораторию по изучению поведения (главным образом, по психологии речи), в которой проводится экспериментальная работа группы руководимых мной аспирантов. С 1/IV по 4/V 1933, по распоряжению Дирекции Института, исполнял обязанности зам. зав. сектора психологии и педологии.

Работая научно в области психологии и педологии с 1925 г., я специализировался на некоторых вопросах, в области которых мною произведен ряд исследований. Сюда относятся: проблема исторически-классового развития психической деятельности и сознания человека, учение о поведении личности, психологии коммуникативной функции речи, психологии профессий и проф. ориентации (в связи с проблемой психологии учителя и формирования проф. направленности в политехнической школе). Экспериментальная работа посвящена главным образом проблемам психологии речи (разрабатываемым мною систематически с 1928 г. по настоящее время). В связи с моими специальными интересами в этой области Дирекция Института мозга в 1930 г. прикомандировала меня к Яфетическому Институту Академии наук (ныне Институт языка и мышления). Практическое значение этих работ по речи непосредственно связано с рядом вопросов педагогического воздействия и методики преподавания русского языка в школе.

10/V 33 г. *Б. Ананьев*

Воспоминания А. А. Бодалева о Б. Г. Ананьеве*

Я увидел и услышал его в первый раз в 1944 г., когда Центральный Лекторий Ленинграда пригласил его прочитать цикл лекций о важнейших проблемах психологической науки.

Шла война. Ленинград не успел залечить раны, нанесенные ему блокадой, а молодой 37-летний профессор вдохновенно рассказывал о разгаданных психологических тайнах внутреннего мира человека, о больших задачах, которые еще надо будет решить, о роли наук о человеке в послевоенном строительстве нового общества.

Захватывали эти лекции слушателей без остатка не простотой, не занимательностью, а наоборот, кажущейся нерассчитанностью на подготовленность аудитории. Борис Герасимович Ананьев поднимался на кафедру, ставил проблемы и затем на глазах пришедших на лекцию начинал поиски путей их решения. От этих блестящих размышлений вслух, от этого умения оценить и синтезировать громадное количество фактов, самокритично отказаться от выигрышных по форме, но не ведущих к истине ходов мысли и вновь и вновь находить белые пятна там, где, казалось, уже все давным-давно очевидно — от всего этого не только захватывало дух. Манерой своего чтения Б. Г. Ананьев властно и непременно заставлял напряженнейшим образом думать вместе с ним, досадовать, когда намечившаяся было закономерность не выводилась, и еще сильнее переживать удовлетворение, когда проблема решалась, и особенно когда в конце лекции вдруг оказывалось, что впереди еще океан нераскрытого, неведомого...

И не только горизонты, которые Борис Герасимович открывал в психологии, но и эта чудесная школа мысли поражали, влекли, манили. В течение всех десяти лекций, которые прочел тогда Б. Г. Ананьев, большой зал лектория был переполнен.

Эти лекции определили мое будущее. Окончив весной 1945 г. 10-й класс школы рабочей молодежи, я поступил на психологическое отделение, созданное по инициативе Б. Г. Ананьева при Ленинградском Университете, и с тех пор, как и многие мои товарищи, больше четверти века учился у Ананьева.

Быть его учеником было нелегко. Он сам не терпел проторенных путей в науке, не любил повторять и проверять уже известное. Его сила была в великой способности работать на самом переднем крае психологической науки, чутко улавливать животрепещущие проблемы, мастерски переливать их в задачи конкретных исследований и намечать пути к их решению. И от учеников — неважно, был ли это студент или доктор наук — он требовал новаторства, активного поиска, научной инициативы.

* Текст подготовлен А. А. Бодалевым для публикации еще в 80-е годы, но до сих пор так и не был опубликован.

Помню, на третьем курсе я провел довольно большой эксперимент на обезьянах, который доказывал существование зависимости от длительности сохранения в памяти обезьяны образа предмета значимости этого предмета для этого вида обезьян. Борис Герасимович сказал тогда: «Зачем повторять, что Волга впадает в Каспийское море? Старайтесь находить для себя не решенные никем задачи». Еще более резок он был с одним профессором — своим учеником, который, написав для журнала статью о психологии личности, почти целиком построил ее на банальных в глазах специалиста утверждениях. «Почему вы даете своей мысли бездельничать? — журил он этого профессора. — Никакой девальвации научных идей нельзя допускать даже в популярных работах».

Это постоянное пребывание на передовой в великой битве за истину позволяло Борису Герасимовичу первым в советской психологической науке осветить громадный ряд вопросов, многие из которых до него в психологии не были даже поставлены. Так, например, именно Б. Г. Ананьевым была сформулирована задача создания единой теории возрастной психологии, которая охватывала бы жизнь человека от рождения до старости, и именно им были раскрыты многие из ранее неизвестных характеристик восприятия пространства и времени человеком, и на ряд лет вперед разработана программа исследования механизмов этого процесса.

Другим ярчайшим качеством Б. Г. Ананьева было его поразительное умение организовывать деятельность научных учреждений, которые он создал и во главе которых он многие годы стоял, как деятельность от начала до конца коллективную. Казалось, что для него не существовало бездарных сотрудников, потому что в каждом он умел разбудить творческие силы, каждому поставить задачу, которая в наибольшей степени отвечала бы возможностям исполнителя и одновременно делала его полноправным участником разработки научных проблем, над которыми трудился коллектив. Так было, когда Б. Г. Ананьев возглавлял Ленинградский научно-исследовательский институт педагогики, работавший над раскрытием взаимосвязей разных сторон развития школьника в процессе обучения.

Так было и когда сотрудники, аспиранты и студенты психологического отделения экспериментальным путем выявляли основные особенности ощущений, восприятий и памяти человека, а также устанавливали зависимости между ними. Так было и тогда, когда Борис Герасимович, предварительно сформулировав гипотезу о противоречивом характере развития у человека психофизиологических функций, нацелил своих учеников на экспериментальное изучение структурных особенностей психофизиологического развития взрослых людей. И особенно блестяще неповторимый талант организатора творческого настроения у Бориса Герасимовича проявился в последние годы его жизни, когда он, увлеченный созданием

целостной теории человека, организовал на факультете психологии ЛГУ многокомпонентное, комплексное его исследование, синтезировавшее философский, психологический, анатомический аспекты его изучения.

Человек громадных знаний и глубокой философской образованности, Б. Г. Ананьев задолго умел предвидеть основные тенденции развития не только родной для него психологической науки, но и всего цикла антропологических дисциплин. Намеченные им для исследования проблемы в пограничных для философских наук и психологии областях, возникающие на стыках психологии и биологии, психологии и истории, психологии и техники, психологии и медицины, психологии и педагогики еще долго будут конкретной программой деятельности специалистов, объектом исследования для которых оказывается человек. Осуществление этой программы будет означать сближение и интеграцию всех средств познания человека и создание действительно единой и цельной теории человекознания, без которой по существу невозможно по-настоящему научно организовать труд людей, повысить эффективность их воспитания и образования и обеспечить их физическое и психическое здоровье.

Мои воспоминания об отце*

Конечно, моя заметка не имеет и не может иметь ничего общего с оценкой профессионального вклада Бориса Герасимовича Ананьева в психологическую науку, мне хотелось бы определить ее иначе — я хотела бы снова перелистать страницы семейных альбомов и «Черной Тетради с красным орнаментом» (так назвала моя мама свои воспоминания об их жизни с отцом). Она вручила мне эту «Тетрадь» в марте 1973 г., почти через год после смерти отца. Работая над своими воспоминаниями сегодня, я прочла ее вновь и испытала опять жгучую боль души от испытанной нами потери. Мама жила этими воспоминаниями все 17 лет, на которые она пережила отца. Тогда мы вспоминали вместе. После того, как ее не стало, уже 8 лет я вспоминаю одна.

За год до моего рождения папа был избран член-корреспондентом Академии педагогических наук, а в год моего рождения он организовал сектор педагогической психологии в Ленинградском филиале АПН РСФСР, преобразованный затем в институт педагогики. Этот институт я помню с самого раннего детства, почему-то запомнились лестница и папин кабинет. К тому же работавший в то время в отделе методики преподавания биологии Николай Александрович Рыков подарил мне как-то головастика. Можно даже пошутить, что этот факт очень ранней биографии определил мой последующий профессиональный путь — я зоолог и занимаюсь исследованием как раз земноводных и пресмыкающихся. Все 26 лет моей жизни, детство, отрочество, юность и молодость, которые я провела с родителями, были совершенно особым временем.

В 1972 г. моего отца не стало, и у меня началась другая жизнь — это не высокие слова, действительно его личность определяла все в нашей семье, хотя я по молодости и незрелости души этого и не подозревала до самого момента утраты.

Наедине с собой я часто достаю семейные фотографии и документы. Сейчас мне хочется сделать это в своих воспоминаниях.

В нашей семье была традиция ведения персональных альбомов с фотографиями для каждого члена семьи и для особых событий, в частности юбилеев. Альбом, посвященный жизненному пути моего отца, традиционно открывался детскими фотографиями — маленький мальчик в платьице, как это было принято в начале века, затем немного подросший в черкеске.

Всеми корнями семья моего отца, как, впрочем, и мама, были связаны с Кавказом. Он родился 14 августа 1907 г. в городе Владикавказе в семье учителя, в 17 лет закончил среднюю школу, высшее образование

* Из публикации Н. Б. Ананьевой в журнале: Известия АПСН. М.; Воронеж, 1997. Вып. 2.

получил в Горском педагогическом институте в 1928 г. в том же городе. Уже в ранней молодости, во время обучения в институте, он работал на кафедре психологии ассистентом. По окончании института молодой психолог, который к этому времени уже имел пять печатных работ, был рекомендован отборочной комиссией для поступления в аспирантуру. С февраля 1929 г., после зачисления в аспирантуру по психологии Ленинградского института по изучению мозга им. В. М. Бехтерева, начался научный путь Б. Г. Ананьева, который до последних его дней был связан с Ленинградом.

Можно лишь предположить, как возник у моего отца очень ранний и стойкий интерес к научной деятельности вообще, и к психологии в частности. Его так называемая «квалификационная» (дипломная) работа, посвященная «Эволюции мирозерцания и мироощущения в юности», была подготовлена и защищена в возрасте 20 лет.

С возрастом я все больше размышляю, что могло иметь особое значение в формировании характера отца. Мне хочется выразить свои впечатления о том, что кажется мне наиболее важным. Несмотря на стремительный бег времени, попробуем представить себе обстановку тех лет. Я помню по папиным рассказам, какой плодотворной для развития детей была без преувеличения «просветительская» атмосфера, в которой выросли он и его сестра Вера Герасимовна Ананьева, ставшая впоследствии учительницей.

Семья скромного учителя в маленьком городке на окраине огромной Российской империи. Мой дед, Герасим Борисович Ананьев, закончил Эриванскую учительскую семинарию в Армении в 1890 г., получил звание учителя и был назначен в Караногай, в ставку Терекли (в бывшей Терской области) заведующим Караногайским училищем. Затем он преподавал в Кизляре, закончил учительский институт в г. Тифлис (ныне г. Тбилиси), позднее с семьей переехал по Владикавказ, где также занимался педагогической деятельностью. Кроме основных занятий, он организовал сеть метеорологических станций в бывшей Терской области; результаты метеорологических наблюдений публиковались в бюллетенях Главной Физической обсерватории. За заслуги по исследованию климата России Г. Б. Ананьев был избран корреспондентом Николаевской Главной Физической Обсерватории, о чем свидетельствуют сохранившиеся в семейном архиве документы. Он занимался *также* и этнографическими наблюдениями; труды по изучению быта и народных преданий «кочевников караногайцев (остатки б. «Золотой орды») были напечатаны в двух сборниках «Сборники по изучению быта и племен Кавказа».

Мой отец также был просветителем; речь идет не только о его богатом педагогическом опыте или публикациях. Его без преувеличения можно назвать просветителем в самом широком смысле этого понятия. Как отмечала в своих воспоминаниях моя мать, этот талант особенно

проявлялся в повседневной жизни, когда приобщение ко всему, что происходит в мире науки, литературы, искусства, к международным событиям распространялось не только на жену и дочь, но и друзей, и знакомых. Очень трудно отличить от этих качеств то, что можно назвать любопытством к окружающему миру во всех его проявлениях — неустанной и неутолимой жажде впечатлений. Его принцип «огромного разнообразия впечатлений» особенно ярко находил свое выражение во время отпусков, путешествий, экскурсий по любимому городу, в музеи и на выставки.

В семье отца во Владикавказе во времена его детства и юности, как это было принято в то время, много читали и музицировали. В юности папа мечтал о музыкальной карьере, сочинил несколько пьес для фортепьяно, в моих детских воспоминаниях живут моменты, когда он играет на пианино, импровизирует. Это нашло отражение и в проблематике его первых публикаций: «Опыт экспериментально-психологического изучения влияния музыки на поведение» (1927); «Влияние музыки на поведение человека» (1928).

Очень важным я считаю также то обстоятельство, что отец родился и прожил до 21 года на Кавказе. Сейчас, когда Российская империя и Советский Союз прекратили свое существование, стало очевидно, каким пестрым котлом разных национальностей, характеров, языков, обычаев традиций был Кавказ, а особенно такие города, как Владикавказ и Тифлис (Тбилиси), расположенные по обеим сторонам Главного Кавказской хребта. Судьбе было угодно соединить моих родителей — отца (из Владикавказа) и маму (Тбилиси ее родной город). Кроме этнографического и лингвистического разнообразия нельзя забывать и о необычайном богатстве природы Кавказа, впечатления о котором мои родители хранили всю свою жизнь.

Для отца было характерно какое-то очень теплое чувство ко всему Кавказу, независимо от национальностей, — я восприняла его с самого раннего возраста и сейчас испытываю самые горькие чувства и особую боль, когда там происходят трагические события.

Во время своих поездок за границу отец с особым чувством отнесся к посещению Чили — страны, народ и природа которой напоминали ему родной Кавказ.

Я уже упоминала о том, что была поздним ребенком, к тому же единственным в семье. К моему воспитанию родители относились очень серьезно, но в то же время не стремились создать для меня какие-то особые условия: я не была вундеркиндом, училась в самой обычной школе по месту жительства, проводила время во дворе со своими сверстниками. Папа любил гулять со мной; я до сих пор помню наши прогулки, во время которых он рассказывал всякие интересные и удивительные истории, показывал мне город, водил в кино; во время летних поездок мы вместе посещали самые интересные места. Во дворе, когда я была совсем

маленькой, он постоянно участвовал в играх детей и наблюдал за ними, это было продолжением его исследований по детской психологии.

Отец очень эмоционально делился своими впечатлениями. В его архиве я обнаружила доклад А.Ковалева, судя по всему, никогда не прочитанный, в котором анализируются «Особенности личности и научно-организационной деятельности Б. Г. Ананьева». Он, так же как и мама в своих воспоминаниях, отмечает чрезвычайную разносторонность отца и его необычайную эмоциональную чувствительность, которая была заметна, несмотря на огромное самообладание, выдержку и сдержанность его характера. Вероятно, это эмоциональное, воистину страстное отношение к науке его самого в значительной степени и определило мой профессиональный выбор.

Мои родители не были благополучными людьми. Это неблагополучие определялось эпохой, в которую им выпало жить (1937 год, Великая Отечественная война, идеологический пресс, постоянно сказывавшийся на ситуации в психологии). Несмотря на это, в них не было и признаков душевной усталости, которая так часто с возрастом поражает людей; трогательные проявления поистине детской радости по самым, казалось бы, обычным поводам и неутраченное любопытство к окружающему миру всегда вызвали восхищение как мое, так и моих друзей, тогда совсем молодых людей.

Отец особенно ценил тепло и уют семейного очага. Мои родители вносили так много тепла и совершенно особого вкуса в организацию дома, что это бросалось в глаза каждому, кто сюда приходил.

С 1949 г. наша небольшая семья жила в зеленом районе Ленинграда — в Новой Деревне, который папа особенно любил. Здесь, в отличие от центра, возникала иллюзия «деревенской» жизни; успокаивала зелень дубов и тополей, растущих прямо под окнами, воздушный бассейн, зеленый дым распускающейся листвы, пение птиц. Семья всегда была невелика; постоянно мы жили втроем, часто к нам из Тбилиси приезжала и жила всю зиму моя бабушка (мамина мама), мамыны брат и племянник. Мама всегда (до своего ухода на пенсию в 1969 г.) работала. Род ее деятельности был очень далек от психологии. После окончания в 1936 г. Закавказского института инженеров транспорта и знакомства с отцом она переехала в Ленинград, где работала инженером на Первом Ленинградском авторемонтном заводе, а затем поступила в аспирантуру Ленинградского политехнического института по специальности «Автомобили и тракторы»... Защитила она кандидатскую диссертацию перед войной, 17 марта 1941 г. Меня всегда поражало, как эта хрупкая изысканная женщина не только выбрала такую специальность, но и работала во время войны в качестве преподавателя танкового батальона и командира-инструктора автошколы. В 1943 г., когда мои родители вернулись из эвакуации в Ленинград, она продолжила свою работу в Политехниче-

ском институте, а последние 18 лет своей трудовой деятельности работала в Северо-Западном Политехническом Заочном институте, где читала лекции и вела практические занятия по курсу теоретической механики. Ею было опубликовано около 30 научных трудов, и в 1954 г. ей было присуждено научное звание доцента. Из воспоминаний детства — и мама, и отец готовятся к лекциям, каждый за своим столом. Несмотря на большой педагогический опыт, к каждой лекции они готовились, делали записи, хорошо помню, что это были длинные узкие полоски бумаги, страница обычного формата складывалась пополам. Отец объяснял, что при этом сужается поле зрения, что позволяет легче охватить мысль, выраженную в написанных от руки строчках.

Несмотря на постоянную занятость, и дома любили принимать гостей. Часто бывали друзья, ученики. Уют в доме был важен как для мамы, так и для отца. Они оба отличались удивительной организованностью и любовью к порядку, что причиняло мне в детстве немало огорчений. Папа любил готовить, расставлять книги, безделушки; было очевидно, что для него это отдых.

С годами жизнь семьи становилась камернее, в последние годы они наслаждались общением друг с другом, театрами, поездками в Тбилиси, Москву, Таллинн, Киев. Мама ушла на пенсию в 1969 г., а я уже жила отдельно. В эти последние годы их совместной жизни, мне кажется, они были особенно счастливой парой. Всегда были рады мне и моим друзьям; мы и сейчас вспоминаем, что, несмотря на строго организованную жизнь этих пожилых людей, к ним можно было заехать в поздний час, и это не вызывало раздражения. Они любили «создавать» праздники и не жалели душевных и физических сил для этого. Это еще одно качество, создающее «дом», — традиции — Новый Год, дни рождения, семейные торжества, в их организацию вкладывалась душа, в их подготовке чувствовался особый пафос.

Уже пройдя долгий жизненный путь, я могу оценить внутреннюю организованность, силу и мудрость моих родителей, которые так хотели и умели создавать праздники своим близким и друзьям. Сейчас я понимаю, как это может быть физически тяжело, как наступает душевная усталость, не будучи особенно физически сильными и здоровыми людьми, они не допускали даже возможность поддаться таким состояниям. Мне выпало счастье родиться в удивительной семье, и я ощущала это уже в юности. Однако судьба не позволила мне долго наслаждаться радостью общения с моим отцом — мне было всего 26 лет, когда его не стало. Я успела услышать, узнать и понять многое из общения с ним, но еще больше я не успела. Мои университетские и аспирантские годы совпали с его особым исследовательским отношением к личности художника — особенно интересовали отца Пушкин, Достоевский, Блок. В связи с этим особую направленность приобрел и его интерес к истории города.

После перенесенного инфаркта, начиная с 1960 г., папа совершал длинные прогулки, которые были рекомендованы врачами. Его деятельная натура не позволяла ему просто «гулять» — это были литературные и исторические экскурсии, к которым он приобщал всех, кто бывал у нас в гостях. Особенно хорошо запомнились его «пушкинские» прогулки, которые завершались у места дуэли поэта.

Н. Б. Ананьева

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Введение	6
Глава 1. КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД В ПСИХОЛОГИИ	12
Онтологические и гносеологические особенности	18
Некоторые особенности организации междисциплинарных исследований	28
Глава 2. ЗАРОЖДЕНИЕ КОМПЛЕКСНОГО ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЯ В НАУЧНОЙ ШКОЛЕ В. М. БЕХТЕРЕВА	33
Психологическая концепция В. М. Бехтерева как основа стратегии комплексного изучения личности	38
Реализация программы объективной психологии в дореволюционный период	53
Глава 3. КОМПЛЕКСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ИНСТИТУТЕ ПО ИЗУЧЕНИЮ МОЗГА	71
Организация Института по изучению мозга и психической деятельности	7
Перестройка структуры и деятельности Института мозга после смерти В. М. Бехтерева	83
Реализация комплексного подхода в деятельности Института мозга (1936-1948)	98
Глава 4. ФОРМИРОВАНИЕ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ Б. Г. АНАНЬЕВА И ЗАМЫСЛА КОМПЛЕКСНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЧЕЛОВЕКА	110
Формирование научной школы Б. Г. Ананьева	113
Программа и результаты исследований по проблеме чувственного отражения	120
Психолого-педагогические исследования в Ленинградском НИИ педагогики АПН РСФСР под руководством Б. Г. Ананьева	129

Глава 5. КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СИСТЕМА Б.Г.АНАНЬЕВА КАК МЕТОДОЛОГО-ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА КОМПЛЕКСНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЧЕЛОВЕКА	138
К понятию концептуальной системы	139
Методологические принципы концептуальной системы Б. Г. Ананьева	147
Б. Г. Ананьев о психических процессах	160
Структура личности-индивидуальности в системе взглядов Б. Г. Ананьева	167
Отнопсихология — концепция индивидуального психического развития.	184
Глава 6. КОМПЛЕКСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ ПОД РУКОВОДСТВОМ Б.Г.АНАНЬЕВА (1963-1972).	198
Предпосылки комплексных исследований и их программа.	-
Результаты комплексных исследований под руководством Б. Г. Ананьева	215
Результаты изучения структуры индивидуальности	216
Результаты и исследования возрастной эволюции в период зрелости.	219
Комплексные исследования — значительный вклад в теорию и методологию психологии.	224
Заключение.	237
Библиография.	244
Архивные материалы.	-
Литература	246
Приложение 1. Научно-организационная деятельность В.М.Бехтерева.	268
Приложение 2. Автобиографические материалы Б. Г. Ананьева и воспоминания о нем.	271

Научное издание

Наталья Анатольевна Логинова

ОПЫТ ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЯ

История комплексного подхода
в психологических школах
В. М. Бехтерева и Б. Г. Ананьева

Редактор *Е. В. Красненкова*

Художественный редактор *Е. И. Егорова*

Обложка художника *Е. А. Соловьевой*

Компьютерная верстка *Е. В. Величкиной*

Лицензия ИД №05679 от 24.08.2001

Подписано в печать 26.04.2005. Формат 60 x 84^х/16.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,74 +вкл. 0,23. Заказ 85

Издательство СПбГУ. 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

Тел. (812)328-96-17; факс (812)328-44-22

Е-mail: editor@unipress.ru

www.unipress.ru

По вопросам реализации обращаться по адресу:

С.-Петербург, 6-я линия В. О., д. 11/21, к. 21

Телефоны: 328-77-63, 325-31-76

Е-mail: post@unipress.ru

Типография Издательства СПбГУ.
199061, С.-Петербург, Средний пр., 41.